ГЛАВА 25

«СТАРАЯ СТРАНА»

Мои дедушка и бабушка со стороны отца эмигрировали из Украины. Дедушка был небольшого роста, худой, с усами, свисающими вниз. Звали его Иосиф Корсунский. По характеру чрезвычайно мягкий и добрый человек. Бабушка Роза была крупной женщиной, очень властной и с железной волей. Они часто вспоминали свою "старую страну," и, будучи ребенком с живым воображением, я пыталась представить себе их жизнь в тех маленьких местечках. Большинство их друзей тоже были из "старой страны", и очень часто я ходила со своей бабушкой и ее подругами из России на еврейский рынок в Нью-Йорке. Там была своя бурная жизнь, и для маленькой девочки из тихого городка это всегда было большим событием.

Они покинули Россию в 1902 году и сумели вырастить и воспитать шестерых детей. Их первый дом в Уилки-Бэрри, Пенсильвания, стоял так близко от железной дороги, что стены его дрожали от проходящих поездов.

И вот теперь, через много лет, я еду в эту "старую страну". (Родители моей матери были выходцами из Австрии и Польши.) Самолет летел из Токио в

Москву, а я вспоминала свои детские годы.

Господь предупредил, что мне не следует привозить с собой Библии, только одну для себя, что разрешалось. Поэтому, когда я предстала перед московской таможней, у меня было всего несколько вещей, при обнаружении которых были бы неприятные последствия. У меня было два американских паспорта — один со всеми моими израильскими визами, а другой — для поездки за Железный занавес, так как многие социалистические страны не имели дипломатических отношений с Израилем. Поэтому паспорт с израильскими визами я тщательно спрятала. Кроме того, я спрятала адреса людей, которых собиралась посетить, а также браслет и фотографию Иды Нудель.

После паспортной проверки таможенники предложили мне открыть чемоданы. Я с быющимся сердцем обратилась к Господу с просьбой защитить тех, кого Он мне доверил: "О Господи, пожалуйста, не дай им найти адрес и браслет!" Каждая вещь была проверена, за исключением тех, где были спря-

таны эти предметы.

Затем меня провели к черной машине "Интуриста", которая помчала меня по улицам Москвы к гостинице, где я должна была остановиться. Москва произвела на меня неприятное впечатление — огромная, с мрачными темными улицами. Повсюду я видела портреты и статуи Ленина.

В гостинице меня ждал приятный сюрприз — меня приветствовал г-н Г. Обстоятельства привели его в Москву в то же время, что и меня. Как рада я была видеть его! Он так помог мне! Господин Г. показал, как разобраться в сложной системе кафе и ресторанов в отеле (обычно в них нет того, что указано в меню), и рассказал, как ориентироваться и в других областях. Это была поистине рука помощи Господа, и мне было очень жаль расставаться с этим человеком, когда через два дня я поехала в Ленинград.

В Ленинграде я должна была посетить первую семью, адрес которой мне дали. Я знала, что брать такси у гостиницы нельзя, поэтому полагалась на карту, которую мне дали в Норвегии. У меня это заняло несколько часов, и по пути я смогла наблюдать то, что обычные туристы не видят. Трудно описать впечатление, которое я получила, бродя по городу. В магазинах практически было пусто, за исключением капусты, картофеля и яблок, но такого качества, что обычно оставляют на земле для птиц. За такими "деликатесами", как помидоры, стояли огромные очереди. В промтоварных магазинах тоже было почти пусто. Жилые здания были в ужасном состоянии. Все в Советском Союзе принадлежит государству, частных магазинов нет, люди могут продавать лишь цветы. (Они выращивают их сами и стоят часами, чтобы продать маленькие букетики.)

В глазах людей страх. Им запрещено разговаривать с иностранцами, и они не доверяют даже своим соседям, потому что очень много осведомителей. Сердце сжималось от тоски, когда я смотрела на этих людей, живущих без всякой надежды.

Наконец, я нашла квартиру Иды и Абы Таратута, но никого не оказалось дома. Почти весь день поисков ушел впустую. Господь подсказал мне написать записку и бросить в их почтовый ящик; я написала, что приду на следующий день в 11 утра.

Утром следующего дня Ида очень тепло меня приняла. Она объяснила, что ее мужа не будет дома еще, по крайней мере, две недели. "Он ученый, — сказала она, — но, так как мы подали документы на выезд в Израиль, он потерял работу. Очень долго он не мог ничего найти, а сейчас принимает участие в строительстве дома недалеко от Ленинграда, так что он приезжает домой на день-два через каждые несколько недель".

Потом она рассказала мне, что очень беспокоится за своего сына, которому 18 лет, и, если его призовут в армию, он не сможет уехать в Израиль, а если откажется служить, то будет арестован. Я не думаю, что мы на Западе можем понять это отчаяние матери!

На мое недоумение и удивление по поводу того, что в магазинах почти нет овощей и фруктов, она сказала, что зимой бывает еще хуже.

Ида была поражена, узнав, что я приехала из Израиля; мы проговорили с ней несколько часов. Я рассказывала ей о стране, ради которой они рисковали всем. На протяжении шестидесяти лет советское правительство систематически делало все возможное, чтобы искоренить религию и веру в Бога, и большинство семей, как Ида и Аба, выросли, ничего не зная об иудаизме, испытывая лишь дискриминацию из-за того, что были евреями. Они не помнили традиций их родителей, дедушек и бабушек. Но все-таки, с Божьей помощью, ростки иудаизма нашли свое место в их душах и пробудили в них желание, не смотря ни на что, вернуться в Израиль, к себе домой.

Ида рассказала мне, что Аба преподает иврит и традиции еврейского народа вновь входят в их жизнь.

Смена караула у Мавзолея Ленина. Красная площадь. Москва.

Церковь на Красной площади. (Сейчас здесь "музей")

Она рассказала, что весной в их квартире был обыск и все книги на иврите конфисковали, хотя на английском не тронули. Поэтому Библия на английском осталась. Потом она объяснила, что после объявления о своем желании уехать в Израиль жить им, в определенном смысле, стало легче. Они были в "отказе" уже долгие восемь лет, и, как она понимала, их использовали в качестве примера для запугивания других, чтобы те не повторяли их "ошибок". "Однако, — добавила она, — мы все еще надеемся". Какая невероятная разница со всеми другими в этой стране угнетения!

Я стала рассказывать о любви Господа к ним и о всех тех чудесах, которые произошли в Израиле за последние 32 года. Я рассказала еще об Иисусе и о том, как я поняла, что Он и был тем Мессией, которого обещал Господь нашему народу. Она слушала с большим интересом. Потом я рассказала о той любви, которую испытывают истинные последователи Иисуса к Израилю и к еврейскому народу; она была очень тронута.

Ида угостила меня чаем с печеньем и подарила красивую деревянную ложку, сделанную в далекой украинской деревне. Мы случайно обнаружили, что ее

бабушка и дедушка были из того же местечка, что и моя бабушка.

После посещения их семьи я зашла в магазин "Березка" и купила точно такое же деревянное блюдо, как у Иды, чтобы угостить ее печеньем, когда настанет день и она будет у меня в гостях в Иерусалиме. Мое сердце было полно гордости Господь послал меня передать Свою любовь такой смелой еврейской женщине в Советском Союзе!

Моя следующая остановка была на Украине, в городе Киеве. Многое там вызывало детские воспоминания — по рассказам дедушки и бабушки.

В Киеве я должна была посетить ученого Владимира Кислика. Каждый день я подходила к его квартире, но на мой стук никто не отвечал. В субботу, мой последний день в Киеве, я проснулась, ожидая, что Господь сразу же пошлет меня по тому же адресу. Но Он вместо этого предложил мне прогулку по магазинам, К Владимиру я должна была идти не раньше 3 часов. Это меня несколько удивило, так как в 10 часов вечера я должна была отправляться поездом в Одессу, а в 7 часов у меня была назначена встреча с Сашей, молодым русским парнем, с которым я познакомилась в кафе в гостинице. Но по своему опыту я уже знала, что Господь лучше знает, как мне распоряжаться своим временем.

В три часа я опять была у квартиры Кислика и, к моему удивлению, ответа опять не было. Но Господь мне велел прийти сюда в это время! Я уже было собралась уходить, но в это время открылась дверь лифта, оттуда вышла пара и, подойдя к двери в дальнем углу площадки, стала в нее стучать. Открыла женщина и, увидев меня около двери Владимира, спросила, откуда я. Господь подсказал мне говорить правду. "Израиль", - ответила я, а на ее глазах

появились слезы, и она знаками стала приглашать меня зайти к ней.

Я полюбила ее сразу, хотя она не могла говорить на английском, а я не могла говорить ни на идиш, ни на русском. Но мы говорили друг с другом нашими сердцами. Она тут же позвонила по телефону и пригласила кого-то, кто мог говорить по английски. А пока она все время предлагала мне что-нибудь поесть и повторяла: "Английский идет, английский идет!"

Через некоторое время пришла миловидная еврейская девушка Наташа, знающая английский. Она объяснила мне, что хозяйка дома — ее тетя Шошана — на этой неделе уезжает из Советского Союза к своей сестре в

Массачузетс. И Господь послал меня сюда как раз ко времени, когда все родственники и друзья должны прийти, чтобы с ней попрощаться. И, действительно, один за другим в эту маленькую квартирку стали приходить люди.

Наташа объяснила, что все они были очень тронуты тем, что у них появился гость из Израиля. По радио и телевидению они слышали про Израиль только плохое и очень хотели узнать правду. Многие из них уже подали документы на выезд в Израиль, в том числе и Наташа со своими родителями, и все они с такой любовью говорили об Израиле, что у меня на глаза наворачивались слезы. Я стала рассказывать им об Израиле, не скрывая и трудностей, которые их ожидают. Я говорила им о покое, который опускается на Иерусалим во время субботы, и о шумном праздновании Симхат Торы, Пурима, Хануки и Суккота, о торжественности Пасхи и Рош ха-Шана, и о том, как вся страна замирает в день молитвы и поста Иом Киппур. "Там трудно жить, — заключила я, — но это наш дом!" И мы все вместе всплакнули.

У многих из них уже уехали родственники и друзья, и было видно это смешение чувств — страха, печали и надежды, — которые так характерны для нашего народа издавна. Они объяснили мне, что Владимир, ученый, с которым я хотела встретиться, был арестован в Москве во время проведения Олимпийских игр. Потом его отправили в психиатрическую лечебницу. (К моменту моего отъезда из СССР он все еще не был на свободе.)

Конечно, я не упустила случая рассказать им о Мессии, и они с интересом слушали о Его любви.

Шошана подарила мне очень красивую красную скатерть, которую я до сих пор бережно храню, и еще сорвала мне несколько красных помидор со своего балкона. Вряд ли я была бы так тронута, если бы она подарила мне брильянты, ведь красный помидор в России — это действительно дар любви!

Настало время прощаться. Никогда мне не забыть этот вечер! Как благодарна я была Господу, что Он послал меня в этот дом, где я встретила так много прекрасных людей и смогла дать им надежду на любовь Бога Израиля, который не забыл Свой народ.

В гостинице меня уже ждал Саша. И хотя оставалось не так уж много времени, но, чувствуя любовь Господа к этому человеку, я стала рассказывать ему об Иисусе и о том, что Он может предложить потерянным и отчаявшимся. Через какое-то время Саша попросил меня написать ему молитву, чтобы он смог отдать свою жизнь Иисусу и получить прощение и новую жизнь. "Потом я переведу ее на русский. Я хочу быть уверенным, что понимаю каждое слово, — сказал он и добавил; — Моя мать была христианкой и всегда молилась за меня". Я сразу вспомнила своих мальчиков.

Я знала, что Саше придется многое возложить на Иисуса, поскольку все его окружение, все его знакомые будут выступать против его веры. "Я не боюсь", — сказал он, и я была уверена, что Иисус даст ему мужество, которое ему так нужно.

Когда я приехала на вокзал, представитель "Интуриста" уже был там, чтобы помочь мне сесть на нужный поезд. Я понимала, что это способ наблюдения за иностранцами, но тем не менее следует признать, что служба работы с туристами поставлена очень хорошо.

Этот представитель был так добр ко мне и проявил такое участие, что Господь подсказал мне быть с ним откровенной, несмотря на то, что он работник "Интуриста". В беседе выяснилось, что он уже общался с верующими во Христа и

ищет смысл жизни. Я сказала ему, что Господь тоже ищет пути к нему, потому что любит его. Он спросил, нет ли у меня чего-нибудь почитать на английском. Все, что у меня было, я отдала Иде, у меня осталась лишь одна книга, и я отдала ее ему. Он взял и радостно воскликнул: "Новый Завет! Я так вам благодарен!" Я обещала молиться за него.

Я приехала в Одессу, город на Черном море. Никогда в жизни мне не приходилось видеть таких переполненных пляжей. Люди лежали буквально рядом друг с другом. А вода была такой холодной, что, войдя в море, я тут же выскочила.

В Одессе я встретила настоящего верующего в Иисуса, одного за все время моего пребывания там. Я ехала на пригородном поезде, и вдруг мне понадобилось зайти в туалет. Я вышла на ближайшей остановке и стала его искать, что в Советском Союзе довольно трудно.

Когда, наконец, я нашла его, то обратила внимание на сгорбленного человека, который подметал дорожку около этого домика. При выходе Господь подсказал мне: "Дай ему пакетик жевательной резинки...". В Советском Союзе ее купить невозможно. Он сидел на перевернутом ведре, я подошла и тронула его за плечо, он повернулся и одарил меня лучезарной улыбкой. Любовь Господа светилась в нем. Он радовался красоте парка, который он убирал. Уходя, я обернулась, он все так же сидел на перевернутом ведре с пакетиком жевательной резинки и блаженно улыбался. Это был старик, сгорбленный от тяжелой работы, живущий в стране, враждебно относящейся к Богу. И я стала задавать себе вопросы: "А для нас достаточно ли только любви Иисуса? Увидим ли мы Его заботу в пакетике жевательной резинки и сможем ли при этом почувствовать себя защищенными Его любовью? Может быть нам нужно что-то еще, кроме Его любви?"

Следующая моя остановка была в городе Волгограде, бывшем Сталинграде, который во время Второй мировой войны весь был разрушен. Там построили грандиозный мемориал. По какой-то причине советское правительство все время поддерживает память об этой войне, а расходы на строительство этого гигантского комплекса огромны!

На Москву у меня оставался всего один вечер; оттуда я должна была поездом отправляться в Румынию. В Москве мне нужно было посетить Виктора и Ирину Браиловских. Я поехала по данному мне адресу. К счастью, они оба оказались дома. Они тоже были "отказниками" уже много лет и надеялись, что Господь им поможет. Виктор рассказал, что с ним случилось весной. "Меня арестовали, и я должен был предстать перед судом, но потом дело прекратили и меня выпустили, даже судьи не могли понять, почему". У них дома была Библия, и Виктор слышал, что есть такие евреи, которые воспринимают Иисуса как обещанного Мессию.

И опять меня поразила смелость и вера в свою правоту в тех еврейских семьях, которые я посетила. Ирина тоже поделилась со мной тем, что им пришлось пережить в апреле: "Они устроили обыск и перевернули в квартире все вверх дном. Один из них хотел конфисковать кассету с израильскими песнями, я сказала ему: "Почему вы это делаете? Тут нет ничего антисоветского. Хотите, я проиграю ее?" Как только он услышал песню об Израиле, он тут же схватил кассету: "Раз она об Израиле, значит, антисоветская!"

Ирина — небольшого роста, худенькая женщина, но у нее мужество, которое может быть только от Бога. Она сказала этому официальному лицу: "Израиль

— маленькая страна с населением всего три миллиона человек, и они не боятся проигрывать советскую музыку. Почему же такая огромная страна, как эта, боится Израиля?" Он взял кассету, ничего не ответив.

Когда я была у них, Господь подсказал мне, чтобы я показала им браслет с именем Иды Нудель, который дал мне пастор из общины Голди. Как оказалось, они хорошо знали Иду и рассказали, что кто-то из друзей собирается навестить ее в ссылке. "Пусть они отвезут его ей, — предложил Виктор, — ей будет приятно узнать, что друзья на Западе не забыли о ней". И я оставила браслет им.

Я пообещала навестить отца Виктора, его мачеху и брата, которые живут в Израиле, а на прощанье сделала снимки их семьи, чтобы передать их родственникам в Израиле. Виктор попросил меня, если я приеду еще раз в Россию, привезти газеты на иврите. О, Господи, как много мы принимаем как само собой разумеющееся!

Вот и кончилась моя поездка по Советскому Союзу, и я в поезде, который везет меня к границе с Румынией. Среди ночи меня разбудили советские таможенники, которые должны были проверить мои документы и багаж. Тот, который зашел в мое купе, знал английский, и, когда он тщательно просматривал мои чемоданы, мы разговорились. Проверяя бумажник, он так и не заметил отделения, где был спрятан мой израильский паспорт. Потом он вдруг предложил: "Вы бы не хотели пройти со мной в нашу конторку и написать в книге отзывов о вашем впечатлении о Советском Союзе?" Я отчетливо вспомнила инструкцию, которую читала перед отъездом в Россию: "Никогда не следуйте за советскими официальными работниками". Но при службе Господу приходится забывать о страхе человеческом, кроме того, я видела, что он очень хочет, чтобы я пошла. Я согласилась, и в 2 часа ночи я сошла с поезда и последовала за ним по темному перрону.

Уже в конторе я сказала, о чем именно хочу написать, и он признал, что это будет прекрасно. Я села и написала:

"На меня произвела большое впечатление служба "Интурист", мне очень понравились города, которые я посетила. Спасибо тебе, Россия! Однако две вещи в вашей стране меня огорчили. Первое — это мало продуктов на полках магазинов, и второе, что самое главное,— в вашей стране забыли Бога".

В эту ночь Господь тронул сердце этого советского пограничника, он так расчувствовался, что подарил мне книгу и надписал ее: "От вашего советского друга". Когда мы шли обратно к поезду, я говорила ему о любви Господа. Я часто вспоминала его потом в своих молитвах. Вскоре мы пересекли границу с Румынией. Но часть моего сердца осталась там, с людьми, с которыми мне посчастливилось встретиться.

В поезде я познакомилась с тремя румынами, которым я много рассказывала о Господе, и в своих молитвах я теперь прошу, чтобы Он вошел в их жизнь. Особую близость я почувствовала к одной молодой девушке по имени Дойна. Когда мы прибыли в Бухарест, она помогла мне с билетами в Грецию. В суматохе я едва успела попрощаться с ней — она должна была пересесть в поезд, направляющийся в другую часть страны. Я с трудом нашла ее за несколько минут до отхода ее поезда, и мы с грустью обнялись. Я махала ей рукой, пока поезд не исчез из виду. Как тяжелы расставания! Я чувствовала ту же

боль, прощаясь с теми, с кем подружилась в СССР. Я вспомнила отрывок из полученного мной письма.

"...Люди не понимают всей сложности условий и того, как велико страдание людей, живущих под гнетом. Мир полон эгоизма, стремления к развлечениям, жадности, с одной стороны, и нищетой, горем и страданиями — с другой. Люди не хотят видеть реальности этого и обратиться к Богу. Даже многие, исповедующие христианство, предпочитают есть, пить и веселиться, не обращая внимания на тех, кто в беде. Иногда трудно понять, как можно быть таким самодовольным, замыкаясь в своем маленьком мире, когда Царство Божие стремится воплотиться в нас во всей своей полноте. Это все потому, что мы такие пресыщенные. Совсем не трудно быть христианином в такой стране, как Америка, где это популярно. До тех пор, пока вы не говорите о смерти или страдании, вы можете им быть.

Благодаря любви, всепрощению и милости Господа, который отдал за меня Своего Сына, я чувствую себя обязанным нести слово Его. Это самая большая радость. Всем своим сердцем я стремлюсь прославить Его, делая так, как Он нас учит; тогда и другие увидят ЕГО в моей жизни. Я так часто причинял Ему беспокойство своим неповиновением и непостоянством. Он сказал, что мы Его посланцы, свет мира. И мы должны сделать все, чтобы этот свет освещал, чтобы люди видели наши добрые деяния и славили Отца нашего, Который на небесах. Они не могут видеть Отца! Они могут видеть толькс нас. Мы же видим Его и слышим Его голос, потому что Он живет в нас! Кто еще может показать Его миру?.."

Переезд на поезде из Бухареста через Болгарию до Греции занял два дня. У меня уже почти не осталось денег, и я могла позволить себе только общий вагон. В купе, кроме меня, были еще семь человек с багажом и корзинка с цыплятами. Люди беспрерывно ели, пили, курили. Всю дорогу мне пришлось сидеть, а с собой я смогла купить лишь буханку хлеба.

Болгария, малоизвестная коммунистическая страна, по которой мы проезжали, произвела на меня очень грустное впечатление.

В Греции, на пути к Афинам, мы остановились в Фессалонике, где я вспомнила о трудном пути Павла ради Господа.

Когда мы прибыли в Афины, у меня не было даже 95 долларов на паром, чтобы добраться до Израиля морем. Я попыталась дозвониться до моей приятельницы в Израиле, но не смогла. (Потом я узнала, что у меня был неверный номер телефона.) После еще нескольких усилий по выходу из этого трудного положения, которые также не увенчались успехом, я вдруг подумала, что совершенно забыла о Господе! Мне даже в голову не пришло спросить Его, что делать, или признать, что у Него есть намерение задержать меня в Греции. Итак, я положилась на Его волю. И Он ответил мне: "Позвони Марсии".

Я дружила с Марсией уже восемнадцать лет, и в нашей дружбе было всякое. Но Соединенные Штаты были так далеко от Афин, гораздо логичнее было бы обратиться за помощью к кому-нибудь в Израиле. Но я уже по своему опыту знала, что, по нашим человеческим понятиям, Господь редко бывает логичным или практичным. И так было всегда! (Где тут логика, когда маленький мальчик побеждает гиганта? Или когда 3 миллиона евреев могут противостоять 20 миллионам арабов, которые угрожают уничтожить их?)

Итак, я заказала телефонный разговор со Штатами с оплаченным ответом. Через минуту я уже разговаривала с Марсией. Она была удивлена, узнав, что я застряла в Афинах, и еще более удивлена, что Господь обнадежил меня ее помощью из такого далека. Однако она попросила позвонить еще раз через три часа, пообещав что-нибудь предпринять. Все, что произошло дальше, было, без сомнения, дело рук Отца нашего!

Повесив трубку, Марсия села в машину и поехала в небольшой городок в Пенсильвании, где она раньше жила и который находился на довольно большом расстоянии от ее дома. По дороге она начала беспрерывно чихать, да так, что ей прищлось срочно остановиться около дома ее бывших соседей, чтобы зайти в туалет. Потом они пригласили ее на чашку кофе и в разговоре она упомянула о моем телефонном звонке из Греции. И тут сосед воскликнул: "Вы не поверите, но как раз сегодня утром я получил по почте извещение об организации общины "Американская миссия в Греции", если мне не изменяет память, у них есть отделение в Теннесси. Если вы туда обратитесь, я думаю, они чем-нибудь смогут помочь".

Когда я через три часа позвонила Марсии, она дала мне адрес в Афинах. "Они помогут тебе, — сказала она, — и они предложили мне воспользоваться их номером банковского счета, чтобы я смогла перевести тебе деньги". Господь знал, что Он делает, когда повелел мне позвонить Марсии!

Я тут же поехала в эту миссию, меня встретили там с явным желанием помочь. Я попросила порекомендовать мне какой-нибудь монастырь, где могла бы остановиться, пока поступят деньги. Секретарь миссии, Нелли, позвонила по телефону, а потом сказала: "Все в порядке! Я только что говорила со своей сестрой, она согласна, так что вы можете остановиться у нас".

За время своих поездок во имя службы Господу я повстречалась с тысячами людей, и очень часто среди них были такие, как Сид и Бетси, Дженни и Вольфганг, Мария, которых мне послал Господь и которые стали настоящими друзьями. Теперь это были Нелли и ее сестра София. Их отец был миссионером в Греции, и от своих родителей они унаследовали искреннюю любовь к евреям. Пять дней, которые я провела с ними, были просто раем. Они проявляли ко мне такую любовь и заботу, что я чувствовала себя как принцесса. Это, наверное, и входило в планы Господа, когда я не могла уехать из Афин.

Вскоре я благополучно вернулась в Израиль, а там меня ожидали деньги, так что я сразу послала Марсии 600 долларов за те 450, которые она послала мне.

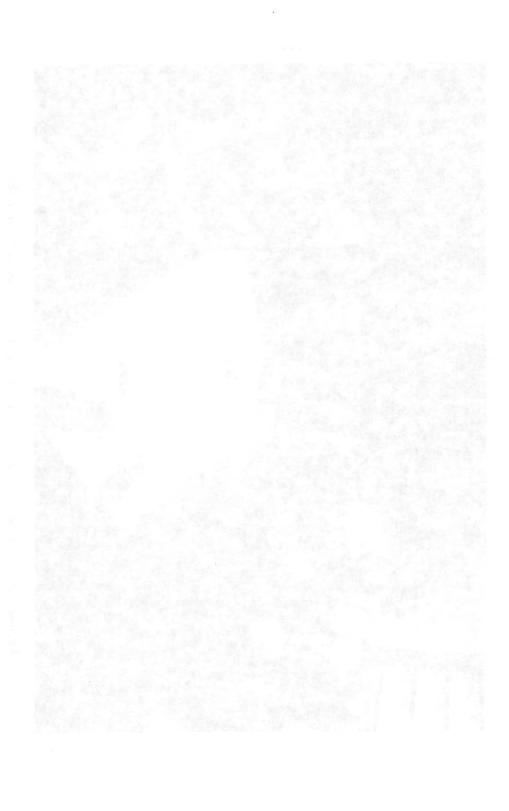
Моя поездка в Советский Союз казалась мне теперь сном. Как хорошо было вернуться домой!

Празднование Пасхи в Москве, 1974 г.

Научный семинар в квартире Браиловских, 1977 год. Фотография Вернера Брауна.

ГЛАВА 26

УМЕНИЕ ЖДАТЬ

Есть моменты в нашей жизни, когда Господь является совершенно неожиданным образом, чтобы преподать нам урок. И хотя у меня это случалось не однажды, каждый раз я воспринимаю это как радость — Он открывается мне заново. (И каждый раз я забываю сделать для себя вывод из преподанного мне урока.)

"Вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебе идти; буду руководить тебя, око Мое над тобою".

Псалом 31:8

Так Господь дал мне понять, что за все это время, когда я была так занята своей поездкой в Россию, и после того мое внимание как-то сместилось с Него на обстоятельства моей собственной жизни. Призыв вернуться в Его Паству нашел свой отклик и тогда, когда я читала Освальда Чамберса "Мои размышления о Всевышнем":

"ВСТРЕЧИ С ГОСПОДОМ НАШИМ"

"Будьте же и вы готовы..." (от Луки 12:40).

Каждый христианин должен быть готов предстать перед Иисусом Христом в любую минуту. Это не так-то легко. Нам нужно бороться не с грехом, не с трудностями или обстоятельствами, а с той постоянной занятостью своими делами, которая не позволяет нам быть готовыми предстать перед Ним в любой момент. Однако это — самое главное.

Иисус редко приходит, когда мы ждем Его; наоборот, Он появляется, когда мы меньше всего ожидаем Его, и всегда при совершенно необъяснимых обстоятельствах. Поэтому христианин должен всегда быть готов к встрече с Ним. Это духовная реальность — ждать Иисуса Христа. Он хочет, чтобы в нашей жизни мы сохранили способность воспринимать окружающее, как дети. Нам не следует быть религиозными (то есть использовать религию как высшую форму культуры), а быть духовно реальными.

Если вы, "ожидая Иисуса", не прислушиваетесь к зову религиозного века, в котором вы живете, но обращаете ваше сердце на Его желания, на Его образ мышления — вас могут назвать непрактичным мечтателем; однако, если Он появится, вы будете единственным, кто готов встретить Его. Не верьте никому, даже самому праведному святому, если он будет мешать вам видеть Иисуса Христа".

Однако Господь требовал от меня не только помнить о Нем в суматохе будней, но и погрузиться во что-то более глубокое, напоминающее "молитву без конца" Павла, постоянно воспринимать Его присутствие. Это напомнило мне "давно ушедшие дни", когда я читала книгу Брата Лоренса "Практика присутствия господа". Тогда я не поняла прочитанного, сейчас же оно открылось мне совсем по-иному.

Моим первым побуждением было перечитать Святое Писание, увидеть, как концепция ожидания Господа подтверждается Его Словом. И вот, что я нашла:

"...Тебя жаждет душа моя..."

Псалом 62:2

"Благ Господь к надеющимся на Него, к душе, ищущей Его".

Плач Иеремии 3:25

"Укажи мне, Господи, пути Твои, и научи меня стезям Твоим. Направь меня на истину Твою, и научи меня; ибо Ты Бог спасения моего; на Тебя надеюсь всякий день".

Псалом 24:4-5

"Да не постыдятся и все надеющиеся на Тебя..."

Псалом 24:3

"Надейся на Господа, мужайся, и да укрепляется сердце твое, надейся на Господа".

Псалом 26:14

"Покорись Господу и надейся на Него... уповающие же на Господа наследуют землю".

Псалом 36:7, 9

"...Блаженны все, уповающие на Него!"

Исаня 30:18

"Но скоро забыли дела Его, не дождались Его изволения..."

Псалом 105:13

"Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой.

И вложил в уста мои новую песнь — хвалу Богу нашему".

Псалом 39:1, 3

"Надеюсь на Господа, надеется душа моя; на слово Его уповаю.

Душа моя ожидает Господа более, нежели стражи — утра, более, нежели стражи — утра".

Псапом 129:5-6

"И скажут в тот день: вот Он, Бог наш! на Него мы уповали, и Он спас нас! Сей есть Господь; на Него уповали мы; возрадуемся и возвеселимся во спасение Его!"

Исаия 25:9

"А надеющиеся на Господа обновятся в силе; поднимут крылья, как орлы, потекут, и не устанут, пойдут, и не утомятся".

Исаия 40:31

И тогда я поняла, что ожидание Господа необходимо, чтобы объединиться с Ним, чтобы Его воля стала моей волей, а моя собственная воля мне не нужна. На каждую мою молитву будет, без сомнения, ответ, но не потому, что я стану духовно выше, а только лишь благодаря моей открытости Ему, готовности выполнения всего, чего бы Он ни потребовал от меня. Полное единение с Отцом нашим может произойти только на Небесах, но, тем не менее, мы должны стремиться к этой цели на этой земле, и я уверена, что это должно принести душевное спокойствие, которое не может быть нарушено никакими заботами повседневной жизни.

Очень часто Господь обращается со Своими истинами к нашему сердцу, а затем различными путями дает им подтверждение, что еще больше способствует нашему росту в вере. Через некоторое время после этого откровения я прочла в книге Эндрю Мюррей "С Христом в обучении молитве" следующее:

"Вера и покорность — это благо... Наша вера приводит к покорности, а покорность и любовь ведут наши души к Христу, мы получаем возможность воспринимать жизнь и душу Иисуса как единение с Христом и Отцом нашим. Его Слово воплощается в нас: "В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас". Это истинное воплощение, при котором Христос может пребывать в нас; поэтому пребывание в Нем означает, что только Ему принадлежит наша душа, что Он стал нашей жизнью. Так, маленькие дети находят свое счастье в доверии и покорности любви, которая для них является всем.

Для тех, кто придерживается такого образа жизни, звучит обещание: "И о чем ни попросите..." Иначе и быть не может. Они полностью подчинились Христу. Он с ними всегда — в их любви, в их воле, в их жизни. Его Дух наполняет их души. И Он, которого Отец наш всегда слышит, молится их устами, а они молятся в Нем. И то, что они просят, будет исполнено".

"Вера — это покорность Христу, выполнение Его воли. Он же смотрит, как эта привилегия и благословение проявляются, Его гораздо меньше интересуют обязанности и результаты. Внутренний мир и собственные желания в счет не идут, душевный мир может быть дарован только Им; от того, кто живет в вере, требуется лишь покорность. "Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей". И если раньше нужно было сознанием понять, как важно всем сердцем положиться на Христа и Его обещания, то теперь основное усилие уже нужно направить на объединение своей воли с волей Господа, всю жизнь посвятить Ему".

"Дорогой верующий! Нужно признаться, что, видимо, потому, как мы не всегда пребываем во Христе, как Он того требует от нас, церковь бессильна перед лицом неверия, бездуховности и варварства. Однако не следует отчаиваться. Побег виноградной лозы находится в непрестанном росте... Не нужно замыкаться на принципе, процессе пребывания, но обратиться к Тому, с Кем оно нас связывает, к Его полноте. Пусть это будет Он, Христос, во имя Которого живет наша душа, в Его покорности и уничижении, Его величии и силе. Он Сам выполнит Свое обещание, данное нам.

И тогда при нашем возрастании в послушании и единении с Христом мы сможем воспользоваться нашим правом и волей пребывать в Божьей воле... Посвятим себя учению Святого Духа, чтобы Его величием познать, что же является волей Божьей.

На молитву в Духе, делающую нас *едиными с Иисусом*, всегда будет ответ".

"От Иоанна (15:7): "Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам".

Это не вера, ищущая возможности обратиться к Тебе, не просьба, чтобы Ты принял меня, это не покорность воли и не стремление выполнять заповеди, — это Ты сам, живущий во мне, как в Отце, и это единственное, что может удовлетворить меня. Ты сам, мой Господь, и Твое пребывание во мне — это то, в чем я нуждаюсь и что ищу. В этом я нуждаюсь и это я ищу. И в этом я доверяюсь Тебе".

"Ты говоришь: ЧЕГО НИ ПОЖЕЛАЕТЕ! Господи! Я знаю, что жизнь полного и глубокого пребывания обновит, освятит и усилит волю просить многого. Господи! Пусть моя воля будет: быть мертвым в Твоей смерти, быть живым в Твоей жизни, быть сильным в любой малости.

Ты говорищь: БУДЕТ ВАМ. Ты — Истинный и Верный Свидетель, помоги мне убедиться, что Ты выполнишь это слово, потому что сердце человека не может понять, что Господь уготовил любящим Его. Аминь".

После поездки в Советский Союз я вернулась в Иерусалим и меня все не покидало чувство, что мне следует купить квартиру. Господь впервые подсказал мне эту идею еще в Австралии, и после этого мне страстно захотелось иметь свой дом, место, где можно чувствовать себя свободной, жить по своему вкусу. Однако с материальной точки зрения эта мечта казалась совершенно несбыточной.

Осенью из Норвегии приехали навестить меня Дженни и Вольфганг. Как-то во время прогулки по Иерусалиму мы зашли в небольшое кафе отведать блинчиков. Я рассказывала им о своей поездке, а потом вдруг заметила: "Хотите услышать что-то смешное? Господь внушил, что мне следует купить квартиру в Иерусалиме"

Я думала, они поднимут меня насмех, а они переглянулись, и кто-то из них сказал: "Может быть, мы сможем купить ее тебе".

За все то время, что я жила в вере, Господь не раз уже демонстрировал мне Свою способность удивлять Своей любовью. Так было и на этот раз. Я не могла себе даже представить, что у Дженни и Вольфганга есть такие средства, ведь он был архитектором по ландшафту и работал садовником в частной больнице, а она была простой учительницей. Но они объяснили мне, что несколько лет тому назад продали свою квартиру и ждали указания Господа, как распорядиться этими деньгами. В настоящее время они жили в квартире при больнице и собирались купить себе какой-нибудь небольшой летний домик в пригороде. "Однако намного лучше сделать такое вложение в Иерусалиме!" — сказали они мне.

Уже позже, когда мы вернулись домой, они обратились к Господу с молитвой: "Отец, пожалуйста, Ты же знаешь, что у нас есть только треть той суммы, которая нужна для покупки квартиры в Иерусалиме. Помоги нам одолжить необходимые деньги по возвращении в Норвегию, чтобы переслать их Эстер!" Мне же все это казалось несбыточным сном.

На следующее утро я получила письмо от владельцев квартиры, где жила и которым каждый месяц платила квартирную плату. Они сами на два года уехали в Южную Африку. Они писали:

"Может быть, глупо вас спрашивать об этом, но мы хотим поставить вас в известность, что по возвращении в Израиль на будущий год нам потребуется большая квартира, так как наша семья увеличилась. Нет ли у вас желания приобрести нашу квартиру?"

Когда Господь подтвердил Свою волю относительно покупки квартиры, я немного растерялась. Многие из квартир в окрестностях Иерусалима, где я жила, имели удивительный вид, окна там выходили на юг и были залиты солнечным светом. В этой же квартире не было никакого вида, и она была темной. Но я знала, что только присутствие Господа делает жилище домом. Поэтому, повинуясь Его

воле, я написала своим хозяевам, что хочу купить их квартиру.

Через три недели Дженни и Вольфганг прислали мне 54000 долларов — как раз ту сумму, которая была мне нужна для приобретения этой квартиры. Часть денег они одолжили у отца Дженни, очень доброго и мягкого человека, заведывавшего небольшой школой, затерявшейся в горах на юге Норвегии. (Когда, через некоторое время, он приехал в Израиль и навестил меня в этой квартире, то был так поражен присутствием Господа в ней, что отказался от денег, которые дал в долг.) Я хочу тут же отметить, что сразу после отправки мне денег Вольфгангу два раза повыщали зарплату, да и во многих других проявлениях Господь оказывал ему Свое расположение. Никогда не нужно опасаться давать ближнему, подчиняясь Его воле, ведь Он — Отец наш, не оставит это без внимания!

Странно, но верующие во Христа иногда бывают более жестокими друг к другу, чем неверующие. Мои израильские друзья страдали вместе со мной в трудные для меня дни и радовались за меня, когда Господь посылал мне счастливые минуты. Однако христиане здесь, в Израиле (да и в других местах тоже), всегда были готовы осудить меня. Грустно признаться, но немногие из них были рады, узнав, что я покупаю квартиру.

Мы, последователи Христа, не должны стремиться к земным благам. Нам следует принимать только то, что Отец наш дает нам, — испытания и переживания, с одной стороны, и материальное благополучие, с другой. Иисус сказал об этом совершенно ясно в благовествовании от Марка (10:29-30):

"Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия,

И не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцев, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной..."

К этому времени я уже отказывалась от нескольких домов в моем послушании Его воле: от моей квартиры в Штатах, где я жила со своими мальчиками, от очень удобной квартиры с видом на Средиземное море на севере Израиля, от моей маленькой квартиры на улице Кинг Джордж в Иерусалиме, от полностью обставленной квартиры с телефоном в Рамот Эшколе. Мне потребовалось много времени, чтобы разобраться в тех, кто осуждал меня вместо того, чтобы делить со мной радость. Разобраться — на самом ли деле они были моими настоящими друзьями.

По возвращении в Иерусалим я узнала об открытии Международного христианского посольства. Это событие продемонстрировало солидарность хрис-

тиан с Израилем в то время, когда посольства многих стран под влиянием арабского кризиса переезжали из Иерусалима в Тель-Авив. Для жителей Израиля было очень приятно узнать, что во многих странах у них есть друзья, которые не разделяют взглядов своих правительств. Кроме того, это было свидетельством любви и преданности Иисуса к Своему народу.

Через некоторое время после моего приезда я отправилась в Нагарию повидаться с родителями Виктора Браиловского. Я привезла им приветы и последние фотографии их близких. Они были так счастливы, что смотрели на меня как на ангела, посланного небом. Глядя на их радость, я поняла, что вся эта поезлка в Советский Союз стоила того.

Через неделю, когда по радио передавали последние известия, я вдруг услышала конец фразы:

"Советский активист был арестован у себя на квартире в Москве".

Часом поэже ко мне позвонила моя подруга и сообщила печальную весть: "Советский активист" — это Виктор Браиловский, тот самый, с которым я познакомилась в Москве и который вызвал у меня такую симпатию. Я проплакала весь день — для меня это не было просто имя, это был реальный человек, ставший вместе со своей семьей частью моей жизни.

Через неделю пришло письмо от Ирины. В нем она писала, что у Виктора больная печень, что она каждый день приходит в тюрьму, чтобы передать ему лекарства, и каждый день ей отказывают в передаче. В отчаянии она обратилась за помощью в Израиль. Ответом был поток писем к советским властям, что обычно имело свое действие.

Я долго думала и поняла — Господь простер Свою руку над этой семьей, ведь они рисковали всем, даже жизнью, ради возможности возвращения на свою землю — на землю Израиля. Я благодарила Господа за предоставленную мне возможность убедить этих замечательных людей, что Бог любит их.

После долгих месяцев путешествий я наслаждалась своей жизнью дома, и было даже страшно подумать, что меня ожидают дороги еще на месяцы, а может быть, и годы. (Те из вас, кто отправлялся в путь ради Господа, знают и о трудностях, и о благостях, с которыми приходится сталкиваться на этом пути.) На Рождество я получила поздравительную открытку и письмо из Советского Союза. Оба послания были от молодого человека из Киева, который посвятил свою жизнь Иисусу. Когда я предупредила его о трудностях, с которыми ему придется столкнуться, он с готовностью ответил: "Я ничего не боюсь". В своем письме он писал:

"...Эстер, напишите мне, как прошло Ваше четырехмесячное путешествие. Мне кажется, это так интересно, побывать в разных странах и посмотреть, как люди живут, как они отдыхают, как работают. Я бы очень хотел встретиться с Вами опять. Очень надеюсь на это. Благодарю Вас за Вашу молитву и за любовь Иисуса. Счастливого Вам Рождества! И с Новым 1981 годом!

С наилучшими пожеланиями Саша".

Саша писал мне из страны, где путешествие в другие страны — несбыточная мечта. Я же могу ехать, куда хочу, и выполнять Его волю. Мне стало стыдно за

свое нежелание расстаться с домашним комфортом и, представ перед Господом, сказать: "Вот я, о Господи! Пошли меня..."

Первая страна, куда я отправилась после этого, была Германия. Там проходила конференция, в которой я участвовала вместе с еще тремя евреями из Израиля, верующими во Христа. Каждый из нас чувствовал любовь, которую выражали нам немецкие христиане; некоторые из них просили у нас прощения и признавались, что во время Второй мировой войны были нацистами. Только любовь и всепрощение Господа сделали возможным, что бывшие нацисты и евреи смогли собраться вместе в любви.

Во время конференции выступил один из ее участников и объявил, что он просмотрел все Святое Писание и нигде не нашел никакой ссылки на евреев, верующих в Христа, поэтому он считает, что эти евреи — посланцы сатаны. А мы сидели на виду у всех и слушали! Его догматические утверждения были приняты некоторыми христианами без всякого сомнения. Началось настоящее духовное сражение, но в конце концов Господь все-таки подтвердил, что Он с нами.

Мы, посланцы Израиля, все время оказываемся в особом положении. Наше признание Иисуса Сыном Божьим и Мессией Израиля выделяет нас из общей массы израильского общества. Это неприятие нас является результатом беспрерывного ряда преследований, которым подвергался еврейский народ со стороны "христиан" на протяжении веков. А иногда и сама церковь не знает, что делать с нами. В традиционной церкви, конечно, нет места таким, как мы, но даже в таких группах, которые в настоящее время были обновлены Святым Духом, с нами обращаются довольно странно. Часто нам уделяют особое, преувеличенное внимание, что само по себе настораживает. Иногда же, большей частью в Израиле, основная масса прихожан относится к нам терпимо или даже заводит с нами дружбу, но только до тех пор, пока эта дружба не ставит под угрозу их собственный статус в Израиле — визу и отношение с Министерством внутренних дел. Это положение как раз противоположно тому, с чем столкнулась ранняя церковь, в которой все удивлялись и не знали, что делать с неевреями, признавшими Христа. Мы все в какое-то время сталкиваемся с проблеммой — кто мы? К чему и к кому мы относимся? Но, поразмыслив, можно сказать, что единственное убежище, где мы находим приют и утешение, где нас принимают такими, какие мы есть, — это в Возлюбленном нашем.

Вернувшись из Германии, я узнала, что для Виктора Браиловского все-таки разрешили передавать лекарства в тюрьму, что скоро должен состояться "суд". Через несколько недель действительно в Москве состоялся суд. Многие друзья Виктора собрались в этот день у здания суда, однако только Ирине было разрешено присутствовать на его заседании. Дорогого Виктора приговорили к трем годам ссылки, что означало трудности, лишения и разлуку с семьей. Однако приговор оказался более мягким, чем все ожидали, и хоть это порадовало всех нас.

Семидесятипятилетний отец Виктора сначала был просто безутешен и плакал ночи напролет. Но, как это свойственно евреям, в душе его все-таки жила надежда на лучшее.

Иногда меня просто пугает, как некоторые народы мира выступают против Израиля, один за другим, изо дня в день. Причем этот страх у меня не за Израиль, а за эти народы. Ведь Господь обещал Израилю заботу и защиту, обещал, что Он никогда не оставит и пяди Своей земли. Благополучие всех других народов

зависит от их готовности исполнять заповедь Бога — благословлять избранный \mathbf{U} м народ.

"...Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные".

Бытие 12:3

"Просите мира Иерусалиму: да благоденствуют любящие тебя!"
Псалом 121:6

"...Касающийся вас / Израиля/, касается зеницы ока Его".

Захария 2:8

"Ибо избрал Господь Сион; возжелал его в жилище Себе".

Псалом 131:13

"Ибо всю землю / Израиль/, которую ты / Авраам/ видишь, тебе дам Я / Господь/ и потомству твоему /еврейскому народу/ навеки".

Бытие 13:15

Сатана и все его демонические силы неистовствуют в отношении этой земли, мы видим это ежедневно в газетах. Израиль — маленькая страна, население ее составляет всего лишь три с половиной миллиона человек. Почему же всем есть дело до того, что в ней происходит?

И мне здесь хочется предупредить всех верующих — любите эту страну. Не позволяйте общественному мнению вытравить эту любовь, которую Господь вселил в вас. Это враги ваши стараются изо всех сил отвратить праведных от Израиля. Читая повседневно в газетах искаженный материал, люди не видят чудес, которые происходят на этой земле.

В июне я с моей приятельницей из Иерусалима отправились в Штаты. В аэропорту Питсбурга на пути в Гэррисбург нам нужно было позвонить по телефону. Я стала набирать номер, а моя подруга села неподалеку в кресло. Рядом лежала забытая кем-то газета. Она взяла ее и вдруг удивленно вскрикнула. Я подбежала к ней, и мы обе с радостью прочли о рейде израильской авиации на Иракский ядерный реактор.

Наш самолет задерживался на два часа (подарок от Господа!), поэтому мы тут же ринулись к газетному киоску и, купив "Тайм" и "Ньюсуик", со слезами радости стали читать подробности об этом рейде. Мы уже привыкли, что при чтении современных журналов создается впечатление, что читаешь Библию — перед нами пестрят заголовки: "ДАВИД РАСПРАВЛЯЕТСЯ С ГОЛИАФОМ!", "ГИДЕОН ОДЕРЖИВАЕТ ПОБЕДУ ВСЕГО ЛИШЬ С ГОРСТКОЙ ЛЮДЕЙ!", "СТЕНЫ ИЕРИХОНА РАЗРУШЕНЫ!", "ИЗРАИЛЬСКИЕ КОММАНДОС СПАСАЮТ ЗАЛОЖНИКОВ ЭНТЕБЕ!", "ОПЕРАЦИЯ ВАВИЛОН ПРОВЕДЕНА УСПЕШНО!"

Израильтяне обычно благодарят Бога за все успешные свершения: "Барух ха Шем! — Благословен Господь!" Так они говорили, когда была обнаружена бомба за несколько минут до ее взрыва. Так они говорили, когда удалось эвакуировать детей за две минуты до того, как в школу попал снаряд террористов из Ливана. Так они сказали и тогда, когда узнали о рейде израильской авиации. "Барух ха Шем! Благословен Господь!" Без Его помощи это было бы просто невозможно! Все могло случиться, когда самолеты пролетали над территорией трех вра-

Проф. Виктор Браиловский, которого приговорили к 3 годам ссылки, фотография сделана в лучшие времена (1977 г.), и его жена Ирина в своей московской квартире. Вернер Браун, Иерусалим.

Я с семьей Браиловских в 1980 г., еще до ареста Виктора. Виктор, их сын Леонид, Ирина и я.

жеских государств, обладающих современной ПВО. И только лишь потому, что Господь Бог Израиля был с ними, операция прошла на 100% успешно.

Израильтяне, с которыми мы говорили после нашего возвращения домой. испытывали те же чувства радости и благодарности Господу, что и мы. Каково же было мое разочарование, когда мне пришлось выслушивать мнения некоторых христиан. Они не ощущали в этом никакого чуда и лишь повторяли циничные замечания некоторых политиков и представителей стран, находившихся в зависимости от арабской нефти и под влиянием сил тьмы против земли Господа и Его народа.

А мы все радовались тому, что "Операция Вавилон" была удивительным подтверждением слов Исаии:

"Вот, будут вооружаться против тебя, но не от Меня; кто бы ни вооружился против тебя / Израиля/, падет...

Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно; и всякий язык, который будет состязаться с тобою на суде, ты обвинишь..."

Исаия 54:15, 17

Ниже я привожу два отрывка из журналов "Тайм" и "Ньюсуик". Надеюсь, когда вы будете их читать, вы ощутите это чувство необыкновенного:

ДВЕ МИНУТЫ НАД БАГДАДОМ

КАК ИЗРАИЛЬТЯНЕ РАЗРАБОТАЛИ И ПРИВЕЛИ В ИСПОЛНЕНИЕ СВОЮ ОТВАЖНУЮ ОПЕРАЦИЮ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ИРАКСКОГО РЕАКТОРА

"В один из воскресных дней, когда солнце заливало ярким светом улицы Иерусалима, в небольшом доме на тихой тенистой улице Перец Смоленскин в своем кабинете сидел Менахем Бегин. Когда время перевалило за полдень, он попросил своего секретаря вызвать всех членов Кабинета к 5 часам. Секретарь послушно сел у телефона и, не вдаваясь в подробности, пригласл всех министров к Бегину. Они приехали и, не скрывая удивления, разместились в общитой деревом библиотеке. Им предложили чай, все ожидали Бегина. Наконец, он вышел из своего кабинета, лицо его было мрачным. Он спокойным голосом стал говорить, что именно в этот момент израильские самолеты F-16 и F-15 летят на восток, по направлению к Ираку, имея задание уничтожить ядерный реактор Осирак в окресностях Багдада.

Эта миссия получила название "Операция Вавилон". По израильским источникам, Бегин организовал эту операцию в октябре прошлого года при помощи генерала Давида Иври, командующего израильскими ВВС, и генерал-майора Иеошуа Саги, начальника разведки. Для ее выполнения было отобрано около двух десятков первоклассных летчиков. Командиром был назначен полковник, принимавший участие в боевых действиях против арабов уже три ряда: в 1967, 1970 и 1973 годах. Этот рейд должен был нанести удар ядерным амбициям одного из самых непримиримых

врагов Израиля — иракского президента Саддама Хуссейна.

Тренировочные полеты для осуществления операции "Вавилон" проводились совершенно секретно на базе ВВС Етцион в Синае. Первая стадия этих тренировок заключалась в длительных полетах над пустынями Иордана и Саудовской Аравии. Целью их было увеличение продолжительности полетов и проверка "слепых" участков радарной защиты Саудовской Аравии и Иордании. Кроме того, полеты над пустыней дали израильтянам возможность отработать курс в Багдад таким образом, чтобы их не могли обнаружить электронные глаза и уши ВВС США, так как с начала войны между Ираком и Ираном американцы проводили непрерывные наблюдения с трех баз в районе Персидского залива.

Осуществляя полеты над территорией Израиля, пилоты отрабатывали различные виды трудноосуществимых полетов. Им нужно было разработать такой строй самолетов в воздухе, чтобы они могли усыпить бдительность сил обороны противника на их пути в 650 миль до Багдада. Некоторые самолеты должны были лететь поодиночке на небольшой высоте, другие же на очень большой высоте, некоторые — группами, причем очень близко один к другому. При этом на радаре противника такое соединение представлялось как изображение аэролайнера гражданской авиации.

На заключительной стадии тренировок пилоты проводили бомбардировку бетонного макета ядерного реактора, построенного в том же масштабе в пустыне Негев. Израильтяне опасались, что прямая бомбардировка реактора Осирак сможет разрушить только бетонный свод над установкой и не нанесет никакого вреда самому реактору. Поэтому пилоты тренировались в полетах на небольшой высоте с выпуском бомб с пологой траекторией, которые смогли бы, разрушив стены установки, попасть внутрь, а затем взорваться и уничтожить, как свод над ней, так и все, что находится внутри.

Мосад, израильская разведывательная служба, сообщила, что реактор должен вступить в действие уже 1 июля. Бегин назначил операцию на конец апреля, однако решил отложить ее на некоторое время. Дело в том, что в прессе появилось сообщение, будто бывший министр обороны Эйзер Вейцман сказал своим друзьям о попытке премьер-министра "предпринять рискованное предвыборное мероприятие". Второй срок проведения операции, 10 мая, также был отложен, так как лидер партии Труда Шимон Перес, узнав о ней, направил Бегину "личное... сверхсекретное" обращение, где советовал ему "воздержаться от этого мероприятия", так как оно может вызвать изоляцию Израиля и он окажется "как дерево в пустыне".

Бегин предстал перед дилеммой. Если он проведет операцию до 30 июня — дня выборов в Израиле, его обвинят в попытке выиграть на выборах за счет этой, рассчитанной на эффект, операции. Если же он отложит ее на время после выборов, может быть уже слишком поздно. Если провести бомбардировку иракского реактора, когда он уже будет работать, Багдад может оказаться под действием радиации. Кроме того, Бегин опасался, что следующим премьер-министром может быть Перес и тогда решение о проведении операции будет предоставлено этому новому и менее надежному оппоненту. "Он считал, что у Переса никогда не хватит смелости на проведение этого рейда", — сказал один из помощников Бегина. "И его

мучила одна лишь мысль, что Израиль вынужден жить в страхе перед иракской бомбой".

Дата проведения "Операции Вавилон" была назначна в третий раз — откладывать уже было нельзя. Израильские пилоты на базе ВВС Етцион были в полной боевой готовности. Четырнадцать самолетов, лишь недавно поставленных Соединенными Штатами, также были готовы к вылету. Атакующая группа состояла из восьми F-16, на борту каждого было по две 2000-фунтовых бомбы, всего 16 тонн тринитротолуола, и шести F-15, достигающих скорости 921 мили в час. F-15 должны были прикрывать бомбардировщики. Ровно в 4 часа дня самолеты взмыли в безоблачное небо. Их курс лежал на восток через Иорданию и Саудовскую Аравию к пустыне Ирака.

...90-минутный полет по направлению к Багдаду был довольно напряженным. Еще до того, как самолеты оказались над территорией Ирака, приемник не раз принимал требования операторов, контролирующих воздух, то иорданского, то из Саудовской Аравии, чтобы самолеты сообщили свои опознавательные данные. Один раз израильтяне ответили на чистом арабском, что это иорданский самолет, совершающий тренировочный полет. В другой раз израильский летчик ответил на английском, международном языке гражданской авиации, что это гражданский реактивный самолет. Во всех случаях это сработало — у операторов не возникло никаких подозрений, и израильские военные самолеты пролетели без препятствий.

В 5:30 вечера (6:30 по иракскому времени) самолеты достигли цели — 12 миль к юго-востоку от Багдада. Реактор с трех сторон был окружен подковообразным земляным валом и охранялся противосамолетными орудиями и ракетными установками "земля-воздух". Самолеты взмыли до высоты порядка 2000 футов и провели наводку перед бомбардировкой.

Израильтяне для своей неожиданной атаки выбрали самое удачное время дня. Было еще достаточно светло, чтобы они смогли сбросить свои бомбы в цель с необходимой точностью. Но солнце уже заходило, и сумерки вот-вот должны были опуститься над Багдадом. Заходящие лучи солнца светили в глаза защитникам объекта, и самолеты, зайдя с востока, беспрепятственно сбросили бомбы.

Каждый из восьми F-16 совершил по одному заходу, на реактор были сброшены все 16 тонн тринитротолуола, "Точность бомбардировки была просто поразительной", — сказал Жак Римбод, франзузский техник, который во время атаки израильтян сидел в кафе неподалеку. Израильтяне потом сообщили, что они использовали "беззвучные" бомбы. А эксперты Пентагона, изучавшие фотографии, сделанные со спутника, сообщили, что точность попадания и размеры повреждения показывают на вероятное использование особых, самонаводящихся "умных" бомб. Как бы то ни было, бомбы разрушили свод над реактором как яичную скорлупу и снесли со своих оснований еще два здания. Эксперты США определили, что для устранения повреждений потребуется, по крайней мере, полтора года, если только французы возьмутся за эту работу. После рейда Римбод подошел к дымящимся руинам. "Главное здание сравнялось с землей, сказал он. — Ядерный реактор полностью разрушен, а атомный щит просто исчез". Видеофильм, снятый израильскими летчиками во время рейда и просмотренный затем в парламентской комиссии, отчетливо

показал полное разрушение реактора. По высказыванию Бегина бомбы достигли камеры переработки плутония, находящейся на глубине 12 футов под землей.

Потери: Израиль сообщил, что для рейда специально был выбран воскресный день, чтобы не подвергать опасности 150 французских и 50 итальянских техников, работающих на реакторе... Однако один из французов, весьма преуспевающий молодой ученый Демьен Чассепид, все-таки оказался там. Позже его тело было найдено среди обломков.

Пилоты F-15 с высоты внимательно наблюдали за иракскими перехватчиками, взлетавшими с аэродромов, окружающих Багдад, но ни один из них ничего не смог сделать. Не было никакой реакции и от советской ракеты "земля-воздух" САМ-6, охраняющей реактор. Пилоты видели, что было несколько выстрелов с конвенциональных противосамолетных

орудий, но ни один из них не достиг цели.

Хотя взрывы от израильских бомб были слышны в Багдаде, большинство иракцев узнало о случившемся только на следующий день. Даже иностранные дипломаты, проживающие в иракской столице, оставались в неведении. Примерно через час после рейда члены багдадского дипломатического корпуса собрались на лужайке у резиденции итальянского посла, чтобы отметить Национальный день Италии. Гости с восторгом наблюдали за фейерверком и не заметили красных следов от выстрелов противосамолетных орудий. К этому времени израильтяне уже летели обратно.

На обратном пути в наступившей уже темноте для обеспечения безопасности и максимальной скорости израильтяне летели по прямому курсу над Иорданией. Во время заправки самолетов F-16 в воздухе, над пустыней, могла возникнуть опасность перехвата. Теперь иорданцы знали, что израильтяне вторглись в их воздушное пространство, обмануть их во второй раз было бы уже невозможно. Однако иорданцы даже не пытались перехватывать самолеты Израиля. Когда часовая стрелка приблизилась к 7 часам вечера (примерно через три часа полета), израильские самолеты осуществили посадку на военном аэродроме где-то между Тель-Авивом и Беэр-Шевой. Они были в безопасности, они были дома.

В кабинете у Бегина зазвонил телефон. Генерал-лейтенант Рафаэль Эйтан, главнокомандующий вооруженными силами Израиля, сообщил, что все самолеты благополучно вернулись на базу. "Барух ха-Шем", — ответил Бегин на иврите. — "Благословен Господь".

Специальное сообщение, Ньюсуик, 22 июня, 1981.

"Зимой 1979 года израильтяне стали собирать данные о реакторе в районе Эль-Тувейта. Используя светокопии, израильские эксперты определили точное местоположение реактора, находящегося под защитным сводом. Кроме того, они вычислили размеры и прочность этого свода, а также местоположение компьютора, который должен контролировать работу реактора. В июне 1980 года вооруженные силы запросили премьерминистра Бегина санкционировать проведение секретной инфракрасной съемки района Эль-Тувейта. Перед операцией Бегину были представлены аэрофотоснимки участка местности. У него не было никаких сомнений, и

он размашисто расписался под снимком: "С сионистским приветом. Менахем Бегин".

В сентябре 1980 года израильтяне получили дополнительные сведения разведки. Используя ирано-иракскую войну, израильские самолеты без опознавательных знаков смогли провести полеты над реактором и собрать очень важные сведения. Примерно в это же время два иранских военных самолета провели неудачную попытку атаковать реактор, однако смогли причинить ему весьма незначительный ущерб. В Комитете безопасности Министерства обороны Бегина приступили к обсуждению вопроса об уничтожении реактора. Толчком для этих обсуждений послужило сообщение разведки, что иракцы в течение года смогут приступить к производству двух или трех небольших ядерных бомб. В октябре 1980 началась разработка плана операции. Контроль над ее проведением взял на себя сам Бегин.

Для проведения рейда было назначено пять различных дат. В результате изменения этих дат покров секретности над операцией стал спадать. 22 мая каким-то образом об этой операции узнал Моше Шахай — лидер оппозиционной партии в Кнессете. Очевидно, сведения эти были получены от бывшего министра обороны Эйзера Вейцмана, который считал эту операцию "авантюрой". Примерно в это же время Кабинет Бегина получил еще два сообщения разведки, что Ирак собирается активировать реактор (как говорят специалисты "разогреть" его) уже в самом начале июля. 5 июня Бегин отдал приказ провести операцию через два дня. Он пришел к этому решению в день 14-й годовщины начала шестидневной войны.

Израильские ВВС в эти месяцы время зря не теряли. В Синайской пустыне был построен в натуральную величину макет комплекса реактора, и тщательно отобранная группа самых талантливых израильских летчиков отрабатывала там разгром реактора до тех пор, пока, по словам одного высокопоставленного офицера, они уже знали на своем курсе "каждое дерево и каждый дом". Несмотря на размах этих учений, США не обнаружили этой операции ни со спутника, ни по каким-либо другим источникам...

7 июня ровно в 4:40 вечера по местному времени самолеты F-15, находившиеся в подземных ангарах, поднялись в воздух с военного аэродрома Етцион в восточном Синае. За ними взлетели F-16, и все они направились на восток, сохраняя небольшую высоту. F-15 сопровождали группы бомбардировщиков сверху и с обеих сторон.

Все формирование держало курс через Акабский залив к Иордании, курс этот использовал преимущество "слепых" участков в радарном охвате районов вдоль границ Саудовской Аравии. Самолеты летели близко к земле, изменяя высоту по разработанному плану, чтобы радары не могли их засечь.

Но, несмотря на это, когда они пересекли восточное побережье Акабского залива и приблизились к скалистым красным горам, F-15 были обнаружены иорданской радарной установкой в Маане. Станция, используя международные частоты, передала запрос на арабском. Израильтяне были готовы к этому и ответили на чистом арабском, что это не то иорданский, не то саудовский самолет. Полет продолжался и из-

раильтяне поняли, что иорданцы не передали сообщения о появлении неопознанных самолетов ни Саудовской Аравии, ни Ираку.

План полета, точные детали которого оставались в секрете, предусматривал курс на юг Иордании, затем на северо-восток над Саудовской Аравией. Время от времени ведущий должен был радировать по установленному коду ("желтые песчаные дюны") о течении полета в Министерство обороны в Тель-Авиве.

В 5.10 вечера по израильскому времени ведущий истребитель пересек границу Ирака. Самолеты продолжали менять курс, направляясь к цели, пролетая в воскресных сумерках со скоростью 400 миль в час. В течение месяцев израильтяне изучали путь по Ефратской долине и теперь были уверены, что смогут пройти его незамеченными ни радарами, ни наземными наблюдателями. Через пятьдесят минут после взлета летчики обнаружили цель — хорошо различимый купол, прикрывающий ядерный реактор. Самолеты взмыли к заходящему солнцу — классический маневр перед атакой.

Щесть F-15 с двумя двигателями прикрыли бомбардировщики F-16, приступившие к бомбардировке объекта. Ведущий сбросил пару видеоуправляемых "умных" бомб, которые должны были проникнуть через
заранее определенные места в бетонном куполе. Следующие самолеты
сбросили свой груз через, теперь уже открытый, купол — дюжину
конвенциональных бомб с весом 2200 фунтов каждая. Крыша рухнула, и
радиоактивный реактор оказался погребенным под сотнями тонн бетонных и стальных обломков. Два самолета, на борту которых вместо
взрывчатки были кинокамеры, сделали облет объекта, чтобы зафиксировать все на пленку. Затем все они взяли обратный курс, не обращая
внимания на редкие выстрелы противосамолетных орудий, оставив после
себя одного человека, погибшего в развалинах, одну бомбу, которая не
взорвалась, и разрушенные амбиции Ирака.

Цепь заградительных аэростатов, предназначенных для защиты от самолетов, летящих на небольшой высоте, спокойно плавала в воздухе над Багдадом. В лучах заходящего солнца самолеты появились внезапно, как бы из ниоткуда. Взрывы бомб тоже были плохо слышны в городе. Например, гости, прибывшие в итальянское посольство по случаю Национального дня Италии, даже не могли предположить, что отдаленные звуки взрывов каким-то образом связаны с ядерным реактором. В центре Багдада, в районе рынка и на набережной никто их не услышал и не заметил. Стрельба из противосамолетных орудий также не привлекла никакого внимания. Город погрузился в сон так и не узнав, что израильтяне провели свою блестящую операцию.

Израиль тоже хранил молчание о своем успехе. Бегин проинструктировал своего нового пресс-секретаря Ури Пората подготовить краткое официальное сообщение, но не публиковать его до тех пор, пока не будут переданы сообщения из других стран. Порат весь воскресный вечер ждал телефонного звонка Бегина, который должен был дать добро на публикацию сообщения. И только на следующий день, когда амманское радио объявило о рейде и представило его как израильско-иранское нападение, Израиль решил сообщить свою версию об операции.

Когда Порат позвонил на израильское радио, журналисты в течение часа отказывались поверить в правдивость этого известия. Только после

того как сотрудник радио Эммануель Хальперин, племянник Бегина, получил подтверждение от самого премьер-министра, сообщение было

передано в эфир.

Израильтяне, естественно, встретили это известие с гордостью. Но такой радости и веселья, как, например, в июле 1976 года после успешной операции в Энтеббе, на этот раз не ощущалось. Одной из причин было опасение объявления бойкота со стороны других стран. Один из жителей Иерусалима, владелец небольшого кафе, двадцатищестилетний Саид Эли Бен-Хамо сказал: "Это было необходимо. Мы должны были это сделать. Но я очень беспокоюсь, что нам же будет хуже. Всю жизнь нас не любили. Теперь мы даем им для этого основания". Другие не были так мрачно настроены. Один из официальных представителей сказал: "Я думаю, что это положительно повлияет на благополучие мира, точно так же, как мы изменили отношение к угонщикам самолетов после операции Энтеббе. Теперь уже никто не поддается их шантажу. Когда страсти улягутся, люди поймут, что нельзя разрешать каждой маленькой стране, и в особенности Ираку, владеть атомной бомбой." Мириам Хейфец, двадцатидевятилетняя секретарша из кабинета правительства сказала: "Мы делаем грязную работу для всего мира. Нам нечего стыдиться. Кто-то должен был остановить Ирак".

> Тайм, 22 июня, 1981.

"ОТ ДУШИ"

"Очень редко бывает, чтобы государственный деятель мог так ярко осветить основной путь, который он выбрал для своей страны, как это сделал Менахем Бегин на прошлой неделе. Вот некоторые выдержки из его выступления:

"Ирак готовил атомную бомбу, чтобы сбросить ее на израильских детей. Вы разве забыли о полутора миллионах маленьких еврейских детей,

которые были брошены в газовые камеры?"

"Перед нами возникла ужасная дилемма: следует ли нам быть пассивными и потерять последнюю возможность разрушить этот очаг смерти без жертв среди населения Багдада, вывести этот реактор из строя навсегда, или же нам нужно действовать сейчас, по причинам, которые мне нет нужды объяснять".

"Еще бы одна Катастрофа имела место в истории еврейского народа. Но нет, никогда, никогда это не должно повториться. Скажите всем, пусть все знают: мы будем защищать свой народ всеми доступными нам средствами".

Сейчас уже все знают, что руководитель Ирака не раз заявлял о своих планах использовать ядерное оружие против Израиля — это и побудило израильтян на проведение операции.

Но даже и сейчас, в 1984 году, когда я сижу и работаю над этой книгой в Иерусалиме, явно антисемитски и антиизраильски настроенный Совет безопасности ООН опять выражает свое осуждение по поводу разгрома израильтянами иракского ядерного реактора. Они делают это каждый год с 1981 года.

Сатане не легко признать свое поражение! Но мы, как верующие в Бога Израиля, должны воспринимать все с Его точки зрения, а Он защищает Свой народ.

Кроме того, большое беспокойство Израилю доставляют беспрерывные обстрелы северных поселений из "катюш", установленных на базах террористов в Южном Ливане. Следующие сообщения взяты из газеты "Джерусалем Поуст" за июль 1981 года:

"ОБСТРЕЛЫ СТАНОВЯТСЯ СУРОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НА ГРАНИЦЕ"

Джеффри Хеллер Корреспондент "Джерусалем Поуст"

"ТЕЛЬ-АВИВ. Обстрел террористами израильских поселений, расположенных вдоль северной границы страны, стал уже будничным, хотя и очень опасным явлением.

Под прикрытием темноты большие орудия выпускают по 30-40 ракет и снарядов каждую ночь.

В дневное время применяется маскировка для защиты от налетов с воздуха; подвижные "катюши" и 130-мм орудия заменяются меньшими, которые при выборочном обстреле могут выпустить до семи очередей.

Очевидно, во время такого "перемещения" и была убита сорокалетняя мать четверых детей из киббуца Мисгав Ам. Это случилось в понедельник в 6:15 утра.

Затем террористы сделали перерыв на 13 часов, а потом в 8 часов вечера опять возобновили обстрел Израиля.

С 15 июля, когда три человека были убиты в Нагарии и 25 ранены, 840 "катюш" и других артиллерийских орудий обстреляли 26 израильских городов и поселений.

Только в один день, 15 июля, 140 "катюш" и других орудий обстреляли Западную Галилею и "Галилейский палец". Это был самый тяжелый обстрел, проведенный террористами из Ливана с 1974 года.

Вчера в 9 утра была подвергнута обстрелу Метула.

100 снарядов "катюш" и других орудий были выпущены в направлении еще 23 поселений: Шаар Йешув, Ханита, Шомра, Царит, Бен-Ами, Марголиот, Кфар Гилади, Манара, Тель Авель-Бейт, Мааха, Дафна, Бейт Хиллель, Кфар Блюм, Неот Мордехай, Кфар Юваль, Ахзив, Гешер Хазив, Дан, район Цфата, Дишон, Мисгав Ам.

Несмотря на непрерывный огонь, израильские ВВС подвергли бомбардировке пять мостов через реки Захарани и Латани, чтобы перекрыть палестинцам поставку снарядов с севера. Как стало известно, в Южном Ливане уже ощущается их нехватка.

Воздушные налеты на районные базы террористов в Южном Ливане и на базы группировок Фатаха и Демократического фронта в Бейруте также нанесли серьезный ущерб деятельности террористов.

Основной целью этих операций было помешать палестинцам, переходящим от партизанской войны к организованным военным действиям, стать угрозой безопасности Израиля".

"УЩЕРБ СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ НА СЕВЕРЕ"

Ицхак Окед Корреспондент "Джерусалем Поуст"

"ТЕЛЬ-АВИВ. В результате беспрерывных обстрелов на севере страны был причинен большой ущерб сельскому хозяйству; ущерб оценивается в несколько миллионов шекелей.

Точные потери будут определены через несколько недель, когда эксперты, назначенные правительством, завершат свою работу.

Пострадали почти все поля и фруктовые насаждения. Пшеница и хлопок были сожжены, поливные устройства и курятники разрушены, тысячи цыплят погибли.

Шломо Рейзман, управляющий директор Федерации работников сельского хозяйства, сообщил корреспонденту "Джерусалем Поуст", что Метула особенно пострадала за последние несколько дней. Поселенцы работали там между обстрелами круглосуточно, ремонтируя систему водоснабжения. Некоторые установки пришлось ремонтировать за последнюю неделю три раза.

Фруктовым садам в "Галилейском пальце" также нанесен серьезный ущерб. Кроме того, как сообщил Рейзман, из-за обстрелов поселенцы не могут собирать яблоки.

Большой урон нанесен и сельскохозяйственной технике.

Министерство сельского хозяйства назначило специальную комиссию во главе с генеральным директором Меиром Бен-Меир, чтобы определить характер помощи жителям этих районов.

Рейзман сказал, что в настоящее время поселенцы не нуждаются в помощи добровольцев, но через некоторое время ситуация может измениться".

Выросло уже целое поколение израильских детей из северных районов Израиля, которые всю свою жизнь прожили под угрозой артиллерийских обстрелов. Очень часто, порой каждую неделю, они просыпаются от звука воздушной сирены и вынуждены среди ночи переходить в убежища, оборудованные почти в каждом доме.

Довольно странно, что в то время, когда Израиль подвергается беспрерывным нападениям и несет потери как человеческих жизней, так и собственности, весь мир сохраняет полное благодушие.

ГЛАВА 27

«ИЗ ЗЕМЛИ СЕВЕРНОЙ...»

Во время посещения Штатов в июне 1981 года я встретилась с Джо и Майклом. Это было такое радостное сабытие! Меня просто поразило, как они выросли и изменились за последнее время. Наверное, если бы мы жили вместе, эти из менения были бы не так заметны. Но каждую нашу встречу я с болью отмечала, что не являюсь свидетелем и участником их взросления. В последний день у меня появилось ощущение, что когда-нибудь мы опять будем жить вместе. Это был какой-то едва уловимый толчек, и я положилась на волю Господа.

В этот же приезд я снова посетила мою подругу Мари в Нэшвилле, Теннесси. На этот раз мы не пошли есть пиццу, тем не менее Господь выбрал время моего визита к ней, чтобы сообщить о необходимости вновь обратиться за получением визы и еще раз посетить Советский Союз. Теперь я уже понимала всю опасность такой поездки и знала, что пребывание за Железным занавесом нельзя рассматривать как увеселительную прогулку. Отважиться на это можно было только убедившись, что Сам Господь посылает меня туда. Кроме того, на меня возлагалась дополнительная ответственность, ибо при поездке в Россию не по воле Господа я подвергала бы опасности людей, с которыми предполагала там встречаться. И я обратилась к Господу: "Отец, я хочу поехать, но я должна быть уверена, что на то — Твоя воля. Если Ты действительно хочешь этого, подтверди мне Свою волю каким-нибудь образом!"

На следующий день мне довелось выступать перед небольшой группой верующих в Нэшвилле. Собрались мы в комнате при маленьком книжном магазине. Проходя после собрания между полками, я сказала Господу: "Если Ты

хочешь, чтобы я прочла одну из книг, укажи мне ее".

И Он направил меня к книге на нижней полке. Называлась она "Вера несмотря на КГБ", предисловие к ней написал Георгий Винц. Этот человек долгое время был пастором в Советском Союзе в одной из неофициальных баптистских церквей, а затем его выбрали секретарем Совета Евангелических баптистских церквей СССР. За свою веру он был арестован и посажен в тюрьму, однако потом его обменяли на какого-то советского шпиона и выслали на Запад. После этого он стал одним из видных правозащитников, выступающих против преследования верующих в Советском Союзе. Неофициальная церковь, к которой он принадлежал, подобно многим другим в Советской России, отказывалась сотрудничать с атеистическим, не принимавшим Бога правительством, поэтому подвергалась постоянным преследованиям. Церкви, которые соглашаются сотрудничать с правительством, становятся марионетками советского режима и

полностью контролируются представителями власти, не разрешающими про-

водить евангелическую работу.

Через несколько дней я уже была в самолете на пути из Чикаго в Миннеаполис, где должна была навестить свою сестру. У меня была масса писем, на которые я не ответила, поэтому я решила использовать время полета в самолете и написать несколько писем. Приготовила бумагу, достала письма, на которые должна была ответить, и приступила к работе. Однако Господь повелел мне: "Убери письма и почитай книгу "Вера несмотря на КГБ"."

"Господи, — взмолилась я, — Ты же знаешь, что мне нужно ответить на эти письма!" Но я уже понимала, что мне придется подчиниться, хотя требование это

казалось мне довольно неубедительным.

Его ответ, как всегда, разоружил меня: "Что ты потеряешь, если сделаешь это?" Мне, конечно, нечего было терять. Я убрала письменные принадлежности, достала книгу и стала читать.

Рядом со мной сидела молодая женщина. Когда она увидела, *что* я читаю, она наклонилась ко мне и спросила: "Вам нравится книга, которую вы читаете?

— Да, — ответила я с улыбкой, — очень! — И была совершенно не готова к тому, что произошло дальше.

— Вы знаете, — сказала она, — предисловие к этой книге написал мой отец.

Я лихорадочно осмысливала происходящее — лечу на самолете из Чикаго в Миннеаполис, читаю ту самую книгу, которую Господь повелел мне купить, только что Он посоветовал мне ее читать, рядом со мной сидит дочь того самого Георгия Винца, который написал предисловие к этой книге. Я испытывала благоговейный трепет и с ужасом представляла, что упустила бы очень важный момент в моей жизни, если бы ослушалась Его. Господи! Какая радость служить Тебе!

Мы обе почувствовали присутствие Господа, и ни у одной из нас не было сомнения, что это Его рука свела нас вместе в этот день. В беседе она рассказала мне, что год назад уехала из Киева в США.

"Как интересно! — воскликнула я, ясно понимая, что эта встреча и является подтверждением необходимости моей поездки в Советский Союз. — А я через

несколько недель собираюсь быть в Киеве!"

Она стала рассказывать, как она скучает по своей церкви на Украине, как ей хочется побывать там. (В то время я не могла понять этого стремления и лишь через несколько месяцев стало ясно, что она имела в виду.) Теперь все становилось на свои места — Господь так и планировал, я должна была посетить ту церковь, где ее отец был пастором. Она дала мне адрес, дни и часы, когда там собираются верующие, объяснила, как добраться туда. По возвращении в Израиль меня ожидало письмо от нее. Она писала:

"Как Ваши дела? Помните ли Вы нашу встречу в самолете? Это было просто удивительно!

Вы все еще собираетесь побывать в Киеве? Если Вы будете там, передайте привет моим друзьям.

Я посылаю Вамсвою фотографию и некоторые данные о преследовании

христиан в Советском Союзе.

Пусть Господь благословит Вас в Вашем служении Ему. Напишите мне о Ваших планах в связи с поездкой в СССР.

С любовью во Христе".

Я привожу выдержки из описания ее жизни:

"Однажды учительница объявила нашему девятому классу: "Сегодня вы будете писать сочинение на тему "Место Ленина в моем сердце". Вы должны показать, что Ленин сделал для людей всего мира и для вашей семьи,в частности. Вам следует подчеркнуть, что Ленин занимает главное место в вашем сердце и что вы его очень любите."

Все начали писать. В классе стало тихо. А я обратилась к Господу: "Боже, помоги мне! Что мне делать? Ведь только Ты, Господь Иисус, в моем сердце, а не Ленин. Если написать об этом честно, то у меня будет столько неприятностей! Что же мне делать, Господи?" И тут я вспомнила Послание к Римлянам(1:16),где апостол Павел говорит: "Я не стыжусь благовествования Христова..."

Большинство учеников уже окончило писать свои сочинения, когда я только приступила к работе: "Ленин был вождем революции в России в 1917 году. Он очень знаменит. Но он только лишь человек, он не Бог. А я люблю Иисуса, и мое сердце принадлежит Ему. Поэтому в моем сердце нет места для Ленина..." Потом я написала, что Иисус сделал для меня, как Он отдал Свою жизнь за мои грехи и сделал меня счастливой.

Урок окончился. Я отдала свое сочинение учительнице и вышла из класса. На следующий день она вызвала меня к себе. Она была вне себя от негодования:

"Лиза, что это такое? Как ты могла осмелиться на такую дерзость? Ты знаешь, что я обязана послать это сочинение в КГБ? Ты знаешь, что если будешь придерживаться таких взглядов, то никогда не сможешь учиться ни в университете, ни в институте? Мы еще очень хорошо к тебе относимся — за это исключают из школы! Возьми это сочинение домой и перепиши его. И напиши о Ленине, а не о Христе! Если ты веришь в Бога, держи это в секрете. Никому не говори об этом и уж, тем более, никогда об этом не пиши. Верь себе тихонечко в своего Бога, а в сочинении напиши, что любишь Ленина. Как ты можешь любить какого-то Иисуса больше, чем Ленина? Ты просто фанатичка! Сейчас же перепеши свое сочинение!"

Я ответила ей, что не могу, что люблю Иисуса, и поэтому не могу выполнить ее требование.

Она долго убеждала меня. Потом стала осуждать моего отца, Георгия Винца, который находился в лагере в Сибири за проповедование Евангелия.

Через несколько дней она сообщила мне: "Я послала твое сочинение в КГБ. Теперь я все твои сочинения буду посылать в КГБ".

Другие учителя тоже прочли мое сочинение. Некоторые даже читали его вслух перед классом и обсуждали его.

Я была просто счастлива! Благодаря моему сочинению многие в школе услышали об Иисусе и о моей любви к Нему. Господь защитил меня!

В некоторых школах детей даже бьют за их веру в Иисуса Христа. Иногда детей отбирают у их верующих родителей и помещают в специальные детские дома для перевоспитания. Им даже не разрешают видеться со своими родителями.

Когда моего отца в апреле 1979 года выслали в Соединенные Штаты, нашей семье было разрешено последовать за ним. Теперь я живу в Америке и могу свободно изучать Библию. Но дети на моей родине посещают атеистические школы. И каждый день их учат, что Бога нет.

Пожалуйста, помолитесь, чтобы дети там познали и полюбили Иисуса Христа. Пусть Господь защитит христианских детей и даст им силы..."

После такого ясного и понятного подтверждения я позвонила г-ну Г. и сказала, что хочу еще раз побывать в Советском Союзе. Я немного беспокоилась, что мое желание посетить эту страну во второй раз за такой короткий период времени может вызвать подозрения. Однако г-н Г. ответил мне в своей обычной манере:

"Великолепно! Наша страна открыта для вас. Я сделаю все, чтобы вы могли побывать в любой точке Советского Союза или Восточной Европы — если хотите, вы можете посетить даже Китай!"

Я была очень удивлена и до сих пор не могу понять, как это ему удавалось, но разрешение на визу получила. А ко времени моего возвращения в Израиль уже были деньги, необходимые для поездки в Советский Союз, но мне все еще не верилось, что скоро я поеду туда опять.

Уже будучи дома, в Иерусалиме, я как-то поделилась со своей приятельницей впечатлениями о поездке в Россию, и в это время Господь сообщил мне, что именно я должна написать книгу о себе и о своей вере в Иисуса. До этого я считала, что автором книги будет Мари. Мне это дело казалось просто невыполнимым, и я обратилась к Нему: "О, нет! Не говори мне, что я должна писать эту книгу. Ведь я же не могу и написать ее, и напечатать на машинке, и издать. Это просто несправедливо!"

Его ответ был совсем неутешительным. "Скажи спасибо, — сказал Он, — что у тебя есть, о чем писать".

Кроме того, Он сообщил мне, что книгу следует напечатать в маленькой типографии в Иерусалиме, услугами которой я уже пользовалась неоднократно. Я отправилась в эту типографию, чтобы поговорить с ними о книге. Они сказали, что самое лучшее — это печатать рукопись на электрической пишущей машинке, а они уже скопируют прямо с этого материала. Таким образом, исключая компьютер, можно сэкономить тысячи долларов. В результате я обратилась ко всем своим друзьям в Иерусалиме с вопросом, не знают ли они, кто продает электрическую пишущую машинку.

Через несколько дней ко мне позвонил мой знакомый, Джон: "Я слышал, вы ищете машинку; у меня есть прекрасная машинка хорошей фирмы, она стоит не меньше 1500 долларов, но я могу продать ее всего за 1000, если вы хотите".

В то время у меня было очень плохо с деньгами, и у меня не было и 1000 шекелей, не говоря уже о 1000 долларов. Я ответила ему, что мне очень нужна машинка и, если Господь пошлет мне на нее деньги в ближайшие несколько дней, я позвоню ему. Однако дни проходили, а деньги у меня так и не появились.

Через неделю Джон позвонил мне опять: "Вы знаете, — сказал он, — Господь повелел мне провести несколько месяцев в путешествии по миру, рад предложить вам на это время пользоваться моей машинкой, а после приезда, если захочу ее продать, я у вас ее заберу". Я очень обрадовалась этой возможности, и на следующий же день Джон со своим приятелем привезли машинку ко мне домой. Так как Джон был писателем, он дал мне массу полезных советов.

"Писатель обычно проводит за машинкой не менее четырех часов в день, и, если вы пропустите день, вы должны отработать пропущенные часы. Однако, если вы проработаете в какой-нибудь день больше четырех часов, их не следует исключать из задания на следующий день". Слушая его наставления, я по-

чувствовала, что и Господь придерживается того же распорядка работы. Теперь,

имея пишущую машинку, можно было приниматься за работу.

Утром следующего же дня Джон позвонил и сказал: "Считайте, что машинка ваша. Вчера у вас я понял, что должен подарить ее вам и что для меня это станет шагом в моей новой жизни в вере. Я просто счастлив, что она будет использована во благо Господу. Пусть она послужит вам с моим благословением..."

С этого дня она стала моим верным другом. Я провела за ней много-много часов, подготавливая эту книгу. И я уверена, что Господь отблагодарит Джона за его доброту и веру в Hero!

Господь стал готовить меня ко второй моей поездке за Железный занавес летом 1981 года. Я прочла много книг, в которых русские христиане описывали преследования, а некоторые из них сами провели многие годы в тюрьме за свою веру. Я поняла, что все это может грозить и мне. Особое впечатление на меня произвели слова брата Андрея ("Богослужение при открытых дверях"):

"Когда мы отправляемся в Восточную Европу, Господь открывает перед нами двери, но мы не можем быть уверены, что сможем выехать оттуда..."

Я воспринимала все это со страхом и как-то поделилась своими опасениями с друзьями, приехавшими из Штатов, что Господь готовит меня ко всему: меня могут посадить в тюрьму или даже уничтожить. Они пришли в ужас. "Нет, нет! Не говори так! Он будет хранить тебя! Даже не думай об этом!"

Мне не трудно было их понять. Мы, на Западе, не можем осознать всех страданий, которым ежедневно подвергаются наши братья и сестры в этих странах притеснения. "Это не может случиться со мной", — думала я. Но, конечно же, это может случиться и с этим мне надо было смириться.

Когда же я почувствовала, что могу предстать перед Господом с готовностью перенести все преследования ради Него, то внезапно ощутила себя свободной. Все страхи ушли! Очевидно, это и было Его целью — подготовить меня, чтобы я приехала туда без страха и была уверена: что бы со мной не случилось — на то воля Господа. Могут ли меня посадить в тюрьму? Только у Него есть ответ на этот вопрос. Но, если мы готовы даже на смерть, какое зло нам могут причинить люди?

"Прибежище твое Бог древний, и ты под мышцами вечными. Он прогонит врагов от лица твоего..."

Второзаконие 33:27

Впервые я почувствовала, что Пастырь наш хранит меня.

"Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня.

Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих, умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена".

Псалом 22:4-5

Отец вновь указал моему сердцу важность послушания, и, поняв, что выбора нет и необходимо *подчиниться* Его воле, я уже более спокойно стала воспринимать свою поездку в Советский Союз. Господь с самого начала

служения Ему дал мне понять об опасности свернуть с пути, об убаюкивающем чувстве самодовольства, так характерного для многих христиан, которые даже не задумываются, что это может лишить их спасения.

"Назначено время под пологом тьмы, Отмечено место не нами, Где перекрестками судьбы: "К отчаянью" и "К славе".

И линия, невидима для глаз, Ложится на пути И разделяет Божий страх и мир Его любви.

Шагни за грань — и встретишь смерть, Но не узнать ее: Не остановит сердца бег, Румянца не сотрет.

Спокойна совесть и чиста, И честный весел дух. Пей наслаждение до дна, Мой беззаботный друг.

Но вот, на лбу горит клеймо. Страшна Его печать. Не смыть, не вытравить ее И даже не узнать.

И все в порядке, говорят, И страхи далеки. Ты жил, умрешь и сходишь в ад. Погиб и проклят ты.

Где та незримая черта, Та, что отметил Бог, Из жизни в дьявольский обман Таинственный порог?

С небес из вечности ответ, Как колокол, звучит: "Не знавший Бога человек! Покайся и прозри!"

> Иосиф Эддисон Александр

Потом Господь побудил меня сравнить положение евреев в Персии времен Эстер с положением евреев в Советском Союзе в наши дни. Он повелел мне также провести перед поездкой три дня в молитвах и посте, как в те далекие дни Он потребовал этого от Эстер:

"...если я нашла благоволение в очах твоих, царь, и если царю благоугодно, то да будут дарованы мне жизнь моя, по желанию моему, и народ мой, по просьбе моей!

Ибо проданы мы, я и народ мой, на истребление, убиение и погибель... Ибо, как я могу видеть бедствие, которое постигнет народ мой, и как я могу видеть погибель родных моих?"

Эсфирь 7:3-4, 8:6

По сути дела, Эстер должна была сделать тот же выбор, что и Церковь. Она должна была открыто связать свою судьбу с судьбой еврейского народа. Когда Мордехай узнал о планах Амана уничтожить евреев, он сказал Эстер, "чтобы она пошла к царю и молила его о помиловании и просила его за народ свой." (4:8). Сначала Эстер испугалась за свою жизнь, ведь она могла лишиться ее, если явится к царю незванной. И тогда Мордехай сказал ей точно то же, что Господь говорит истинным членам Своей Церкви:

"... не думай, что ты одна спасешься в доме царском из всех Иудеев. Если ты промолчишь в это время, то свобода и избавление придет для Иудеев из другого места, а ты и дом отца твоего погибнете. И кто знает, не для такого ли времени ты и достигла достоинства царского?"

Эсфирь 4:13-14

Я понимала, что положение в России является вызовом для Церкви, так как Господь считает, что мы едины с Его народом в этой стране.

И Он сказал моему сердцу:

"Вскоре я открою двери еврейскому народу, который живет в Советском Союзе. Поэтому я посылаю тебя в эту страну, чтобы ты сообщила им — они смогут покинуть ее. И, когда время это настанет, пусть знают они, что это от Бога, и они должны ехать сразу же..."

В то время я не была уверена, что кто-то еще в этом мире знает о втором исходе. Мне было ясно лишь одно — я должна поехать туда и сообщить им это послание, веря, что не вселю в них ложной надежды.

А Господь дал мне прочесть следующее, что, как мне казалось, подтверждало Его волю:

"Посему вот, приходят дни, говорит Господь, когда не будут уже говорить: "жив Господь, Который вывел сынов Израилевых из земли Египетской":

Но: "жив Господь, Который вывел сынов Израилевых из земли северной..."

Иеремия 16:14-15

"Посему, вот наступают дни, говорит Господь, когда уже не будут говорить: "жив Господь, Который вывел сынов Израилевых из земли Египетской",

Но: "жив Господь, Который вывел и Который привел племя дома Израилева из земли северной и из всех земель, куда Я изгнал их", и будут жить на земле своей..."

Иеремия 23:7-8

"Не бойся, ибо Я с тобою; от востока приведу племя твое, и от запада соберу тебя.

Северу скажу: отдай; и югу: не удерживай; веди сыновей Моих издалека

и дочерей Моих от концов земли..."

Исаия 43:5-6

"Так говорит Господь: во время благоприятное Я услышал Тебя, и в день спасения помог Тебе; и Я буду охранять Тебя, и сделаю Тебя заветом народа, чтобы восстановить землю, чтобы возвратить наследникам наследия опустошенные,

Сказать узникам: "выходите", и тем, которые во тьме: "покажитесь". Они при дорогах будут пасти, и по всем холмам будут пажити их.

Не будут терперь голода и жажды, и не поразит их зной и солнце; ибо Милующий их будет вести их и приведет их к источникам вод.

И все горы Мои сделаю путем, и дороги Мои будут подняты.

Вот, одни придут издалека; и вот, одни от севера и моря, а другие из земли Синим.

Радуйтесь, небеса, и веселись, земля, и восклицайте, горы, от радости; ибо утещил Господь народ Свой и помиловал страдальцев Своих..."

Исаия 49:8-13

"В те дни придет дом Иудин к дому Израилеву, и пойдут вместе из земли северной в землю, которую Я дал в наследие отцам вашим".

Иеремия 3:18

"Вот, Я приведу их из страны северной и соберу их с краев земли; слепой и хромой, беременная и родильница вместе с ними, — великий сонм возвратится сюда.

Они пошли со слезами, а Я поведу их с утешением; поведу их близ потоков вод дорогою ровною, на которой не споткнутся; ибо Я — отец

Израилю, и Ефрем — первенец Мой.

Слушайте слово Господне, народы, и возвестите островам отдаленным, и скажите: Кто рассеял Израиля, Тот и соберет его, и будет охранять его, как пастырь стадо свое;

Ибо искупит Господь Иакова и избавит его от руки того, кто был

сильнее его".

Иеремия 31:8-11

Сердце мое было полно благоговения — мы сможем быть свидетелями этого удивительного события в истории человечества. У меня не было ни малейшего представления, как Господь намерен вывести народ Свой из земли северной и когда все это произойдет. Но я была уверена, что только Господь может сделать это и только Его мы будем благодарить и славить за деяния Его.

ГЛАВА 28

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА В РОССИЮ

Лето близилось к концу, приближалось время моего отъезда в Штаты, а оттуда в Советский Союз. (Советское агенство "Интурист" и не представляло, что я живу в Израиле. Если бы они знали об этом, ни за что не дали бы мне советской визы! Поэтому я подала заявление на получение визы из Соединенных Штатов, через дверь, которую указал мне Господь. К тому же очень котелось повидать Майка и Джо.) Я должна была лететь из Нью-Йорка в Москву 27 сентября 1981 года, а из Израиля в Штаты планировала вылететь за две недели до этого, 12 сентября.

Примерно за неделю до отъезда у меня возникли духовные трудности. Это было ужасно, мне казалось, что моя жизнь в опасности. Моя подруга с севера Израиля, узнав, что со мной творится неладное, приехала ко мне, чтобы вместе помолиться. Кроме того, у меня не было денег на билет из Израиля в Штаты, хотя поездка в Советский Союз уже была оплачена. И тут позвонила Марсия.

"Послушай, — сказала она, когда я взяла трубку, — я должна сообщить тебе печальную весть: г-н Г. умер, скоропостижно". Он был уже пожилым человеком и не совсем здоровым. Известие это очень меня опечалило. "Теперь возникают всякие сложности, — продолжала она, — в "Интуристе" не могут найти ни твоей визы, ни путевки на поездку, и нигде не записано, что ты все оплатила".

"Ой, только не это!" — воскликнула я. Через две недели нужно вылетать в

Москву.

Мы договорились с Марсией, что она попытается разыскать банковскую копию чека на 2000 долларов, так как я, к счастью, оплатила счет банковским чеком. "У меня еще нет денег на билет в Штаты, так что придется отложить поездку на неделю. — сказала я — Я заказала билет на неделю позже, на 19 сентября. Скоро увидимся!" Мы согласовали предполагаемое время прилета, она обещала встретить меня.

После молитвы я стала обдумывать ситуацию. Судя по обстоятельствам, поездки не будет: у меня нет денег, чтобы добраться до Штатов, г-н Г. умер, визу мою потеряли. Но Господь подтвердил, что все остается в силе, и мне нужно собраться с силами и бороться за осуществление своих планов. Иногда приходится руководствоваться не внешними обстоятельствами, а Его любовью в наших сердцах.

"Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных ".

к Ефесянам 6:12

Я знала, что сначала нужно призвать друзей на молитву, и известила их и в Израиле, и в Штатах; потом позвонила Дженни и Вольфгангу в Норвегию. (Обычно мои верные друзья, которые были постоянными читателями моего полугодового информационного сборника, всегда поддерживали меня в таких просьбах, но враг одержал победу и на этот раз. Выход в свет последнего сборника несколько задержался и попал к людям с большим опозданием.)

Когда я рассказала Вольфгангу о своих делах, он сообщил: "Мне передали для тебя деньги. Почти хватит на билет. Я добавлю остальное и отправлю на твой

банк по телексу. Это должно занять не более трех дней."

Я повесила трубку и почувствовала, что ход сражения начинает меняться.

На следующий день я известила банк, что на мой счет в ближайшие дни должны поступить 600 долларов из Норвегии. Через три дня я явилась, но увы, никаких денег не поступило. Я приходила на четвертый день, на пятый. На шестой день мне было достаточно туда лишь заглянуть, как банковская служащая отрицательно покачала головой, давая понять, что деньги все еще не пришли.

Так как я живу в вере, Господь обычно обеспечивает меня тем количеством денег, которые мне нужны для повседневной жизни. Поэтому на моем банковском счету обычно бывает от нуля до сотни долларов. И мне казалось, что в

банке не очень верили, что деньги должны поступить.

18 сентября, накануне моего отъезда, деньги должны были быть в банке не позднее б часов вечера, так как в это время закрывается пассажирское агентство, где я должна была оплатить свой билет. Откладывать поездку было уже нельзя ни на один день. Но по своему опыту я знала, что Господь редко творит Свои деяния раньше, чем нужно, однако Он никогда и не опаздывает. Поэтому, когда я направилась в банк утром 18-го, то была уверена, что деньги там будут. Они должны были быть там!

Я подошла к служащей, но она, подняв глаза от работы, сказала: "Очень

сожалею, Эстер. Но деньги и сегодня не поступили".

И опять я оказалась перед закрытой дверью. Денег не было! В глубине души все-таки еще была уверенность, что 27 сентября я буду в Москве. Поэтому я сделала то, что не может быть примером моей "веры". Я позвонила Сиду и Бетси, которые в это время были в Штатах, и объяснила им свою ситуацию.

"У меня к вам огромная просьба, — заключила я, — может, вы оплатите билет из Штатов, а, когда поступят деньги из Норвегии, я переведу их вам?" Они обещали сделать это, как только откроется банк, и велели мне ждать их телекс в агенстве во второй половине дня. Я поблагодарила их и повесила трубку.

В 5 часов вечера я уже была в агенстве на улице Кинг Джордж. Сарра, владелица агентства, сказала мне, что никаких известий еще не поступало, и я села ждать. Ровно в 5.30 поступил телекс, извещавший, что билет оплачен в Штатах. Я была счастлива! Наконец, дело сдвинулось с мертвой точки.

Но это еще не был конец сражения. Через пять минут позвонила представительница бюро воздушных сообщений и сказала, что телекс должен быть возвращен, так как мой билет должен был быть оплачен из Штатов не позднее,

чем за двадцать один день. Итак, последняя попытка не увенчалась успехом. Я пожала плечами и сказала себе: "Ну что ж! Очевидно, битва идет на небесах. От меня теперь ничего не зависит!"

Я уже собралась уходить, когда Сарра спросила меня: "Вы собирались навестить ваших близких в Штатах?"

- Да, ответила я.
- И вы уже не можете отложить вашу поездку?
- Нет, сказала я.
- Ну, хорошо, я дам вам на билет. Я уверена, что вы вернете при первой же возможности.

И, обратившись к одной из своих помощниц, сказала: "Позвоните в бюро воздушных сообщений и скажите, чтобы они выписали билет".

За десять секунд до закрытия я получила билет в США, так необходимый на моем пути в Москву. Я почувствовала любовь Господа к этой доброй еврейской женщине; очевидно, Он с самого начала хотел, чтобы она каким-то образом приняла участие в моей поездке. Я с облегчением вздохнула.

Через десять минут после моего ухода Сид и Бетси позвонили в агентство и, когда Сарра объяснила им, что оплата билета из Штатов за такой короткий срок не может быть принята, они стали просить ее оплатить билет с тем, что они немедленно отправят ей чек. А она ответила им с улыбкой, я просто уверена в этом: "Эстер ушла десять минут тому назад с билетом в кармане".

Я не знала об этом телефонном звонке, так как в то время телефона у меня не было, поэтому известила свой банк, что поступившие деньги из Норвегии следует перевести на счет Сарры. Когда я вернулась в Иерусалим, она со смехом рассказывала мне: "Некоторые люди не отдают мне долг, но первый раз в жизни мне вернули его дважды!"

Итак, на следующее утро из аэропорта Бен-Гурион я отправилась в Нью Йорк.

По прибытии в Штаты я, к своей радости, узнала, что копия чека нашлась, что "Интурист" выписал мне новую визу и все мои бумаги для поездки в Россию в порядке. Теперь я могла выполнять Его волю беспрепятственно.

Мне удалось провести с Майком и Джо два выходных дня. Они переехали из Коннектикута, где провели почти всю свою жизнь, в небольшой городок в окресностях Кэмдена, Нью Джерси. Это был район, пользующийся дурной славой из-за высокой преступности и потребления наркотиков. А когда я побывала в школе, где учился Джо, и увидела там детей, мое сердце просто упало. Они сами мне очень не понравились — все время ссорились и были страшно нервными. В этом районе у меня не было друзей, поэтому мне пришлось остановиться в мотеле, что тоже отложило свой отпечаток на нашу встречу. Рассталась я с детьми с тяжелым сердцем, не зная, когда мы сможем встретиться опять.

До отлета в Москву я решила провести три дня в молитвах и посте в небольшом приюте на реке Саверн недалеко от Вашингтона. Это было тихое, спокойное место, где так хорошо было молиться и подготовить себя к дальней дороге. До этого я никогда не постилась полностью, не принимая ни еды, ни питья. Но теперь я чувствовала, что это необходимо. Господь поддержал меня и, хотя и ослабленная, я выдержала этот трехдневный пост.

В награду Господь подготовил мне небольшой сюрприз. Однажды Он повелел мне спуститься в столовую во время обеда, я не собиралась там ни есть, ни пить.

Я села за столик и стала беседовать с постояльцами. Вдруг одна из монахинь спросила меня (это был католический приют): "Вы, случайно, не Эстер из

Иерусалима?"

От удивления я открыла рот, а она продолжала: "Одна из наших сестер переписывается с вами уже много лет". Тогда я сразу же догадалась, что она имеет в виду сестру Селину, письма которой были для меня большой поддержкой. На следующий же день сестра Селина смогла навестить меня, и мы обе были очень рады впервые увидеть друг друга.

Через три дня я с Божьей помощью покинула это уединенное место, готовая к

трудной дороге.

Попрощавшись с друзьями, я заняла свое место в самолете, взявшем курс на Москву. Мне трудно выразить все то, что я чувствовала в тот момент.

Самолет благополучно приземлился в Москве, и после долгого ожидания, я опять предстала перед таможенной службой. На этот раз у них уже было устройство для просвечивания багажа, поэтому они пропускали людей довольно быстро. Подошла моя очередь, я поставила свой чемодан на просвечивание, через минуту они попросили меня открыть его для более тщательной проверки.

В прошлый раз Господь помог мне провести незамеченным все, что могло вызвать подозрение. Естественно, была надежда, что так будет и на этот раз. Каково же было мое огорчение, когда они нашли "Книгу церковных гимнов" на русском. Следом была обнаружена "История еврейского народа", которую я тоже хотела подарить друзьям.

Господь надоумил меня спрятать адреса друзей из неофициальной церкви в белье, которое было на мне, и я была очень рада, что прислушалась к Его наставлениям. Но через несколько минут, к моему ужасу, они вызвали женщину из охраны и предложили ей провести личный досмотр в соседней комнате.

Я последовала за ней, прося Господа лишь об одном: "Отец, если я сделала что-то не так, если я здесь не по Твоей воле, то ничего не имею против, чтобы эти двери закрылись. Но, пожалуйста, очень прошу Тебя, не дай им найти адреса моих друзей. Защити их, о Господи!"

При обыске я старалась поворачиваться так, чтобы она не могла нащупать бумагу. Почувствовав, что мои друзья вне опасности, я с облегчением вздохнула. Без сомнения, это была рука Господа, и я была Ему очень благодарна.

— Что у вас в карманах пальто? — спросила она.

 — Лекарство и вот Библия на русском, — сказала я и протянула ей оба предмета.

В прошлый раз они не проверяли карманы пальто, и я была уверена, что смогу таким образом провезти Библию. Теперь все, кроме адресов, было обнаружено.

Она вынесла Библию к ожидающему нас таможеннику и сказала, что никаких бумаг обнаружено не было.

Офицер взял Библию и стал кричать на меня по-русски.

— Я не понимаю по русски, — сказала я ему.

— Тогда что вы собирались делать с этим? — не унимался он, размахивая Библией перед моим лицом.

Я стала судорожно искать в сумке "Информационный справочник Интуриста".

— Вот, пожалуйста, здесь сказано, что для личного пользования я могу иметь Библию, — показала я ему нужный мне параграф.

Толпа у Московской синагоги рано утром в день Рош Хашана.

Вид нижнего зала Московской синагоги.

— А что вы собираетесь делать с этим? — возмущался он, указывая на "Книгу церковных гимнов" на русском.

Попросив поддержки у Господа, я сказала: "Я слышала, что тут трудно найти такие книги. Поэтому и решила взять ее с собой".

- Кому вы хотите отдать ее? не унимался он.
- Не знаю, ответила я.
- А это что такое? Вы можете читать на этом языке? спросил он, указывая на Историю на иврите.
 - Да, ответила я спокойно.

Они поговорили несколько минут, вернули все три книги и разрешили закрыть чемодан. Досмотр был окончен! С трудом сдерживая улыбку, я направилась к выходу. В прошлый раз ничего не было найдено. В этом году они обнаружили почти все, но тем не менее пустили в страну, вернув все три книги. "О Господи, спасибо Тебе!"

Вскоре ожидавшая черная машина доставила меня в ту же самую гостиницу, где я останавливалась в прошлом году. Добрым словом я помянула г-на Г., который на этот раз уже не встречал меня. Но все в ней было мне уже знакомо. Она находилась в самом центре Москвы, на расстоянии нескольких кварталов от Красной площади и Кремля.

Прежде всего я хотела побывать в московской синагоге в первый день Рош ха-Шана, еврейского Нового года. В Советском Союзе большинство церквей и синагог либо превращены в музеи, либо просто закрыты, а то малое количество, что действуют, посещаются, в основном, старыми людьми, так как находятся под наблюдением КГБ. Однако на Рош ха-Шана (и другие еврейские праздники) тысячи евреев приходят сюда, стар и млад, заполняя близлежащие улицы, чтобы быть вместе в этот праздничный день.

Для тех, кто живет на Западе и свободен в своих религиозных отправлениях, в этом нет ничего необычного. Но при советском режиме систематически препятствуется любое проявление религии. Дети воспитываются в атеистическом духе, а для тех, кто упорствует в своих религиозных убеждениях, используется заключение и даже смерть. За жизнь всего одного поколения еврейская религия была в Советском Союзе утрачена, люди стремились быть "послушными советскими гражданами". Традиции забывались. Ассимиляция распространялась очень широко. Но за последние годы все резко изменилось. На сухой, совершенно сухой почве поднялись новые ростки иудаизма. Причем в сердцах молодого поколения. Молодые люди интересуются прошлым своего народа и жаждут узнать, кто они есть. Это, конечно, дело рук Господа. Дух надежды зовет их в этот день в синагогу. И они идут, зная, что за это их могут посадить в търьму, выгнать с работы, разлучить с близкими. Господь послал меня увидеть это чудо своими глазами и передать этим людям привет из Израиля.

Очень много времени у меня занимали поиски дома или места, где я должна была встретиться с людьми. За день до встречи я тратила уйму времени, чтобы найти этот дом. Иногда мне приходилось часами бродить по морозу, а это не так просто. В картах, издаваемых в Советском Союзе для туристов, указаны лишь главные улицы. Названия улиц даны только по-русски, а для меня выучить даже алфавит другого языка было совершенно невозможно. Более того, я не могу просить помощи ни в гостинице, ни на улице, так как это может вызвать

подозрение у КГБ: турист из-за рубежа намерен наладить связь с советскими гражданами. Поэтому сначала я находила район, а потом, ведомая Святым

Духом, искала нужную мне улицу.

Итак, в понедельник я отправилась искать синагогу. Общие указания я получила еще в Израиле. Выйдя из метро, я просто растерялась — огромное количество улиц шло в разных направлениях. Бродила безрезультатно там около двух часов. Зашла в сквер и без сил опустилась на скамейку. Я молила Господа помочь мне. И Он совершенно ясно сказал мне повернуть на близлежащем перекрестке налево, а потом еще раз налево. Следуя Его указаниям, я оказалась у старинного здания с большими колоннами. Это и была московская синагога! Не уверена, нашла бы я ее без Его помощи.

Я пришла сюда опять во вторник утром, в первый день Рош ха-Шана. Поднялась на второй этаж, галлерею, отведенную для женщин, нашла там свободное место и села. С моего места был очень хорошо виден зал для мужчин, внизу. Никакие попытки советской власти искоренить религию не помогли — четыре "хазана" пели знакомые молитвы и песни на иврите, и слезы медленно

потекли по моим щекам.

В этот день в синагоге было много агентов КГБ, и я не могла себе представить, как буду общаться с людьми.

Господь повелел мне привезти в Советский Союз и взять с собой в синагогу золотую "Звезду Давида", или "Маген-Давид" на иврите, вещь, которую очень трудно достать в России. Пожилая женщина, которая сидела рядом со мной, увидела у меня это украшение и по тому, как открыто я его носила, поняла, что я — туристка. Это дало мне возможность подарить ей его, как привет из Израиля на Новый год. Потом эта женщина рассказала другой, и вскоре я таким образом смогла поздравить многих. Мне особенно захотелось поздравить одного из "хазанов", человека небольшого роста с добрым и приветливым лицом. Он очень удивился, узнав, что я из Иерусалима.

Нет необходимости писать отдельно о том, что евреи не могут брать свободные дни во время еврейских праздников. Когда я пришла в синагогу еще и вечером, то увидела, что там собралось очень много народа и площадь перед зданием была запружена молодыми людьми. Все, кто работал днем, пришли сюда вечером. Небольшая группа пела израильские песни на иврите, некоторые танцевали "хору", израильский народный танец. Все они знали много песен, но больше всего им нравилась "Шалом Алейхем". Я была уверена, что отныне, услышав эту песню, буду вспоминать этот замечательный вечер. Мы вместе стояли и пели, а мне казалось, что Иерусалим очень и очень далеко. Сколько времени должно пройти, чтобы эти люди смогли приехать в город, который они так любили?

Там же я познакомилась с молодым ученым, евреем по имени Самуель. Он предложил проводить меня до гостиницы. Уходя, я оглянулась, чтобы еще раз увидеть народ Божий, который пел Его песни на чужой земле.

Не прошли мы и пол квартала, как навстречу нам проехала милицейская машина, которую сопровождали солдаты. Они должны были разогнать празднующий народ по домам. Еще одно грустное напоминание, как далеко Иерусалим от того места, где все мы были!

"Как только эта машина появится, все разойдутся, — сказал Самуель. — Десять лет назад этого бы не было, мы бы ее просто перевернули! Теперь люди боятся".

Мы шли долго, и он всю дорогу рассказывал мне о жизни в Советском Союзе, а я рассказывала ему об Израиле. Потом он сказал: "Я бы согласился провести пятнадцать лет в тюрьме в Израиле, чем один день здесь". Как они хотят

покинуть эту страну!

Многое из того, что он рассказывал, позволило мне лучше понять те трудности, с которыми сталкиваются евреи при коммунистическом режиме. КГБ и советское правительство предпринимают все возможное, чтобы оградить советский народ от контактов с представителями Запада. Вот одна из историй, которую рассказал мне Самуель:

"Однажды одна американка попросила меня помочь ей купить мороженое. Я выполнил ее просьбу и пошел дальше. Через некоторое время я заметил, что кто-то следует за мной. Я повернул за угол, и преследующий сделает то же самое. Я в метро, и он за мной. Через три дня меня вызвали на допрос. Первое, что меня там спросили, было: "Какие сведения вы передали в мороженом?"

Мы оба посмеялись, но нам было очень грустно.

Потом Самуель рассказал мне о сотруднике научно-исследовательского института, в котором он работал. Этот человек получил Нобелевскую премию нечестным путем с помощью подделки и обмана. Самуель разоблачил его на ученом совете, однако из-за своей принципиальности ему пришлось пройти много испытаний, так как этот "ученый" был очень влиятельным человеком в коммунистической партии. Мне же было очень приятно, что я познакомилась с таким бескомпромиссным человеком.

Сним было очень интересно беседовать, и я рассказала ему, что скоро Господь откроет двери для евреев и они смогут уехать из Советского Союза. Как все это произойдет, трудно было представить!

Наконец, мы подошли к моей гостинице. Прощаясь, я выразила надежду, что

когда-нибудь мы сможем совершить с ним прогулку по Иерусалиму.

На следующий день я отправилась посетить Браиловских. Однако дома были только мать Ирины и маленькая Далия. Мать Ирины говорит только по-русски и на идиш. Однако, когда говорит сердце, не надо знать языка. Мы отлично понимали друг друга. Она передала мне записку, которую оставил для меня Леонид, там по-английски было написано, что Ирина уехала к Виктору в ссылку и чтобы я сообщила день, когда смогу опять посетить их. Я написала, что сделаю это через две недели, когда вернусь в Москву после поездки по стране.

К вечеру, перед заходом солнца, я решила прогуляться по Кремлю. Там очень много музеев-церквей. Как горделиво возвышаются кресты над шпилями! Да, так и должно быть, ведь верующие в Бога Израилева возвышаются над

злом коммунизма.

В четверг утром я вылетела в Ленинград. Перед приземлением в самолете зазвучала музыка, и, к моему удивлению, знакомая мелодия — "При реках Вавилона". Ее передавали три раза подряд! А я про себя улыбалась — знают ли они значение слов этой песни? И как понятна мне была тоска по дому, выраженная в этом псалме:

"При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе.

На вербах посреди его повесили мы наши арфы.

Там пленившие нас требовали от нас слов песней, а притеснители наши — веселия: "пропойте нам из песней Сионских".

Как нам петь песнь Господню на земле чужой?

Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя.

Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего".

Псалом 136:1-6

Первые несколько дней в Ленинграде были для меня очень трудными. Я чувствовала себя одинокой, и меня мучили вопросы, выполняю ли я действительно волю Господа. Пребывание в Советском Союзе требует постоянного духовного напряжения, а у меня не было сил. Тем не менее жизнь моя как туристки продолжалась.

В пятницу, 2 октября, в мой первый день в Ленинграде я собиралась отправиться на судне на подводных крыльях в Петродворец — посмотреть Летний дворец Петра Великого и великолепные парки, окружающие его. Я прибыла на причал, где швартовались эти суда и стала в очереди ждать, как и другие советские граждане. Перед самым отходом судна к пристани подъехал автобус с иностранными туристами, которые полностью заполнили судно, и оно отправилось в Петродворец без нас. Такова одна из черт повседневной жизни советских людей. Членам коммунистической партии и иностранным туристам отдается предпочтение во всем. Понятия о достоинстве человека там не существует.

Хотя у меня и было письмо из гостиницы, что меня следует обслуживать как иностранную туристку, Господь подсказал мне, что я должна ждать. Через два часа объявили, что все суда на подводных крыльях будут перевозить только иностранцев, а все остальные могут добраться до Петродворца автобусом и поездом.

Небольшая группа, решившая добираться предложенным путем, взяла надо мной шефство, и мы чудесно провели вместе целый день. Кто-то из них спросил меня, кто я по профессии, какую работу выполняю. Я сделала крест из двух пальцев и показала на небо, давая понять, что я христианка и служу Господу. Но, так как это были люди из атеистической страны, они поняли, что я работаю стюардессой.

Мы вместе ходили по дворцу и золотым аллеям парка, "беседуя" по мере возможности друг с другом. Затем вместе же вернулись в Ленинград и уже там распрощались.

В субботу я пошла навестить моих друзей по прошлому году Иду и Абу Таратута, однако их не оказалось дома, и я оставила записку, что приду завтра утром.

Остаток дня я провела одна, и мне было очень грустно. Вечером решила отправиться в оперу, но ушла с середины спектакля. Мной овладело такое чувство тоски, что я не могла с ним совладать. Я вернулась в гостиницу, где уже не могла сдержать своих слез. Мне было так жалко евреев в Советском Союзе! Это Господь делил со мной Свою печаль. Он слышал стон избранного Им народа и делил с ним их страдания. Это вселяло в меня уверенность, что скоро придет освобождение.

На следующее утро Ида, Аба и их сын были дома и ждали меня. Во время своего прошлогоднего посещения Ленинграда у меня оказалось свободное утро,

я пришла к Иде, не предупредив ее, дома никого не оказалось, и я повесила на ручку двери сумку, куда положила Библию, книгу на английском и немного денег. Я молилась, чтобы Господь сохранил ее до возвращения Иды. И это было первое, что она сообщила мне после приветствия,— сумка ждала ее в целости и сохранности.

Так приятно было общаться с ними! С Абой я встретилась впервые, и почти сразу же он начал задавать мне вопросы о моей вере в Иисуса. Вопросы его были серьезные и глубокие, и Господь помог мне ответить на них с такой уверенностью и убежденностью, что я вспомнила Павла. Больше всего Абу поразили два положения — то, что Иисус является Мессией еврейского народа, и то, что посещение церкви не делает человека "христианином", а только устанавливает отношение с Самим Иисусом. Открыв Ветхий Завет, я показала им пророчества, которые осуществились в жизни и жертве Иисуса.

Я подарила Абе книгу на иврите, которую привезла с собой. Он был просто счастлив! Ведь он говорит и читает на языке иврит гораздо лучше меня и даже преподает этот язык в Ленинграде тем, кто собирается уехать в Израиль. Рассказала им и о том, что скоро Господь откроет двери советским евреям. На что они, как и многие другие, ответили: "Мы ГОТОВЫ!"

На следующее утро я вылетела в Киев, столицу Украины. Меня предупредили еще в Израиле, а потом мои друзья в Ленинграде и в Москве, что ситуация на Украине очень плохая. Там были случаи, когда туристы из-за рубежа подвергались преследованиям за контакты с советскими гражданами, кроме того, власти там ополчились против евреев и христиан. И вот теперь, как стало ясно позже, Господь повелел мне быть в Киеве более открытой, чем всегда.

На второй день пребывания в Киеве я решила попытаться найти неофициальную церковь, о которой мне столько говорили. Нашла станцию метро и автобус, который доставил меня в нужный район, но улицу я никак найти не могла. Я долго бродила там, но безрезультатно. На Западе все было бы очень просто. Я могла бы спросить в гостинице или взять такси. Но в Советском Союзе водители такси, особенно около гостиниц, являются осведомителями КГБ, а объявлять в гостинице, куда я иду, мне совсем не хотелось. Спросить кого-нибудь на улице я не могла, так как весь мой запас русского ограничивается шестью словами. Ко всему еще все названия улиц написаны только по-русски. Но Господь помог мне найти синагогу в Москве, поэтому я была уверена, если Он кочет, чтобы я нашла эту церковь и смогла принять участие в службе, Он поможет мне.

Так как родители моего отца были с Украины, я очень похожа на украинскую еврейку. Поэтому, выходя из гостиницы, я надевала коричневый старомодный плащ, повязывалась платком и смешивалась с толпой. Очень часто ко мне подходили люди и начинали говорить по-русски, однажды даже служащая "Интуриста" из моей гостиницы чуть не упала в обморок, узнав, что я не говорю по-русски.

"Но вы должны знать этот язык! — воскликнула она. — У вас чисто русское лицо! Я думала, вы служащая "Интуриста" из другого города!" Такая "мас-

кировка" очень мне помогала.

Во второй половине дня я собиралась встретиться с Сашей, молодым украинским парнем, с которым мне удалось познакомиться в прошлый приезд, когда он решил посвятить свою жизнь служению Господу. Он написал мне

несколько писем, по которым можно было судить, что его вера в Иисуса стала более глубокой. Однако у него не было даже Библии и он не общался ни с кем из христиан. (Как многое мы у себя на Западе принимаем как само собой разумеющееся!) Взяв с собой Библию на русском, которую привезла для него, я собиралась пригласить его пойти со мной в церковь на вечернюю службу. Я заранее ему написала и указала время и место, где мы должны встретиться. Мне так хотелось увидеть его еще раз!

Я явилась на условленное место, но Саша не пришел. Очевидно, мое письмо не дошло до него. Подождав еще немного, я пошла к станции метро, надеясь, что

сама смогу найти эту неофициальную церковь.

У станции метро я села на автобус, одна из пассажирок попросила меня оторвать ей билет, тогда я показала ей бумажку, на которой было написано название нужной мне улицы по-русски. Но, к моему величайшему огорчению, ни она, ни сидящие рядом с ней такой улицы не знали. Потом женщина, сидящая передо мной, повернулась и, мило улыбнувшись, стала показывать мне знаками, что я должна выйти на следующей остановке, и указала на узкий проход между двумя фабричными зданиями. Самой мне бы в жизни не найти это место!

Я пошла по указанной улице и заметила небольшую группу людей, которые шли передо мной. "Это христиане, — подсказал мне Господь, — следуй за ними и

они приведут тебя к церкви".

В конце улицы они завернули за угол и, повернув еще раз, оказались в небольшом грязном переулке с небольшими домиками по обе стороны его. Название этого переулка было как раз то, которое мне было нужно. Потом они прошли через ворота в какой-то двор, я последовала за ними. Без сомнения, это Господь привел меня сюда, в церковь, которую так преследовали в Советском Союзе!

Не зная, как заговорить с этими людьми, я встала во дворе и решила ждать. Через несколько минут ко мне подошла пожилая женщина. Я пожала ей руку и показала фотографию Лизы Винц.

"Ой, это Лиза!" — воскликнула женщина, нас стали окружать люди, и фотография пошла по рукам. По их восклицаниям я поняла, как ее здесь любили, и мне стало ясно, как, должно быть, она скучает по своим друзьям.

Единственной проблемой было то, что ни один из них не говорил поанглийски. Я пыталась объяснить им, что приехала из Иерусалима, из Израиля. Они смотрели на меня с восхищением. Потом знаками стали приглашать меня

зайти в церковь.

Я вошла, увидела свободное место и села. Оглядевшись, поняла, что церковь разделена на две части — для мужчин и для женщин, и что я заняла место как раз в части, предназначенной для мужчин. Я еще не успела даже смутиться, как кто-то тронул меня за плечо и пригласил выйти во двор. Там меня ждал эфиоп по имени Авраам.

Он объяснил по-английски, что в этот день не собирался быть в Киеве и не собирался приходить в эту церковь, но оказался здесь по воле Господа. Он рассказал, что его отец — пастор в Эфиопии и что он привил ему любовь к еврейскому народу.

"Но за всю свою жизнь я ни разу не встречал еврея, — добавил он, — как

счастлив будет мой отец, когда я напишу ему о нашей встрече!"

Вскоре к нам присоединился пастор церкви: и мы все трое зашли в его

маленькую комнатку поговорить, причем Авраам был нам переводчиком. Мы проговорили больше часа. Они оба были очень рады узнать о евреях, признающих Иисуса как Мессию.

Потом пастор спросил меня: "Правда ли, что евреи со всего мира вернутся в Израиль?" Мы оба понимали, что он имеет в виду и Советский Союз.

"Да, — ответил я, — и мы верим, что это произойдет очень скоро".

"Мы будем молиться за это!" — сказал он.

Затем он спросил, каким образом мне удалось найти эту церковь, и я рассказала ему всю эту удивительную историю, устроенную Господом, о встрече с Лизой в самолете, когда я читала книгу с именем ее отца.

В конце беседы он пригласил меня выступить в церкви, а затем предложил встретиться и поговорить с группой молодых людей. Однако он предупредил, что среди них могут быть агенты КГБ и у меня могут быть неприятности.

"Если вы скажете, что вы из Израиля, да еще упомянете имя Винца, вас могут подвергнуть допросу и даже выслать из страны. Вы должны решить сами", — сказал он и, пожав мою руку, пошел в церковь.

"Авраам, что же мне делать?" — взмолилась я.

Он улыбнулся. "Я думаю, Эстер, вы должны выполнить волю Господа."

Его слова придали мне силу и смелость. Господь не случайно привел его в церковь в этот вечер.

Авраама и меня пригласили на амвон, где уже был пастор и хор из молодых людей. Этот вечер, который я провела в маленькой киевской церкви, мне не забыть никогда! Много церквей довелось мне посетить во всех частях света, но никогда еще я не была в такой, как эта!

Я почувствовала такую искренность в их молитвах, такую горячую убежденность, что они служат Святому и Живому Богу, которые я нигде раньше не встречала. В молитве они все как один, и стар и млад, опустились на колени. Много слез было пролито, когда они молили Бога друг за друга. А хор — как прекрасно они пели! Такого я еще никогда не слышала!

Вполне естественно, что этим людям не за что было благодарить советскую власть. Постоянная нехватка продуктов питания. Многие были разлучены со своими близкими, которых посадили в тюрьму либо сослали в ссылку. Им постоянно угрожал КГБ, и все они жили в страхе, что у них отнимут детей. Но никогда в жизни я не видела таких благодарных христиан. Господь привел меня сюда, чтобы я сама увидела эти сокровища Его сердца.

После службы я выступила с приветствием ко всей общине и была как во сне; сердце мое было переполнено такой радостью, что часто я не могла найти нужных слов. Я сказала им, что они должны черпать силу в величии Его любви к ним, что Он разделяет с ними их страдания. Затем поделилась с ними той радостью, которую я, как еврейка, познала в величии Его любви как Сына Божьего. Я поблагодарила их за их веру, которая может послужить примером для верующих во всем мире. В заключение передала им привет из Иерусалима и от Лизы Винц.

После выступления многие подходили поговорить со мной и я была очень тронута. Один из них стал предупреждать, чтобы я не упоминала имя Винца. "КГБ ненавидит его, они вышлют вас из страны".

Я ответила, что знаю об этой опасности. И опять сердце мое наполнилось благодарностью к Господу за то, что Он так хорошо меня подготовил — никакого страха я не испытывала.

Потом меня пригласили в другую комнату выступить перед молодежью. Комната уже была полна народу, а скамейки все приносили. Думаю, все они пришли из-за любви к Лизе. Я говорила больше часа, а Авраам переводил. Рассказала им о своей вере в Иисуса, об Израиле и о величии Господа. Мы чувствовали себя как единое целое, объединенные Его любовью, и очень часто наши глаза наполнялись слезами.

Потом они задавали вопросы, которых было немало. Кто-то спросил, как я познакомилась с Лизой.

Я вопросительно посмотрела на Авраама: "Что мне делать?" Но он был непреклонен. "Расскажите все, как было", — сказал он. Я так и сделала, не упомянув, однако, названия книги, которую Господь использовал, чтобы познакомить нас. После этого последовал еще один вопрос: "А какая это была книга?"

Я перевела дыхание и сказала: "Вера несмотря на КГБ". И все заулыбались.

Одна девушка встала и прочла приветственное стихотворение специально для меня, а потом мне преподнесли огромный букет цветов. Они пригласили меня придти еще раз в пятницу на вечернюю службу и спросили, смогу ли я тогда спеть им несколько песен на иврите. Я пообещала.

Мы все вместе вышли из церкви, а несколько человек предложили проводить меня до гостиницы. Они опасались, что агенты КГБ могут ждать меня на остановке автобуса, поэтому решили пройти полем до троллейбуса. На остановке я распрощалась с Авраамом и другими ребятами. Те же, кто поехал со мной в троллейбусе, довели меня почти до гостиницы. Дойти со мной до самой гостиницы они не могли, чтобы их не обвинили в контактах с иностранной туристкой. Мы долго махали друг другу. Это был такой замечательный вечер!

На следующее утро я позвонила Наташе, молодой еврейской девушке, которая была моим добрым переводчиком на прощальном вечере у ее тети Шошаны в прошлом году. Весь этот год мы переписывались и стали друзьями. Она очень обрадовалась, узнав, что я опять приехала в Киев. Через час Наташа и ее родители уже ждали меня около гостиницы. Меня никто еще так горячо не встречал. Они без конца обнимали меня, и мы все плакали от радости, что снова встретились.

"Вы можете придти к нам домой?" — спросила Наташа. А я уже знала от Господа, что могу провести с ними три дня. Поэтому я с готовностью ответила: "Да!" Я, конечно, не могла остаться у них ночевать, потому что, если коридорная в гостинице заметит мое отсутствие ночью, она тут же доложит в КГБ. Но у нас было достаточно времени и днем. Первый день оказался праздничным, поэтому Наташа и ее отец не должны были идти на работу.

Дома мне устроили еще более теплый прием. Жили они в небольшой двухкомнатной квартире. На стенах висело много семейных фотографий, и мне было очень приятно увидеть среди них и свою. В этой небольшой советской квартире я чувствовала себя как дома. Как только мама Наташи узнала из моего письма, что я собираюсь приехать, она начала готовить. Первое, что она сказала, увидев меня: "Ой, вы такая худая!" Можете мне поверить, что через три дня я уже не была такая худая. Достать продукты в Советском Союзе очень трудно, и я понимала, что все те угощения, которые они поставили передо мной, потребовали долгого стояния в очередях и многих других усилий. А сколько подарков они мне подарили! Такие бедные и такие богатые своей любовью!

Я была поражена переменами, происшедшими с ними за этот год. Когда я встретилась с ними в 1980 году, они только что подали документы на выезд из СССР и были очень напуганными. Год спустя они уже писали жалобы Брежневу. Это требует смелости, и в этом, конечно, им помог Господь. Наташа рассказала мне, что ее мать каждый месяц ходит в ОВИР и требует, чтобы им разрешили выехать в Израиль. Советское правительство пытается убедить весь мир, что никто не хочет уезжать из этой прекрасной страны, но, как объяснила Наташа, сотни и сотни евреев Украины уже подали документы на выезд из Советского Союза. Так как многие еще не получили ответ, они не считаются "отказниками". Однако количество желающих покинуть страну все время растет, и это приводит в замешательство коммунистический режим. В Киеве даже перекрыли улицу, где находится ОВИР, чтобы простые советские граждане не видели, как много евреев хочет покинуть этот рай.

Как мне описать страдания людей, живущих среди страдающих?

На следующий день Наташа и ее родители повели меня к Бабьему Яру, месту, где нацисты уничтожили тысячи и тысячи евреев — мужчин, женщин, детей. Советское правительство замалчивает тот факт, что там были расстреляны евреи. Надпись на безликом памятнике гласит:

"Более ста тысяч граждан Киева и военнопленных были расстреляны здесь нацистскими завоевателями в период 1941-1943 гг."

В день открытия памятника евреям было запрещено являться сюда, и многие советские граждане до сего дня не знают правды о Бабьем Яре. В сентябре друзья Иды и Абы проделали долгий путь из Ленинграда в Киев, чтобы в годовщину гибели евреев возложить венок, но были арестованы. Тем не менее евреи Украины находят пути, чтобы показать, что это место принадлежит им. В дни свадьбы советские женихи и невесты приносят цветы к мемориалам войны во всех городах Советского Союза, а в Киеве еврейские женихи и невесты приносят цветы к мемориалу в Бабьем Яре.

Во время моего посещения семьи Наташи произошло событие, которое еще раз показало, как Господь заботится о каждом из нас. За несколько месяцев до моей поездки, еще в Иерусалиме, Господь высказал желание, чтобы я купила складной зонтик — нажимаешь на кнопочку, и он открывается. Но он стоил так дорого, что я сначала не послушалась Его и купила обычный. Но Господь настаивал и мне пришлось подчиниться. Зонтик оказался очень удобным. (Хотя однажды в дождливый день он открылся сам по себе, когда я была в банке, обрызгав служащего и все вокруг. Хорошо, что это случилось в Израиле. Он стряхнул с себя капли воды и продолжал писать, даже не подняв глаза.)

Я взяла этот зонтик в Советский Союз, а в один из облачных дней принесла с собой к Наташе. Когда ее отец увидел зонтик, он схватил его и стал с интересом разглядывать. Оказывается, он сам разработал такой же складной зонтик. Все называют его мастером золотые руки. Фабрика, где он работает, собиралась наладить производство таких зонтиков и ждала от него некоторых усовершенствований. И вот та модель, которую я привезла из Израиля, подсказала ему две новых идеи! Опять я получила урок послушания и еще одно напоминание о глубине любви Господа.

Отец Наташи подарил мне Маген-Давид, который он сделал сам специально

для меня и выгравировал на нем по-русски мое имя и дату рождения. Это был

очень ценный подарок!

8 октября был Йом Киппур — самый святой еврейский праздник. Наташа объяснила мне, что евреи Советского Союза в основном живут на Украине, а большинство украинских евреев живет в Киеве. Она рассказала, что в детстве не чувствовала себя еврейкой, она просто хотела быть "хорошим советским человеком", как и большинство ее друзей.

"Но, когда мне исполнилось 17, что-то произошло. Мы все вдруг поняли, что мы евреи! И теперь на Йом Киппур мы все ходим в синагогу. Все!" — сказала она

с гордостью.

У нее на груди тоже был Маген-Дави, который сделал ее отец. Наташа оказалась права — в этот день все, действительно все пришли в синагогу. Сотни, тысячи людей. Все улицы, прилегающие к синагоге, были заполнены, насколько хватало глаз. Незабываемое зрелище!

Синагога в Киеве кажется очень маленькой по сравнению с Московской. Мы с трудом пробились внутрь. Когда мы опять вышли на улицу, нас встретили друзья Наташи, они уже знали о моем приезде и пришли приветствовать меня. Один молодой человек подарил мне детскую книгу и написал на ней на иврите:

"В память посещения Киева от друзей, живущих в этом городе, с большой печалью..."

В Советском Союзе свято сохраняется память о Второй мировой войне. До сего дня у советских людей не угасает ненависть к нацистам за все то эло, что они причинили во время войны. И при этом пропаганда систематически навязывает мнение, что сионизм — это то же самое, что и нацизм.

Нет ничего удивительного в том, что так много советских евреев едет в Соединенные Штаты, а не в Израиль. Они просто боятся. Из всех источников информации они слышат, что Израиль — это страна-агрессор, которая постоянно находится в состоянии войны. Им становится страшно за свою жизнь и за жизнь своих близких. Я хочу привести здесь небольшой отрывок из газеты "Московские Новости" на английском, которую я купила в гостинице:

"Москва, июль 1981. Ничто не может оправдать израильской политики геноцида против палестинского и ливанского народов. Израиль проводит ту же политику, что и немецкие нацисты во время Второй мировой войны. Советский Союз решительно осуждает новые акты агрессии и террора, предпринятые Израилем против арабского народа. Советское агенство новостей ТАСС сообщает о преступной эскалации варварских нападений израильской военщины на мирные города и поселки Ливана, а также на лагеря палестинских беженцев.

Израиль не стал бы вести себя так нагло и вызывающе, если бы не чувствовал поддержки Соединенных Штатов Америки. Это Америка обеспечивает Израиль оружием для уничтожения мирных граждан Ливана и палестинцев, которые нашли временное убежище в Ливане.

Советский народ выражает свою поддержку правительству и народу Ливана, а также палестинскому Движению сопротивления, невинным жертвам агрессии, которые отважно защищают свои законные права".

Ничто не может быть дальше от истины, чем это. В течение уже ряда лет Израиль обеспокоен тем, что ООП и другие террористические организации функционируют на территории Ливана, от их рук уже погибли тысячи ливанских граждан — это трагедия, на которую мир не реагирует. Подобно сатане, который искажает действительность, советское агенство новостей пытается представить ООП, признанных террористов, поставивших своей целью уничтожение Израиля, как невинных жертв агрессии. Еще более поразительным является то, что один из жесточайших актов в истории человечества — уничтожение двух третей еврейского народа — сравнивается с призывом сионистов к избранному Богом народу собраться на земле обетованной.

Однако советских граждан постоянно питают такими новостями, как эта. И поэтому я использовала любую возможность, чтобы рассказать людям об Израиле и о том, что скоро Господь откроет для евреев двери, и они смогут вернуться домой, в Израиль. Люди передавали эту весть один другому. Когда отец Наташи поделился этой новостью со своим приятелем на работе, тот стал

прыгать от радости.

А мать Наташи говорила, что они готовы уехать в любую минуту, в чем есть, не тратя время на сборы вещей.

Мне было очень грустно расставаться с ними после трех дней, проведенных

вместе.

Однажды, во время молитвы, Господь сказал мне, что, *если* меня посадят в тюрьму, это произойдет 9 октября. Я к таким вещам отношусь очень серьезно. Поэтому 9 октября, направляясь из гостиницы в церковь, я взяла с собой пакет с самым необходимым, на всякий случай.

Я часто думаю, как в таких обстоятельствах Господь воспринимает меня — смеется надо мной или стыдится меня? Во всяком случае, я вышла из метро и села в автобус, потом вышла, как я считала, на нужной мне остановке и с сумкой на плече пошла по узкому проходу между фабричными зданиями. Мне показалось, что проход стал уже, но свет слепил мне глаза и я плохо видела. Когда свет стал еще ярче, я остановилась и огляделась. И тут я увидела источники света — это были прожекторы со сторожевых вышек тюрьмы. Я повернулась и быстро пошла обратно к автобусной остановке, благодаря Господа, что я похожа на простую советскую женщину, а не на иностранку.

Да, Господь был прав — 9 октября я действительно направилась в тюрьму. Должна признаться, что не всегда Его чувство юмора доставляет мне удовольствие.

Проехав на автобусе еще несколько остановок, я нашла нужную мне улицу и пошла по ней к церкви. Прихожане приветствовали меня как старую знакомую. Я спела им песни на иврите, как обещала, а они подарили мне три розы и коробку шоколадных конфет. Потом подарили мне фотографию молодежного хора, которую я до сих пор бережно храню.

После службы несколько человек вызвались проводить меня до гостиницы. Мы опять ехали на троллейбуее. Вскоре все пассажиры вышли, остались мы одни, и двое ребят из хора во весь голос стали петь по-русски хвалу Господу — "Как велик Ты". Это были незабываемые минуты!

За квартал до гостиницы мы вышли, и они попросили меня помолиться за них. Мы встали в круг, и я от всего сердца молила Господа, чтобы Он защитил их. Потом мы попрощались и разошлись. Я никогда не забуду их!

На следующий день я вернулась в Москву и сразу же поехала к Браиловским.

Господь всегда точно определяет время — мать Ирины стала жестами объяснять, что Леонид должен быть дома через пять минут.

Я очень обрадовалась, когда он пришел. "Ну, кто начнет?" — спросил он, потому что нам обоим было что рассказать друг другу.

Я стала рассказывать о его дедушке, бабушке и дяде, которые живут в Израиле, передала ему их фотографии. У него тоже были неплохие новости, так как я просила многих своих друзей молиться и писать письма главе советского правительства в защиту Виктора.

"Передайте вашим друзьям и всем, кто помогал моему отцу, что их письма, их молитвы, их забота *помогли*", — сказал Леонид.

Потом он рассказал мне, что самым трудным для отца было время, проведенное в тюрьме, в ожидании суда. Все опасались, что если по приговору будет заключение в тюрьму или исправительно-трудовой лагерь, то из-за болезни нечени он не сможет пережить эти трудности. Поэтому, когда приговором оказались пять лет ссылки, все облегченно вздохнули.

Леонид сообщил также, что накануне его родители звонили домой, там, вроде, все в порядке. "Мы предполагали, — сказал он, — что отца повезут в ссылку поездом. Дорога эта очень тяжелая. Но его отправили самолетом! Кроме того, его послали не в Сибирь, а на Каспийское море, где верблюды и песчаные дюны. Климат там значительно лучше. К городу идет прямая железная дорога из Москвы, всего 36 часов пути. Работу он должен выполнять нетяжелую — ремонтировать компьюторы. И мы можем посещать его! Мать будет там до тех пор, пока он не получит квартиру или комнату, тогда она на некоторое время вернется в Москву. Я тоже надеюсь вскоре съездить к нему".

Мать Ирины пригласила меня поужинать с ними. Мы ели борщ и говорили, говорили, сидя вокруг стола на их маленькой кухне. Как хорошо мне было с ними!

На следующий день черный автомобиль доставил меня в аэропорт, откуда я должна была лететь в Хельсинки. Еще один досмотр моих пожитков в аэропорту, и опять Господь защитил спрятанные адреса и другие важные вещи. Это мои друзья во всем мире своими молитвами помогали мне.

Мария ожидала меня в аэропорту в Хельсинки. Она была в нервном напряжении, ей первой было суждено узнать, выехала ли я из Советского Союза. Мы провели с ней несколько дней, а потом я поехала в Норвегию повидаться с Дженни и Вольфгангом, отдохнуть у них в тиши, в их домике, окруженном лесом, на территории больницы, где они оба работали. После пребывания в России я действительно нуждалась в отдыхе перед возвращением в шумный Израиль.

Очень часто люди спрашивают меня, откуда у меня взялась смелость путешествовать одной по Советскому Союзу и, будучи там, открыто делиться с окружающими Его любовью. Меня такие вопросы очень удивляют — я не считаю себя смелой. Наоборот, я очень боюсь ослушаться Господа и не выполнить то, что Он велит. Как я могла не выполнить Его воли и не отправиться в Восточную Европу, если это Он посылал меня туда? Если нет выбора, приходится подчиняться. Так что все заслуги принадлежат Ему, а не мне.

"Миссионер — это тот, которого посылает Иисус Христос, как Его самого послал Господь... Идеалом является верность Ему, выполнение Его намерений... Если наблюдать жизнь мужчин и женщин, послушных

Господу, можно сказать: Какой мудростью они обладают! Как хорошо они понимают желания Господа! Однако эта мудрость от Господа, не от человека. И мы должны ценить эту божественную мудрость Господа, которая проявляется в людях, послушных Его ведению, подобно детям".

Освальд Чамберс
"Мои размышления о Всевышнем"

Уезжая из Советского Союза, я верила и надеялась, что в скором времени Господь Бог Израиля поможет Своим детям выбраться из этой мрачной и холодной страны. В этой надежде не было никакой логики. Но вопреки всему эта надежда не оставляла меня. И на память приходили известные строчки Джорджа Бернарда Шоу:

"Когда ты говоришь, я слышу твое "почему?", всегда "почему?". Но я думаю о том, чего не может быть, и я говорю: "А почему бы нет?"

ГЛАВА 29

УРОКИ ЗИМЫ

Через некоторое время после моего возвращения в Израиль меня посетили две мои знакомые, верующие во Христа, Корри из Голландии и Ребекка из Канады. Корри много раз бывала в Польше, и я с интересом слушала ее рассказы о пребывании в этой стране. Я тоже поделилась с ними своими впечатлениями о поездках в Советский Союз. Когда я упомянула о послании, которое Господь повелел мне передать евреям России, они обе рассмеялись, а Ребекка воскликнула: "Вы разве не заете, что эта весть уже известна всей Европе?"

Конечно, я не знала этого, я просто послушно передала то, что повелел мне Господь, не представляя, что кто-то еще мог знать об этом.

А они стали мне объяснять, что Господь сообщил эту весть многим христианам по всей Европе и повелел им сделать все возможное, чтобы помочь советским евреям на их пути в Израиль. Они рассказали о кораблях, которые готовятся в Дании, о домах, где евреи смогут отдохнуть на своем пути, об огромных запасах продуктов и одежды, которые должны быть готовы к этому времени. О всем том, большом и малом, что делается, дабы помочь этим людям. Господь тронул сердца многих, и они с радостью откликнулись! И за это мы должны благодарить Его!

Корри и Ребекка рассказали мне одну интересную историю, связанную с этим будущим исходом. Господь поведал одной женщине о том, что в скором времени должно произойти, и повелел ей подготовить для советских евреев сумки со всем необходимым в пути. И она стала выполнять Его наказ — сшила сотни небольших сумок и начала складывать в них необходимые в дороге вещи. Господь помогал ей во всем, и однажды она обратилась к Нему: "Ты действительно желаешь, чтобы я купила 400 зубных щеток?" И отправилась в магазин. Какого же было ее удивление, когда первое, что она увидела там, было огромное объявление: "РАСПРОДАЖА ЗУБНЫХ ЩЕТОК. ПОЛЦЕНЫ".

Через несколько дней после того, как я узнала об этой удивительной готовности всех людей веры помочь евреям, я получила письмо от Марии из Финляндии. Она писала:

"... Я познакомилась у нас в стране со многими христианами, которые уже знают, что скоро советских евреев отпустят из России и они поедут через Финляндию. Эта весть распространяется с необыкновенной быстротой. Христиане Финляндии готовят свои дома, чтобы евреи смогли отдохнуть на своем пути. Все верят, что Господь выполнит Свое Слово..."

Мы были уверены, что должны просить Господа в молитвах о скорейшем

освобождении наших братьев из Советского Союза.

В декабре 1982 года ко мне в Иерусалим приехали мои родители, чтобы вместе отметить сороковую годовщину их свадьбы. Когда меня в 1976 году выслали из Израиля, они были очень расстроены и как родители, и как евреи. Всю свою жизнь они принимали самое горячее участие во всех мероприятиях в пользу Израиля и поэтому очень тяжело переживали, что из-за моей веры в Иисуса, меня изгнали из страны. Поэтому у них не было желания приезжать в Израиль, и я была очень благодарна Господу, что они изменили свое решение и приехали. После 1976 года Он научил меня радости "почитать отца твоего и мать твою". Да и их сердца смягчились от Его любви.

На следующий день после их приезда мы взяли напрокат машину и отправились на север страны. Мы повидали много интересного и посетили многих моих друзей, верующих, как и я, во Христа. В каждом доме мой отец заводил разговор о Нем. Мы даже стали дразнить его. В результате родители услышали много нового для себя от верующих во Христа евреев.

В пути у нас было много смешных приключений и мы все время смеялись. Помню, как в маленькой гостинице одного из киббуцев на берегу Галилейского моря мы так смеялись, что обслуживающий персонал, вероятно, решил, что мы были пьяны. (Кстати, в Израиле совсем нет пьянства.)

Самым запоминающимся для меня был день, проведенный на Голанских высотах. Там так красиво — живописные долины с полями внизу и величественная гора Хермон, покрытая снегом.

На следующее утро мы с удивлением и радостью узнали из газет, что во время нашей поездки мы были присоединены к Израилю. В этот самый день Кнессет принял закон, согласно которому Голанские высоты стали частью Израиля. Это была рука Господа, благословляющая нас в нашей поездке.

Потом мы вернулись в Иерусалим, посетили Стену плача и другие исторические места, которых так много в этом святом городе, а также моих друзей, пожелавших познакомиться с моими родителями. Затем мы отправились к Мертвому морю, сделав остановку у развалин знаменитой Масады, и дальше к городу-курорту Эйлат на берегу Красного моря. Мы проехали еще дальше по берегу моря, с горечью сознавая, что скоро Синай будет передан египтянам.

За два дня до отъезда родителей мы отправились в Тель-Авив посетить Музей диаспоры, который находится на территории Тель-Авивского Университета. Обычно в Израиле я пользуюсь общественным транспортом, поэтому мне было очень трудно ориентироваться на машине. Смешно сказать, но я не смогла найти Тель-Авивский университет. Вместо него мы оказались у Бар-Иланского и решили выйти и посмотреть университет и его территорию. Мои родители вспомнили, что раввин нашей синагоги времен моего детства был профессором в Бар-Илане. Поэтому мы решили зайти в административный корпус и навести о нем справки. Нам сказали, что он уже на пенсии и живет в Иерусалиме. Вернувшись домой, родители позвонили ему, и он пригласил их к себе на следующий же день. То, что произошло в результате их визита к нему, удивляет меня до сегодняшнего дня.

В конце декабря срок моей визы, по которой я считалась "временным жителем" страны, истекал и Господь повелел мне подать прошение, чтобы мне разрешили жить в Израиле постоянно. И как раз перед приездом моих родителей я отпра-

вила прошение в Министерство внутренних дел с просьбой о предоставлении мне права "постоянного жителя". Во главе министерства стоял д-р Джозеф Бург, министр внутренних дел и полиции, против которого я выступала во время судебного разбирательства в 1978-79 годах. Могла ли эта организация, с которой я судилась как верующая в Иисуса, разрешить мне жить в Израиле?

Во время визита моих родителей к раввину, они рассказали ему о том, что я делала ради Израиля. История о Свитке любви особенно тронула его. Рассказали они ему и о той борьбе, которую мне пришлось предпринять, чтобы остаться в стране, и о моем недавнем прошении в Министерство внутренних дел

о возможности постоянного проживания в Израиле.

"Вы знаете, — воскликнул раввин, — я думаю, ваша дочь заслужила право жить здесь после всего того, что она сделала для нашей страны. К тому же я хочу вам сообщить, что Иосиф Бург один из моих ближайших друзей. Мы встречаемся с ним почти каждую неделю, и я обещаю вам замолвить словечко за вашу дочь. Думаю, он прислушается к моему мнению!"

Мои родители вернулись домой очень возбужденными. А отец сказал: "Может быть, для этого мы и приехали в Израиль!" Кто бы мог подумать, что мои родители и этот раввин, наш старый знакомый, помогут мне получить разрешение остаться в Израиле навсегда? При том они все трое знали, что я принимаю Иисуса как Мессию! Это было удивительным ответом на мои молитвы.

Время пребывания моих родителей в Израиле было освещено присутствием Всевышнего, и Он помог укрепить узы любви между нами. Вернувшись домой, они написали мне: "Мы можем не соглашаться с тобой в твоих религиозных убеждениях, но ты наша дочь и мы очень любим тебя!" Я всегда буду благодарить Господа за это.

Остаток зимы был довольно унылым. За это время мне удалось узнать много нового, а некоторые свои взгляды даже пересмотреть. Все это подтверждало, что я нуждаюсь в постоянном руководстве Господа. Сколько раз я была на

правильном пути и не узнавала его!

Короче говоря, я потеряла верное направление жизни в вере. Это произошло постепенно, и я даже не заметила, как это случилось. После моего возвращения из Советского Союза многие мои счета остались неоплаченными, да и на мои жизненные нужды у меня было мало денег. Бывали дни, что мне нечего было есть. Мне бы следовало спокойно ждать и вверить свою судьбу воле Божьей, а я вместо этого стала жаловаться на свою судьбу. Ведь я же прекрасно знала, какими бы ни были мои счета, Господь всегда помогал мне их оплачивать. Я стала раздражительной, вероятно, потому, что отошла от Господа.

В эту зиму я планировала провести три месяца в Штатах, выступая в различных местах. Но время, намеченное мною для отъезда, приближалось, а денег на

поездку у меня не было!

Обычно Господь прекращает материальную поддержку, чтобы привлечь наше внимание либо чтобы проверить нас. На этот раз не только не было денег, но и мои документы на поездку застряли где-то в Министерстве внутренних дел вместе с моим прошением на израильское гражданство. Было ясно, что на этот раз поехать я не смогу. После некоторых размышлений я поняла, что идея о поездке возникла у меня, когда я была занята Советским Союзом, и Господь ни

разу ее не подтвердил. Более того, Он дал мне понять, что я забросила работу,

которую Он поручил мне — а именно написать книгу о себе.

И Господь был прав! Летом Он показал, что книга эта — не по Его воле. Он обеспечил меня прекрасной пишущей машинкой, новым письменным столом, который смастерил один из верующих, плотник из Тверии, — а я почти ничего не сделала. Мне оставалось только благодарить Его за то, что, прекратив материальную поддержку, Господь привлек мое внимание к этому вопросу и не дал возможности открыть не ту дверь.

Однако моя первая реакция была не такой положительной. Даже после того, как Господь дал мне ясно понять, что на поездку в Штаты нет Его воли, я все-таки хотела поехать. Встречи уже были назначены, и мне очень хотелось повидать детей. Я была уверена, что друзья одолжат мне денег на поездку, если я попрошу. Большой соблазн в таких случаях поддаться голосу гордыни, вместо того, чтобы

признаться, что сделана ошибка.

В конце концов я поняла, что, если я поеду в Штаты вопреки воли Господа, это никому не принесет добра. Итак, я написала письмо своим друзьям и извинилась перед ними за беспокойство. А с первого февраля я приступила к работе над книгой. Во время тех холодных иерусалимских недель, работая над книгой, я многое переосмыслила, пока из под моего пера не появилось что-то стоящее.

Я была уверена, что после отказа от поездки мое финансовое положение стабилизируется. Но этого не произошло. Может быть, Господь решил, что отсутствие денег намного упростит мою жизнь, и я буду больше времени посвящать своей книге. А может, Он хотел испытать меня? В конце концов, я пришла к выводу, что если даже мне придется ждать оплаты счетов двадцать лет и если деньги вообще не поступят, мне все равно некуда деваться. Единственное, что я могу — это разделить любовь Иисуса. Я чувствовала себя как Петр, который сказал Иисусу: "...Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни" (от Иоанна 6:68).

Прежде чем Господь снова стал поддерживать меня, Он повелел мне прочесть книгу "Джордж Мюллер из Бристоля". Она помогла мне вновь обрести основные принципы жизни в вере. А потом наступил день, когда эти принципы подверглись проверке. Я получила по почте 220 немецких марок, подарок от приятельницы из Германии. В этот день у меня оставалось всего 2 доллара. Я очень обрадовалась, но преждевременно, потому что Господь повелел мне отправить эти деньги обратно. Он напомнил, что в своем письме я "намекнула" ей, что у меня нет денег. Значит, у меня нет права принять их. Мне ничего не оставалось делать, как пойти на почту и отправить деньги обратно в Германию. На следующий же день приехал человек из Германии же и дал мне 930 марок. Теперь я могла оплатить самый большой мой счет. Как рада я была получить этот урок и опять быть рядом с Ним, зная, что Он один имеет дар вечной жизни.

16 марта Господь поставил меня в известность, что осенью я опять должна ехать в Советский Союз. Мне показалось, что передо мной возникла тень креста. Я чувствовала себя совершенно опустошенной, но Господь напомнил мне, что, если я смогу поддержать там хоть одного человека — поездка будет стоить того. На это я могла ответить лишь одним: "Хинени, Отец мой. Вот я. Посылай меня!"

Через неделю я встретилась с очень милой верующей во Христа, которая посетила Советский Союз более двадцати раз. Основной ее задачей было помочь

преследуемой церкви. Затаив дыхание, я слушала ее рассказы. Кроме того, она дала мне много дельных советов, которые я воспринимала как подготовку к поездке. Так, она предупредила, что, если КГБ будет допрашивать меня, ни в коем случае не позволять им запугивать себя, не есть и не пить ничего, так как туда может быть что-нибудь подмешано; нужно воспринимать все происходящее как победу, одержанную Господом. Потом она рассказала, как ее допрашивали в течение 24 часов. У нее в сумочке были документы, которые никоим образом не должны были попасть в руки КГБ, а они требовали от нее предоставить им возможность проверить содержимое этой сумочки. Однако она на все их требования твердо отвечала (призывая, конечно, на помощь Господа): "Я гражданка Соединенных Штатов Америки, а эта сумочка моя личная собственность. У нас в Штатах есть законы, охраняющие граждан от таких, как вы. Я отказываюсь показывать вам содержимое моей сумочки!" Во время допроса они все время спрашивали, не нужно ли ей в туалет. А она каждый раз отвечала: "Я взрослый человек, и, если мне понадобится, я скажу вам." Она понимала, что, если она захочет выйти из комнаты, они не разрешат ей взять сумку с собой, а она очень хорошо знала, что документы не должны попасть к ним в руки. Она молила Господа помочь ей и в этом и получила поддержку.

Я была рада встретить человека, который так часто подвергал свою жизнь опасности, чтобы помочь людям и поддержать неофициальную церковь. Она вселила в меня уверенность в моих силах, я успокоилась и даже повеселела.

В эти же дни я получила письмо от молодого человека, который подарил мне книгу около синагоги во время моего пребывания в Киеве. Письмо было написано на прекрасном иврите, он выучил его сам. Я восприняла это письмо как еще одно подтверждение воли Господа.

"Дорогая Эстер,

Я пишу Вам уже третье письмо, но ответа от Вас я так и не получил. Может быть, Вы очень заняты, но мне бы очень хотелось получить от Вас письмо. Надеюсь, что это письмо дойдет до Вас и я не буду ждать напрасно.

У нас все по-старому, как и раньше. Сидим и ждем,как рыбаки на берегу моря. Ждем хорошей погоды. Мы хотим забросить наши сети и отправиться в открытое море, чтобы добраться до гостеприимных берегов, берегов, о которых мечтал Иаков, наш отец... Какими словами описать Вам наше состояние?

Надеюсь, что Вам все понятно и мне нечего больше добавить. Надеюсь также, что Вы и все члены Вашей семьи здоровы, что все в порядке, и Вы готовитесь к празднику Песах.

Желаю Вам всего хорошего. Эстер, пожалуйста, напишите мне. Если бы Вы знали, с каким нетерпением я жду письма от Bac! Мой адрес на конверте.

Шалом и до свидания. Евгений, Ваш друг".

Конечно, его предыдущие два письма не дошли до меня. Я была очень рада, что Господь помог ему в его вере, и хоть это письмо дошло до Иерусалима. Когда я читала его, сердце мое разрывалось от боли за всех моих друзей, живущих под гнетом.

После того как я провела осенние еврейские праздники в Советском Союзе, мне было особенно приятно, что на Пурим и Песах я буду в Израиле. Пурим здесь очень веселый праздник. Маленьких детей наряжают в костюмы царицы Эстер или Мордехая, и повсюду можно встретить людей с коробками сладостей, фруктов, орешков, которые они дарят друг другу или нуждающимся. Однако центральный момент праздника наступает вечером накануне самого Пурима, после традиционного поста Эстер. Все приходят в синагогу с какой-нибудь игрушкой, издающей шум. Раввин, или кто-нибудь из старейшин читает сказание об Эстер из Библии. И каждый раз, когда он произносит имя злодея Амана, все начинают шуметь, стучать ногами, греметь погремушками. Это символизирует победу над сатаной, над злодеем.

"И описал Мордехай эти происшествия и послал письма ко всем Иудеям, которые в областях царя Артаксеркса, к близким и к дальним,

О том, чтобы они установили каждогодно празднование у себя че-

тырнадцатого дня месяца Адара и пятнадцатого дня его,

Как таких дней, в которые Иудеи сделались покойны от врагов своих, и как такого месяца, в который превратилась у них печаль в радость, и сетование — в день праздничный, — чтобы сделали их днями пиршества и веселия, посылая подарки друг другу и подаяния бедным...

Постановили Иудеи и приняли на себя и на детей своих и на всех, присоединяющихся к ним, неотменно, чтобы праздновать эти два дня, по предписанному о них и в свое для них время, каждый год,

И чтобы дни эти были памятны и празднуемы во все роды, в каждом племени, в каждой области и в каждом городе; и чтобы дни эти Пурим не отменялись у Иудеев, и память о них не исчезла у детей их".

Эсфирь 9:20-22, 27-28

Особую значимость праздник Пурим приобрел после ужасов Катастрофы, этой жуткой трагедии в истории еврейского народа, что делает этот веселый праздник особенно приятным, котя воспоминания прошлого, без сомнения, сопровождают его.

Задолго до Песаха вся страна начинает к нему готовится. Домашние хозяйки чистят и моют свои квартиры. А за день до праздника в магазинах не остается ни крошки хлеба и других продуктов из дрожжевого теста. Теперь по всей стране в течение семи дней будут есть только опресноки. Я пригласила к себе на Седер одиннадцать человек, и мы очень хорошо отметили праздник. Все остались живы после моего куриного бульона! Так приятно было отпраздновать наше освобождение от египетского рабства. Теперь я с надеждой ждала второго исхода, из Советского Союза, который, по Библии, должен быть даже большим, чем первый. Как и в других еврейских семьях, я оставила специальное место за пасхальным столом для кого-нибудь из узников Сиона, а рядом положила карточку, на которой по русски, на иврите и на английском было написано извечное "В следующем году в Иерусалиме".

Христианская пасха совпала в этом году с серединой празднования Песаха. Я пошла со своей подругой к утренней службе у Гроба Господня, радуясь, как всегда, возможности провести этот праздник в городе воскресения Иисуса. Потом Сид и Бетси пригласили меня на праздничный завтрак в Отель Интерконтиненталь, что на Масличной горе. После завтрака была проведена служба в зале, окна которого выходили на Старый город и Храмовую гору. И в

то время, когда мы были там, молодой израильтянин, сошедщий с ума, направился в мечеть с автоматом наперевес. Так как гостиница находилась в арабском квартале, мы сами слышали, как антиизраильски настроенные элементы, воспользовавшись этим из ряда вон выходящим случаем, стали призывать арабов убивать евреев, разжигая их ненависть. Используя громкоговорители, они сообщали, что евреи пытаются захватить Храмовую гору и что убито уже более 200 арабов. Разъяренная толпа стала забрасывать камнями проезжающие мимо машины. Мы видели, как одна из них подъехала к гостинице, пассажирам нужна была срочная медицинская помощь. Ветровые стекла машины были разбиты, и водитель был весь в крови, его маленькая дочка кричала от страха. Это было ужасное зрелище.

Нам пришлось оставаться на Масличной горе до 2 часов дня, разбущевавшуюся толпу невозможно было успокоить. Потом такси по каким-то боковым улочкам вывезло нас в западную часть Иерусалима. Как хорошо было снова оказаться в Еврейском квартале! Люди спокойно шли по своим делам, не ведая о тех актах насилия, которые имели место на расстоянии всего лишь нескольких километров отсюда. И кто-то сказал: "Как хорошо быть опять в Израиле!" Мы, конечно, все время находились в Израиле, но я очень хорошо поняла, что имелось в виду.

Как выяснилось позже, было убито не 200 человек, а два. Вся страна переживала это событие. Однако у многих вызвало удивление, что другие страны и даже ООН подняли страшный шум из-за несчастного, который сошел с ума в утро христианской Пасхи. Ежедневно во всех странах погибают люди, но такое возмущение поднимается только тогда, когда стреляет еврей, даже если он сумасшедший. Какой печальной была эта Пасха.

Через три дня, в последний день Песаха, Господь повелел мне поститься в течение одного дня и ждать Его дальнейших указаний. Я не знала, ради чего я должна поститься, но повиновалась и с молитвой ждала, что будет. Однако то, что произошло, весьма меня удивило. Он напомнил мне о воскресном утре, когда властвовало насилие и проливалась кровь. Затем стал говорить об Апокалипсисе. Он заговорил со мной об этом впервые. Он дал мне понять, что теперь наступят трудные времена. И единственный способ пережить этот период — сохранять веру, быть рядом с Ним. Свое предупреждение он закончил Псалмом 90:

"Живущий под кровом Всевышнего под сению Всемогущего покоится. Говорит Господу: "прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю"!

Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы.

Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его.

Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем,

Язвы, ходящей в мраке, заразы, опустошающей в полдень.

Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится.

Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым. Ибо ты сказал: "Господь — упование мое"; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим..."

Кроме того, Господь повелел, чтобы в конце мая я со своими знакомыми из Греции, Нелли и Софией, провела неделю на острове Патмос, где у Иоанна было

откровение о том, что ожидает нас в будущем.

Я чувствовала, что это каким-то образом связано с грехами и нужно просить прощение у Него за все наши проступки. Но я не знала, связано ли это с тем, что произойдет в России. Или в Израиле? Ответ знает только Господь, а мы должны лишь внимать Ему.

Вообще, это была довольно грустная весна. Израиль должен был освободить город Ямит и северный Синай. Вся страна, как одна семья, переживала это событие. Сколько раз еврейскому народу уже приходилось уходить с насиженных мест? Теперь это было особенно больно! С каким трудом на песках пустыни был построен прекрасный город Ямит. В последний день, когда был спущен израильский флаг и солдаты пели Хатикву, многие из них плакали, и вся страна вместе с ними. А Ариель Шарон сказал: "В этот день мы посадили в пустыне молодое деревце мира..."

Через три дня страна праздновала 34 годовщину своего образования. Центр Иерусалима был закрыт для транспорта, и праздничная толпа заполнила улицы. Люди пели, танцевали, ели мороженое и ударяли друг друга по голове маленькими пластмассовыми молоточками. Во время таких событий люди чувст-

вовали особую близость, и это, без сомнения, дар Божий.

Этой же весной я получила извещение из Министерства внутренних дел, что мое прошение на получение израильского гражданства удовлетворено, а через несколько дней я получила свое израильское удостоверение личности. Какая это была радость! Теперь Израиль стал моим домом! Это была победа, которая подтвердила мое убеждение, что, если Господь захочет, чтобы кто-то жил в Израиле, — Он поможет, какие бы силы этому не препятствовали. В 1977 году меня выслали из страны, объявив, что я не подхожу под Закон о возвращении, в 1979 отказали в праве на гражданство и опять предписали покинуть страну. Но какое все это имело значение, если Господь повелел мне жить в Израиле? Он — Господь всей Вселенной, и Он решает, где Его овечка должна пастись!

Через некоторое время после этого я получила письмо от одного верующего во Христа, с которым я переписывалась уже около года. Это был Питер Абас, слушатель семинарии в Сараваке, что в Малайзии. Он писал, что просит Господа, чтобы Он прислал меня в эту далекую страну для встречи с ним и другими семинаристами. Я прочла это письмо и рассмеялась, как я могу поехать туда? Но

решение оказалось за Господом.

"Я посылаю тебя туда!" — сообщил Он к великому моему удивлению. А затем подтвердил, что до моей предполагаемой поездки в Россию я должна отправиться сначала в Норвегию, потом в Соединенные Штаты, Новую Зеландию, Малайзию, а затем уже в Советский Союз. Повинуясь Его воле, я написала своему знакомому в Новой Зеландии, что приеду и чтобы он подготовил все для моих выступлений. (Сначала я думала, что заеду и в Австралию, однако Господь указал, что на то нет Его воли. Логика человека тут бессильна. И, котя Австралия находится очень близко от Новой Зеландии, решение остается за Ним. А Он заметил мне не без оснований, что посылая меня в Англию, Он не предлагал заехать во Францию, хотя они расположены очень близко.)

Через несколько недель я получила письмо из Новой Зеландии, меня спрашивали дату приезда, чтобы спланировать мое пребывание там. Вопрос был

совершенно естественным, но я оказалась перед проблемой. Один из неоплаченных счетов все еще был в бюро путеществий, которое мне так помогло в моей поездке в Советский Союз. Сарра, владелица этого бюро, знала, что я живу в вере, и спокойно ожидала оплаты счета. Но месяц проходил за месяцем, а счет оставался неоплаченным. Я уже стала нервничать, но в апреле поступила сумма, которая помогла мне расплатиться со всеми долгами.

Когда же пришло письмо из Новой Зеландии, у меня опять не было денег. Я отправилась в бюро путешествий и попросила Сарру зарезервировать для меня место из Штатов в Новую Зеландию, чтобы я могла сообщить дату своего

приезда туда.

"В Новую Зеландию? — спросила она — А куда еще вы собираетесь?"

Я перечислила ей все пункты своего маршрута.

"А как вы планируете все это сделать?" — поинтересовалась она. Я объяснила, что каждый раз при переезде из одного пункта в другой буду оплачивать билет по мере поступления денег от Господа.

Она ахнула: "Это вам будет стоить на сотни долларов дороже!" Она позвала

своего сотрудника Питера и попросила заняться моим билетом.

В конце концов через кампанию "Свисс Эйр" мы заказали билет из Норвегии в Нью-Йорк — Балтимор — Миннеаполис — Гонолулу — Новую Зеландию — Сингапур — Малайзию — Бангкок — Цюрих — Москву — Хельсинки — Стокгольм и обратно в Норвегию. И за все это, при расстоянии в 26000 миль, я должна была заплатить всего 3500 долларов. Совершенно невероятно! К тому же это был очень сложный билет, кроме того, что он предполагает огромное расстояние, там не должно было быть указано, что он куплен в Израиле, так как тогда для меня закроются двери как в Россию, так и в Малайзию, мусульманскую страну. Однако все было предусмотрено.

Меня ожидало длительное и интересное путеществие!

ГЛАВА 30

ПАТМОС И ДРУГИЕ МЕСТА

В конце мая 1982 года я отправилась на две недели в Грецию, на остров Патмос, где должна была встретиться с Нелли и Софией, моими друзьями, с которыми я познакомилась в Афинах в 1980 году. Путешествие проходило на пароме, который отправлялся из Хайфы. Я купила билет в четырехместную каюту при обещании Господа, что я буду там одна. Так оно и получилось.

В первый же день плавания по судовому радио объявили, что вечером будет выступление фокусника. Я обратилась к Господу с молитвой, но Он был спокоен.

"Но, Господи, это же фокусник!" — настаивала я. Господь продолжал сохранять спокойствие. Тогда я взяла книгу и стала читать. Это была "Язык пророков" Роберта Ст. Джона. Она повествовала об удивительной жизни Элиезера Бен Йегуды, который осуществил, как казалось, невозможное — он модернизировал язык иврит задолго до того, как Израиль стал еврейским государством. В этой его работе я видела руку Господа и читала книгу, переходя от слез к смеху, как всегда в этой жизни.

Вечером я вышла прогуляться по палубе и услышала, как группа людей пела песни. Оказалось, что это сорок христиан из одиннадцати стран с "Миссией молодежи". Ничего удивительного, что я чувствовала такой покой, когда молилась против сил фокусника. На таком маленьком пароме 41 верующий! И тогда я поняла, почему Господь предоставил мне отдельную каюту — чтобы нам было где встретиться и поговорить. Должна признаться, я совсем не так представляла себе свою поездку в Грецию, но у Господа всегда есть свои сюрпризы.

Ночь я провела в Афинах, а утром Нелли, София и я отправились на остров Патмос. Я полюбила этот небольшой остров, как только наш корабль вошел в его порт и я ступила на берег. Все было наполнено покоем и Господней любовью, которые царили тут века. Человек с тележкой подвез наш багаж к одной из портовых гостиниц, где мы пожелали друг другу спокойной ночи и отправились

спать. Было уже далеко за полночь.

Утром я проснулась и распахнула ставни. Никогда мне не забыть той красоты, что открылась моему взору. Солнце купалось в водах Эгейского моря, а панорама порта и расположенного в отдалении монастыря была такой живописной, что в ее реальность трудно было поверить. Патмос — маленький остров, расположенный в северной части Додеканеского архипелага, его можно обойти за день, но это одно из самых любимых мест Господа на нашей земле.

Мне было грустно, когда наш корабль покидал порт этого чудесного острова, тогда я еще не знала, что Патмос скоро станет частью моей жизни. София и Нелли провели со мной всю неделю, и меня очень тронула их забота. Я благодарила Господа за возможность побыть с ними. Нам было трудно расстаться.

Паром, который вез меня домой, подошел к берегам Израиля уже в сумерки. Когда я издали увидела порт Хайфы, глаза мои наполнились слезами. Паром шел вдоль Израильского побережья, от Рош ха-Никра, что на границе с Ливаном, до Хайфы. Тогда я еще не знала о той драме, которая разыгралась на дорогах к Ливану.

Как только мы прибыли в порт Хайфы и прощли таможню, я взяла такси, чтобы добраться до моих друзей, откуда Сид и Бетси должны были меня отвезти в Иерусалим. Мы отправились в путь уже поздно ночью и сразу заметили, что в противоположную сторону, к Ливану, шло очень много машин и военной техники. Автобусы с солдатами, танки, боевые орудия — непрерывный поток, направляющийся к северу. Проезжая мимо каждого танка, джипа или машины, нам хотелось помолиться. В Иерусалим мы попали уже среди ночи, тут тоже было необычное оживление. Автобусы, проезжая по темным улицам, собирали солдат. В эту ночь Израиль перешел границу с Ливаном, чтобы положить конец деятельности террористов, которые проводили свои акции против Израиля из Ливана уже много лет.

Живя в Израиле с 1976 года, я хорошо знала об опасности, которой подвергались мирные жители северных поселений. Целое поколение израильских детей выросло при постоянной угрозе бомбежек, воздушных тревог, пребывания в бомбоубежищах — это стало частью их жизни. Вряд ли есть еще одна такая страна в мире, которая позволила бы, чтобы на границе убивали ее граждан, и ждала бы годы в призрачной надежде на "мир".

Когда не было уже другого выхода, Израиль вошел в южный Ливан. ООП собрала там такое количество оружия, что это стало опасным для всего Израиля. В самом начале войны израильтяне обнаружили 4000 тонн боеприпасов, спрятанных в бункерах, причем большинство советского производства. Кроме того, было обнаружено 144 машины и 12506 единиц стрелкового оружия. Эти запасы были настолько велики, что потребовалось 150 грузовиков, которые вывозили их в течение месяца, и это не считая огромных запасов в Бейруте и других местах.

Было очень трогательно наблюдать, как жители южного Ливана приветствовали израильских солдат, пересекающих на танках границу. Ведь они сами становились жертвами терроризма. За последние восемь лет более 100000 ливанских христиан погибло от рук ООП, а мир молчал. Теперь, когда израильтяне, в конце концов, пересекли границу, жители южного Ливана смотрели на них как на освободителей. Толпы людей собрались, чтобы приветствовать наши войска, дети дарили им цветы, а женщины угощали кофе и чаем.

Во время военных действий израильские солдаты делали все возможное, чтобы мирные жители не пострадали. Израильтяне ненавидят войну, слишком много еврейских жизней она унесла. Но, к сожалению, война есть война. Я хочу привести здесь письмо к солдатам Заместителя главнокомандующего Армии Обороны Израиля по воспитательной работе от 11 июня 1982 года.

ОБЛИК ИЗРАИЛЬСКОГО СОЛДАТА

Теперь, когда цель операции "Мир Галилее" — обеспечить безопасность наших граждан на севере страны — достигнута, Израиль предлагает прекращение огня.

Израиль призывает Сирию поддержать условия прекращения огня для стабилизации положения в Ливане.

В настоящее время Армия Обороны Израиля находится на большей части территории Ливана; в результате чего солдаты входят в контакт с разными слоями местного населения. Этот контакт требует от них выполнения безоговорочного условия — вести себя гуманно, как и подобает евреям.

Для обеспечения такого поведения Главный прокурор Армии доводит до сведения солдат следующие инструкции:

Категорически запрещается заниматься мародерством в любом виде. Нарушившие этот приказ будут привлекаться к судебной ответственности с наказанием до десяти лет тюремного заключения.

На всех дорогах из южного Ливана должны быть установлены посты; все проезжающие по этим дорогам должны подвергаться проверке.

Не причинять никакого вреда мирному населению; с особым уважением относиться к женщинам.

Солдаты Армии Обороны Израиля должны бережно относиться к памятникам старины, археологическим раскопкам, музеям и другим объектам, имеющим культурную ценность.

Запрещается наносить вред святым местам и объектам религиозного культа.

Любая война вызывает у людей чувства ненависти, жажды мести, пренебрежения к жизни и собственности противника. Несмотря на эти чувства, каждый солдат должен соблюдать моральные принципы, на которых зиждется человеческое общество.

На этот раз Армия Обороны Израиля ведет войну с очень жестоким врагом, который систематически использовал террор против беззащитного мирного населения.

Солдаты Израиля не должны следовать принципам, принятым нашим противником; мы не должны допустить, чтобы жажда мести руководила нашим поведением в отношении гражданского населения Ливана.

Наша особенность и сила в том, что мы порядочные люди.

Нарушение правил гуманного поведения солдатами Армии Обороны Израиля, "народной армии", нанесет вред вам самим, как людям и как гражданам, и окажет отрицательное влияние на моральный облик всего израильского общества и характер его жизни.

Соблюдение этих правил во время вашего пребывания на территории Ливана поможет укрепить политический и общественный престиж Израиля.

Часть гражданского населения Ливана продемонстрировала свою готовность сотрудничать с Израилем. Одной из целей операции "Мир Галилее" является "надежда, что будет подписано мирное соглашение с независимым Ливаном при сохранении его территориальной целостности". Вот почему так важны контакты между личным составом армии и

жителями Ливана. Именно эти контакты смогут определить характер добрососедских отношений в будущем.

Характер ваших отношений с мирным населением должен быть гуманным, вы должны уважать чувство собственного достоинства. Кроме того, вы должны принять участие в предотвращении актов насилия, грабежа и бандитизма среди самого местного населения.

В настоящее время весь мир наблюдает за нашим регионом. Много журналистов и иностранных корреспондентов находятся в зоне военных действий.

Акты насилия, а также разрушение святых мест и памятников культуры могут сыграть на руку нашим врагам. Каждый из вас несет личную ответственность за облик солдата Армии Обороны Израиля и за государство Израиль в глазах жителей Ливана и мировой общественности.

Принципы морали являются основой еврейского наследия. Даже во время войны каждый солдат должен помнить, что человек — это есть человек.

"Тогда Иисус сказал Ахану... объяви мне, что ты сделал, не скрой от меня. В ответ Иисусу Ахан сказал: Точно, я согрешил пред Господом, Богом Израилевым, и сделал то и то. Между добычею увидел я одну прекрасную Сеннаарскую одежду и двести сиклей серебра и слиток золота весом в пятьдесят сиклей; это мне полюбилось и я взял это; и вот, оно спрятано в земле среди шатра моего, и серебро под ним. Иисус послал людей, и они побежали в шатер; и вот, все это спрятано было в шатре его, и серебро под ним. Они взяли это из шатра, и принесли к Иисус и все Израильтяне с ним взяли Ахана сына Зарина, и серебро, и одежду, и слиток золота, и сыновей его и дочерей его, и волов его, и ослов его, и овец его и шатер его, и все, что у него было, и вывели их на долину Акор. И сказал Иисус: за то, что ты навел на нас беду, Господь на тебя наводит беду в день сей..."

Генерал Рафаэль Эйтан, который был в то время командующим Северного округа, также выступил с трогательной речью перед солдатами о моральной ответственности Армии Обороны Израиля. Он напомнил им, что, вступая на чужую землю, они должны быть очень осторожны, оберегая не только человеческую жизнь, но и каждый цветок — не следует наступать на него, если нет в том необходимости. И поведение армии заставило весь Израиль гордиться ею. Израильские солдаты неоднократно подвергали опасности свою жизнь ради спасения ливанских граждан.

В середине июня я отправилась сначала в Норвегию, а потом в Соединенные Штаты, откуда должна была вылететь в Новую Зеландию. И везде я приходила в ужас от лживой антиизраильской пропаганды, распространяемой ООП. В своей информации они так преувеличивали число жертв, что оно намного превосходило количество населения всего Ливана. Они обвиняли Израиль в разрушениях, виной которых были сами и которые они совершили за несколько лет до этой войны. Они показывали жуткие фильмы о страданиях местного на-

селения, но, как выяснили журналисты, причиной этих страданий была деятельность террористических организаций. Даже Красный Крест, который ни за что не котел признать Израиль, сообщил свои данные о боевых действиях Израиля в Ливане: было убито 10000 человек, котя на самом деле число жертв не превышало 460.

Но больше всего, что поразило меня во время моих путешествий, — это готовность всего мира верить этой невероятной лжи! Когда я раньше слышала о возмутительной пропаганде Гитлера в отношении еврейского народа, я часто думала: "Как люди могли верить ему?" И вот теперь мир опять готов поверить этой возмутительной антисемитской лжи! Это пугает! Но страшно должно быть другим народам, а не Израилю. Бог знает правду, и это утвешение для Израиля. Совсем не важно, во что предпочтут верить народы, Господь знает сердце

израильского солдата, а Его мнение является самым важным.

Евреи — это единственный народ на земле, всем сердцем почитающий Господа, поэтому сатана так не любит евреев. Вот почему он с такой ненавистью строит свои козни против этого народа. И я, как верующая во Христа, хочу предупредить вас еще раз — любите Израиль! Господь любит народ его, хотя он и далек от совершенства, но он зеница ока Его. Я опасаюсь, что со временем антиизраильская пропаганда будет возрастать, поэтому Израилю так необходима наша любовь. И, если мы будем с ним в это трудное для него время, Господь благословит нас.

В дни моих странствий я видела, что меч, разделяющий людей, стал еще острее. Господь отделял Своих людей от тех, кто демонстрировал свою любовь к Израилю только тогда, когда это было популярным. Как я уже говорила раньше, в наши дни невозможно верить в Бога Израиля и Спасителя Израиля и не разделять с Ним великое бремя любви к Его народу.

Далее мне хочется привести письмо израильского солдата к своим друзьям в

Норвегию. Оно говорит само за себя:

"Против нас много выступали в международной прессе, но мы делали все возможное с риском для себя, чтобы мирное население Ливана не пострадало. (Кстати сказать, оно было очень радо нас видеть.) Члены ООП скрывались среди гражданского населения в деревнях. В соответствии с военной стратегией, нам следовало бомбить эти деревни с воздуха. Но, чтобы уберечь мирное население (подвергая тем самым опасности себя), мы атаковывали членов ООП непосредственно в этих деревнях.

ООП, которая посылала детей бросать камни в солдат, должна была теперь отвечать за свои поступки. Честно говоря, их эвакуация из Бейрута

очень напоминала эвакуацию СС из Берлина.

Вы знаете, несмотря на всю нашу "военную доблесть", у большинства солдат сердце не лежит к войне — нам очень жалко ливанцев, и нам хочется поскорее вернуться домой.

Норвежское радио в своей программе на английском передало интервью с генералом Булем, который сделал несколько весьма неприятных заявлений. Теперь террористы благодарят норвежцев за их помощь и поддержку. Все это очень беспокоит. Среди палестинцев довольно много наемников, которые воюют за деньги, а не из каких-то патриотических чувств. А количество оружия, которое мы нашли там, просто пугает.

Дорогие друзья, Израиль никогда не был так одинок, но я уверен, что вы понимаете нас. Мы все надеемся, что с Божьей помощью больше не будет войн, и к нам придет избавление..."

Господь помог израильтянам и в этой войне. В самом ее начале Израиль провел бомбардировку с целью уничтожения базы ракет и радарных установок в долине Бекаа и, как сообщил журнал "Ньюсуик", сделал это с необыкновенной точностью". За два дня воздушных боев израильтяне сбили 85 сирийских МиГов без всяких для себя потерь. Они запустили красные воздушные шары, чтобы противосамолетные ракеты не смогли их обнаружить. Шарон объявил, что эта израильская операция была "одной из самых блестящих", которая когда-либо была проведена этой страной. И опять оружие, подготовленное против Израиля, не сработало. Однако злобной пропаганде ООП продолжали верить, и многие средства массовой информации с радостью распространяли ее по всему миру.

После моей поездки на остров Патмос я надеялась, что деньги, необходимые мне для дальних странствий поступят, но их не было. Ничего не поступало! За неделю до намеченного отъезда в Норвегию я зашла в бюро путешествий, чтобы поговорить с Саррой. Мне ничего не оставалось делать, как отказаться от зарезервированного билета и покупать каждый раз по мере поступления денег. Но Сарра, зная, как я доверяю Господу, вручила мне билет стоимостью в 3500 долларов и предложила переводить ей деньги тогда, когда они у меня будут. Это было проявлением ее глубокого доверия ко мне. Ведь ей пришлось ждать восемь месяцев, прежде чем я смогла отдать деньги за билет еще за прошлую поездку! Но Господь знает, какое доброе сердце у этой женщины, и я уверена, Он благословит ее за эту помощь!

И вот 18 июня я отправилась с этим сложным билетом в свое долгое путешествие. В Норвегии, моем первом пункте назначения, я остановилась у Дженни и Вольфганга. Мария из Финляндии тоже приехала туда. И мы все вместе очень хорошо и сердечно провели время. Я выступила на конференции в окрестностях Осло, а затем мы вылетели в Берген, где у меня было несколько встреч. В конце июня я уже была в Соединенных Штатах.

Я собиралась провести две недели с Майклом и Джо. Прошел уже почти год с тех пор, как я видела их! Но тут я узнала, что их отец все перепутал и отправил мальчиков навестить родственников. Он ничего не хотел менять в своих планах и настаивал, чтобы вместо вылета в Новую Зеландию я сопровождала мальчиков в Аризону, где они собирались провести две недели в августе с моими родителями.

Нечего и говорить, как я хотела их видеть, но я знала, что поездку в Новую Зеландию отменить нельзя. Я была очень расстроена и надеялась только на то, что мальчики каким-нибудь образом узнают, что они всегда в моих мыслях и сердце. Единственное, что успокаивало меня, это уверенность, что Иисус любит их.

В это время Сид и Бетси навещали своих родственников в Штатах, они привезли меня в Вашингтон, где первого июля я собиралась просить визу на поездку в Советский Союз. Впервые я должна была обойтись без помощи моего доброго знакомого г-на Г. На пути к бюро путешествий, где мне помогли организовать предыдущую поездку, я ломала себе голову над тем, как объяснить причину моего желания посетить Советский Союз третий раз подряд. Но, прежде чем я успела открыть дверь, Господь прервал мои мысли и очень твердо сказал:

"Тебе не нужно ничего объяснять. Ты едешь в Советский Союз, потому что Я посылаю тебя туда!" И с этим я вошла в бюро, надеясь на Его поддержку.

Я вручила перечень городов и даты своего пребывания в Советском Союзе служащему там Роберту. Он посмотрел на мой план с явным сомнением.

"Москва никогда не разрешит провести в каждом из указанных вами городов — Москве, Ленинграде и Киеве — по целой неделе. Они обычно дают два — три дня, не больше. Кроме того, чтобы получить от них ответ, потребуется несколько недель", — сказал он. Что делать? Ведь через три недели мне нужно отправляться в Новую Зеландию.

Я должна была придти в бюро еще раз во второй половине дня, чтобы внести задаток в 150 долларов. На этот раз Роберт встретил меня с большим энтузиазмом. "Как только вы ушли, я нашел ваше дело. Простите, если из-за меня у вас возникли сомнения. Я передам ваши данные по телексу в Москву сегодня же. Уверен, что к 15 июля вы уже получите положительный ответ. Боюсь только, что это будет довольно дорого". И он пообещал известить меня, как только ответ из Москвы поступит.

Я вышла из бюро в полной растерянности и умирая от любопытства — что же там такое в моем деле, что так изменило его отношение? Мне следовало вести себя так, будто я знала, но в действительности, я и представить себе не могла, что сделал Γ -н Γ ., чтобы двери СССР всегда были для меня открыты. Вот почему Γ осподь не велел мне придумывать никаких объяснений!

Телекс был отправлен в Москву в четверг днем, 2 июля, а на следующее же утро был получен ответ с подтверждением визы, с сообщением о заказанных местах в гостиницах, с данными о стоимости всей поездки. Господь открыл мне двери в Советский Союз менее, чем за один день. Как не удивляться суверенной власти Господа? И как я могла осмелиться не поехать, если Сам Господь Бог открыл мне двери? Многие говорили, что у них никогда бы не хватило смелости отправиться за Железный занавес. Но откуда же взять смелость, чтобы не подчиниться воле Господа?

Последующие две недели я провела с Марсией и Дейвом в Пенсильвании. Так приятно было провести время с ними, котя и немного грустно, так как эти две недели я собиралась быть с Майком и Джо. Затем я вернулась в Балтимор к Сиду и Бетси.

На пути в аэропорт 21 июля я должна была заехать в бюро путешествий, чтобы получить мою советскую визу и путевку "Интуриста". К этому времени мне нужно было иметь 1570 долларов, чтобы оплатить 25-дневную поездку по Советскому Союзу. 19 июля у меня этих денег еще не было. Но я была уверена, что если Господь посылает меня туда, то и деньги будут. И действительно, в последний день необходимая сумма была у меня на руках. И, как я и планировала, по дороге в аэропорт Сид и Бетси высадили меня у бюро путешествий.

На этот раз меня обслуживала какая-то женщина, так как Роберт был в отпуске. Она рассказала, что несколько часов назад советское посольство отказалось предоставить мне визу. Она звонила туда три раза, ей мотивировали тем, что, поскольку документы понадобятся мне не ранее сентября — оформить их так рано они не могут. Советское посольство закрывается в 12.30 дня. Но она знала, что я должна приехать в 1 дня, расчитывая получить готовые документы. Поэтому она продолжала настаивать и в конце концов добилась возможности поговорить с каким-то начальником, которого ей удалось убедить. И вот к 12.30 все нужные мне документы были в бюро.

Сид и Бетси доставили меня в аэропорт, и я на три дня улетела в Минеаполис повидаться со своей сестрой и ее мужем. После этого я отправилась в Гонолулу, тоже на три дня, чтобы отдохнуть и помолиться перед пятью неделями выступлений в Новой Зеландии. То, что Господь дал мне возможность отдохнуть, наводило меня на мысль, что меня ожидает довольно напряженная работа.

Новая Зеландия — очень красивая страна. Но главное — я была просто ошеломлена тем приемом, который мне оказали, тем интересом, который проявляли к Израилю везде, где я бывала. Мое расписание, как я и подозревала, было очень плотным: два, а иногда и три выступления в день. А в одно из воскресений я выступала пять раз! И это не считая интервью для газет, радио и телевидения! Кульминацией было мое выступление в христианской церкви на Южном Острове, где меня приняли в качестве одной из главных выступающих на Съезде женщин. К этому времени я была уже совершенно без сил. Все это мне очень льстило, и я уж было собралась вести себя, как и подобает выступающей на съезде. Но Господь сразу же напомнил мне, что это Он предоставил мне возможность выступать перед такой аудиторией, что на то у Него есть Свои планы, а все мои заслуги или их полное отсутствие к этому никакого отношения не имеют. Это послужило мне еще одним уроком смирения.

На одно из вечерних собраний в Веллингтоне был приглашен посол Израиля в Новой Зеландии г-н Иаков Моррис. В этот вечер я говорила о невероятной антиизраильской пропаганде, вызванной войной в Ливане, о государстве Из-

раиль и о советских евреях.

После выступления г-н Моррис подошел ко мне: "Почему вы мне раньше не сообщили, что вы здесь?"

"Вы разве помните нашу встречу два года назад?" — ответила я вопросом на вопрос.

Он усмехнулся и сказал: "Вас нелегко забыть!"

"А вы помните письмо, которое я вам написала?" Он утвердительно кивнул. "Знаете, я слишком большая трусиха, чтобы позвонить вам после этого".

Мы оба рассмеялись, и он спросил: "Вы не ожидали, что я буду здесь сегодня вечером?"

Мы поговорили еще некоторое время, мне очень приятно было общаться с представителем моей страны, находясь так далеко от нес. Как я скучала по Израилю!

Через некоторое время моя приятельница присутствовала на одном из собраний местной еврейской общины, где выступал г-н Моррис. Вот, что она

написала об этом выступлении:

"Он рассказал присутствующим о встрече с вами. Он сказал так: "Леди и господа, вы, вероятно, не поверите мне, но на прошлой неделе я слушал выступление еврейки, верующей в Иисуса, которая приехала из Иерусалима. Она выступала перед христианами Веллингтона. И, когда она говорила об Израиле и о советских евреях, она сказала как раз то, что бы я сам хотел сказать..."

Это было лучшей наградой за все мои труды.

Когда я договаривалась о поездке в Новую Зеландию, то обязалась выступать сколько угодно, однако просила, чтобы день или два в неделю мне оставляли для

Эту же необходимость пополнения внутренних сил я отметила, когда читала биографию Джорджа Мюллера. Он перед своими выступлениями предпочитал останавливаться только в гостиницах, чтобы иметь возможность пообщаться с Господом наедине. О, если бы я была такой же настойчивой!

Люди обычно очень добры ко мне и всегда приглащают к себе. Но останавливаться в чьем-то доме — это дополнительная нагрузка, нужно беседовать и общаться, приспосабливаться к стилю жизни других людей.

Это действительно проблема, потому что мало кто понимает всю важность общения с Господом. В расчет идет только финансовая выгода.

Вопрос этот возник и в Новой Зеландии. Когда я впервые увидела свое расписание, сердце у меня упало — на пять недель выступлений только два дня отдыха. Причем я должна была провести их в чьем-то доме. Я стала настаивать, что мне необходима гостиница, но никто не хотел меня понять. До сих пор не знаю — почему?

Время, проведенное с Господом, — самое важное в нашей жизни. Как не хватало мне в моих странствиях тиши субботних дней в Иерусалиме, когда весь город, подчиняясь Господу, отдыхает, как и Он сам после создания мира.

Это была единственная проблема во время моего удивительного пребывания в Новой Зеландии. Мне очень понравились жители этой страны своей открытостью и гостеприимством, и я была рада разделить с ними любовь Господа.

Закончив свои выступления, я вылетела из Окленда, что расположен на Северном Острове, в Сингапур, а оттуда в Куала-Лумпур в Малайзии. Большинство арабских стран и стран Восточного блока (за исключением Румынии) не разрешают израильтянам въезд в свои страны, поэтому мне было довольно любопытно, каково израильтянке (но с паспортом США) оказаться в одной из мусульманских стран. Больше всего я была поражена, когда купила на почте марки для отправки писем. На марке была изображена мечеть в Иерусалиме с надписью: "За освобождение Палестины!" Они имели в виду освобождение Палестины от нас, евреев! Мрачное напоминание об объединенном фронте арабов, мечтающих об уничтожении Израиля. Как могли бы мы выжить при таком антагонизме, если бы Господь не был на нашей стороне?

Несколько дней я провела в Куала-Лумпуре и даже выступила там перед группой христиан. После собрания некоторые из них поделились со мной своей любовью к Израилю и еврейскому народу. "Это сугубо мусульманская страна, — рассказывали они, — и, когда мы молимся за Израиль, мы подвергаем свою жизнь опасности. Но Иисус велит нам быть с вами, что бы нам ни угрожало. Мы молимся, чтобы Арафат не пришел сюда". Их высказывания были довольно смелыми, но я уверена, что многие из нас вели бы себя так же, ведь стоять за Израиль — это воля Господа.

10 сентября 1982 года я вылетела в Кюхинг, Восточная Малайзия (бывшее Борнео). Когда мы приземлились, температура была +35°С, а воздух душный и тяжелый из-за извержения вулкана. Я с облегчением вздохнула, увидев улыбающиеся лица Питера Абаса и его друзей, которые пришли встречать меня. Сначала они отвезли меня в гостиницу, а потом поехали показывать Кюхинг. Одним из объектов, к моему ужасу, была башня с черепами, ведь мы находились в "стране охотников за головами". Затем на барже по реке с темной стоячей водой мы отправились к другу Питера, который служил в полиции. Он со своей семьей жил в небольшом домике на сваях. Они очень тепло встретили нас и угощали прекрасным кофе. Вечером меня пригласили в ресторан, где я должна была отведать блюда традиционной местной кухни.

На следующее утро после того, как меня познакомили со священниками и преподавателями семинарии, я выступила перед ее слушателями. Мне никогда не забыть того внимания, с которым они меня слушали. После лекции я ела вместе с ними рис из огромных общих мисок за длинными столами в их столовой. Затем меня пригласили на собрание церкви Католического возрождения. И опять я увидела любовь к Израилю и понимание роли еврейского народа в Божьем плане всеобщего спасения. Даже в этой далекой стране Святой Дух не прекращал Своей работы.

Я опять вернулась в Куала-Лумпур, так как 15 сентября я должна была вылететь оттуда в Бангкок. Когда я в аэропорту обратилась в кассу, мне сказали, что никаких данных о моем билете у них нет и, кроме того, свободных мест на самолет, который мне нужен, тоже нет.

"Так что же мне делать?" — спросила я.

Кассирша пожала плечами, а я подумала, что мне придется остаться в аэропорту навсегда. Позвонив куда-то по телефону, она сказала, что мне следует подождать регистрации билетов, может быть, будут свободные места. А потом добавила: "Вылет вашего рейса задерживается на два часа". И я поняла, что мне

предстоит долгое ожидание.

"О, Господи, все в руках Твоих!" — обратилась я к Нему и пошла в небольшое кафе выпить что-нибудь холодное. Молодой человек, оказавшийся за моим столиком, заговорил со мной. Он был буддистом, но очень интересовался Господом нашим. "Я даже был в Риме и беседовал со многими христианами", — сказал он. Я объяснила ему, что истинное христианство больше чем религия, это отношение с Самим Иисусом, единственным Спасителем нашего мира. Я рассказала ему о реальности любви Господа, который открывает Свою любовь через Иисуса, надо только посвятить свою жизнь Ему. Я дала ему адрес своих друзей христиан в Малайзии и подарила Новый Завет. Он сразу же принялся читать его, а я направилась к регистрационной стойке. Мест в Бангкок все еще не было.

Билет у меня был очень сложным, и я понимала, если не улечу этим рейсом, я могу, действительно, задержаться в Малайзии надолго. Но что мне было делать? Мне оставалось только терпеливо ждать и молиться, чтобы Господь мне помог. Когда до отлета оставалось всего пятнадцать минут, к стойке регистрации билетов подошла молодая женщина и сказала: "Я только что узнала, что в пункт моего назначения есть более удобный рейс. Могу я поменять свой билет и лететь не в Бангкок, а в Сингапур?" Через минуту я уже бежала к самолету и не успела еще пристегнуть ремни, как самолет взлетел. Как бы я обошлась без Его помощи?

В Бангкоке мне пришлось ждать четыре часа ночной рейс в Цюрих. В Цюрихе нас ждал густой туман. Самолет уже пошел на посадку, но, когда его колеса должны были коснуться земли, он вдруг набрал высоту и стал кружить над городом. Через некоторое время мы услышали по местному радио бодрый голос пилота: "Вы, вероятно, удивлены, что происходит?" Он стал объяснять, что вышел из строя автопилот и что через несколько минут он сделает еще одну попытку приземлиться. И опять самолет приблизился к посадочной полосе, и опять взмыл вверх, и опять стал делать круги над городом. Еще через какое-то время пилот объявил, что он направляется в Базель и попробует сделать посадку там. Не могу сказать, что слово "попробует" очень нас ободрило, но в Базеле самолет приземлился без всяких проблем.

В этот же день я должна была вылететь из Цюриха в Москву. Но сначала нас продержали в самолете больше часа, потом усадили в автобусы и доставили в Цюрих. Из-за тумана дорога заняла почти два часа. Когда я, наконец, прибыла в аэропорт Цюриха, до моего рейса оставалось всего около часа. Это был мой последний час в "свободном мире", и мне очень котелось поговорить со своими друзьями. Я прошла регистрацию и кинулась к телефонам-автоматам. Сначала я позвонила Сиду и Бетси в Иерусалим, но их не было дома; потом я набрала номер Дженни и Вольфганга в Норвегии, но дома оказалась только мать Вольфганга, которая говорит только по-немецки. Поэтому единственное, что я могла сделать, это назвать свое имя и попрощаться. Тут объявили посадку на мой самолет.

Он должен был приземлиться в Варшаве, на борту было всего пять пассажиров. После бессонной ночи и довольно напряженного утра я чувствовала себя очень усталой. Только мы заняли свои места, как объявили, что вылет самолета задерживается на час. Я устроилась поудобнее и достала книгу, но читать я не могла и с беспокойством спрашивала себя: "Ну, что еще?"

Вдруг ко мне подошла стюардесса: "Простите, вы г-жа Дорфлингер?" — спросила она.

"Да", — ответила я.

"Следуйте за мной, пожалуйста. У пилота есть для вас сообщение".

Я растерялась и не знала, как реагировать на ее слова. Каким образом у пилота может быть сообщение для меня? "Может быть, отменили мою визу в Советский Союз?" — мелькнула у меня мысль, когда я следовала за стюардессой в кабину пилота.

"Вы г-жа Дорфлингер?" — спросил он и улыбнулся. Я кивнула. "Вот, по радио поступило для вас сообщение. Вам оно понятно?" — и он протянул мне листок бумаги. Там было написано:

"Мы любим тебя. Дженни и Вольфганг из Норвегии".

Я сказала, что да, мне все понятно, и слезы выступили у меня на глазах. Мне стало легко и радостно. Аэропорт в Цюрихе такой большой, и все же это послание любви дошло до меня. "Как им это удалось?" — снова и снова спращивала я себя. Теперь я чувствовала, что не одинока, что мои друзья молятся за меня, и поверила, что все будет хорошо.

В Варшаве два человека вышло, так что до Москвы мы летели втроем. На таможне, как и в предыдущие разы, мне предложили открыть чемоданы, и опять началась проверка.

У меня с собой было большое количество Маген-Давидов для моих еврейских друзей и крестиков из оливкового дерева для молодежи из церкви. Кроме того, у меня были учебники иврита и кассеты с израильской музыкой, открытки с видами Иерусалима, несколько важных адресов и четыре Библии. Таможенники стали откладывать в сторону предметы, которые казались им подозрительными. Набралась довольно внушительная груда. Особые сомнения у них вызывали кассеты.

"Это музыка", — сказала я с надеждой. Они унесли кассеты для прослушивания и отсутствовали достаточно долго, чтобы понять, что там, действительно, была музыка, но не так долго, чтобы узнать, что это была израильская музыка.

Потом они вернули мне все, за исключением четырех Библий. (Адреса они так и не нашли.) А я про себя улыбалась, Господь уже давно сказал мне не провозить Библий тайно, однако брать их с собой. Теперь я поняла Его мудрость. Таможенники должны были найти что-то, и вот, обнаружив Библии, они успокоились, а я смогла провезти много других важных вещей. Мне разрешили закрыть чемоданы и пройти к стойке"Интуриста," откуда меня должны были отвезти в гостиницу.

Проезжая на машине по улицам Москвы, я с трудом верила, что я здесь опять. На следующее утро я отправилась пешком на Красную площадь, которая была совсем недалеко от моей гостиницы, прошлась по ГУМу, огромному увивермагу, и направилась к метро — мне нужно было вспомнить, как добраться до московской синагоги.

В субботу утром, первый день Рош ха-Шана, я уже по знакомому мне маршруту поехала в синагогу. Поднялась на второй этаж в галлерею для женщин и стала с удовольствием слушать пение хазана. Меня сразу же узнали женщины, с которыми я общалась в прошлом году, они встретили меня как старую знакомую, поздравили с праздником и познакомили с дочерью раввина. Я стала раздавать Маген-Давиды, которые привезла из Иерусалима. Многие плакали от счастья, что получили такой ценный подарок.

Встретилась я и со своей знакомой по прошлому году — Мириам. Она сказала, что все это время молилась(!), чтобы я приехала опять, и в надежде на это даже принесла для меня подарки. Однако она боялась агентов КГБ, которых полно в синагоге, поэтому пригласила меня зайти в туалет и там их вручила.

Вечером я приехала в синагогу опять. Как и в прошлом году, там было огромное количество народу, вся улица была заполнена. Люди пели израильские песни и танцевали хору. И снова многие узнавали меня, и я говорила им, что скоро ВСЕ они смогут уехать домой, в Израиль. А они отвечали: "Мы очень на это налеемся".

ХАТИКВА (*НАДЕЖДА*) (Израильский национальный гимн)

Пока бьется сердце в груди каждого еврея, Порыв души не усмирить. И не найдет покоя взгляд, Пока не узрит Сион на востоке. И не отнять у нас извечную надежду Свободно жить на родной земле Сиона, в Иерусалиме.

Но жить с надеждой, когда она кажется неосуществимой, это особый дар, и только Господь может помочь сохранить ее.

Около 10 часов вечера появились милицейские машины, чтобы разогнать толпы празднующих. Двое молодых людей, из запевал, предложили проводить меня до гостиницы. Они выглядели настоящими израильтянами, да и иврит у них был лучше, чем у меня. "Вы принадлежите Израилю, а не этой стране", — сказала я. Они лишь грустно улыбнулись.

По дороге я рассказала им о цели своего приезда в Советский Союз. Я приводила им выдержки из Иеремии и описывала все те приготовления, которые проводились по всей Европе, чтобы помочь евреям на их пути в Израиль, когда Господь откроет им двери. Они слушали с большим интересом.

Когда мы проходили по одной темной улице, около нас вдруг остановилась машина. В ней сидели военные. Мы замолчали. Дверца машины распахнулась, и из нее вышел офицер. Это была ложная тревога — он направился к телефонуавтомату. Мы все трое облегченно вздохнули. Однако этот эпизод очень хорошо показал, в каком постоянном напряжении живут эти люди. Да и мне было не по себе.

Я предложила им учебники иврита из Израиля, так как оба они преподавали иврит, и кассеты с израильской музыкой. Они с радостью согласились подождать меня у станции метро, пока я возьму все это в гостинице и принесу им. Мой номер был рядом со столиком дежурной на этаже, и я молила Господа, чтобы она ничего не заподозрила в том, что я вернулась в столь поздний час и опять ухожу. Я быстро все собрала и отправилась к ожидающим меня друзьям. Мы отошли от людного места, и я вручила им пакет, опять моля Господа, чтобы это не вызвало ни у кого подозрения. При возвращении в гостиницу мне еще раз надо было пройти мимо сурового человека, стоящего у входа. Но все обошлось благо-получно.

Не буду приводить здесь все опасения, которые возникали у меня постоянно, кочу лишь сказать, что каждый раз я обращалась за помощью к Господу, ежедневно и ежечасно. А тем читателям этой книги, которые молились за меня во время моих поездок по Восточной Европе, мне следует сказать спасибо, спасибо и еще раз спасибо! Без вашей поддержки я бы не отважилась на этот шаг.

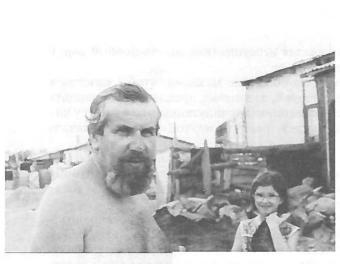
На следующее утро я опять отправилась в синагогу и опять раздавала там звезды Давида людям. Так трогательно было видеть их радость, когда в их руки попадал этот символ надежды. Как многое мы принимаем как должное!

Вечером я поехала на метро к Браиловским. При приближении к уже знакомому мне дому сердце мое забилось в тревоге — будет ли кто-нибудь дома?

Я позвонила, дверь открыла мать Ирины, за ней стояла она сама. Леонид и Далия тоже были дома. Как я была рада видеть их всех! Я вручила им подарки, которые привезла из Израиля, а также фотографии от родственников Виктора из Нагарии. Затем Ирина, Леонид и я сели поговорить.

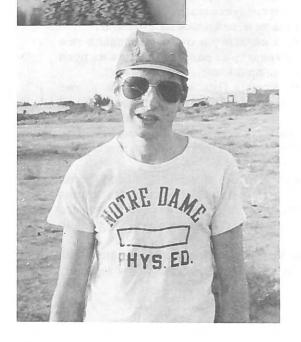
Мне было важно узнать новости о Викторе. К этому времени прошел уже год его пребывания в ссылке у Каспийского моря. Ирина и маленькая Далия посетили его в конце августа, и теперь Ирина была обеспокоена состоянием его здоровья: там очень тяжелый климат, и это, вместе с болезнью печени, сильно ухудшило его здоровье.

Потом мать Ирины позвала нас ужинать. Мы все уместились на их маленькой кухне. У меня уже было там свое место. За ужином я рассказала им анекдот,

"Семейный портрет" Браиловских. Ирина, Далия и Леонид во время своего посещения Виктора в ссылке.

Далия и Ирина перед "домом" Виктора.

который премьер-министр Бегин рассказал на обеде, данном в его честь в Вашингтоне. Это событие передавалось по израильскому телевидению.

Сначала выступил президент Рейган, который в своей речи привел несколько сомнительных историй из Библии, не задумываясь над тем, что они могут оскорбить Бегина. Когда настала очередь Бегина выступить с ответной речью, он сказал:

"Хочу заранее извиниться за шовинистическую окраску этой истории, но некоторое время назад я был приглашен в овальный кабинет президента Рейгана. Там на его столе я заметил три телефонных аппарата — красный, белый и голубой.

- Как вы их используете? спросил я его.
- Красный это прямая линия с Москвой, а голубой с г-жой Тэтчер. — ответил Рейган.
 - A белый? спросил я.
 - Это прямая связь с Богом.
 - Вы часто Ему звоните? спросил я.
- О, нет, поспешно ответил Рейган, ведь Он очень далеко, и это дорого стоит.

Затем президент Рейган приехал в Иерусалим, нашу вечную столицу (следует заметить, когда мы все услышали это смелое заявление Бегина по израильскому телевидению, мы очень обрадовались. Ведь ни Соединенные Штаты, ни большинство других стран мира не признают Иерусалим столицей Израиля) и тоже увидел три телефона на моем столе — красный, голубой и белый.

— А как вы используете эти телефоны? — спросил он меня.

Я рассказал ему, что по красному я разговариваю с Садатом (тогда он еще был жив), по голубому с Миттераном (это был намек, потому что Франция всегда настроена против Израиля).

- А по белому? спросил Рейган.
- А это наша прямая линия с Богом.
- Вы часто ею пользуетесь? поинтересовался Рейган.
- Конечно, ответил я, постоянно! Это же наша местная линия!"

Дорогой г-н Бегин, большое вам спасибо, что вы такой замечательный!

Потом я рассказала Браиловским о тех приготовлениях, которые проводятся по всей Европе, чтобы помочь советским евреям на пути их исхода. Их это очень удивило.

Прежде чем покинуть их гостеприимный дом, я договорилась, что завтра вечером приеду к ним опять и привезу как можно больше продуктов для Виктора. Я собиралась купить продукты в валютном магазине, где выбор намного лучше, чем в обычных, для простых советских граждан.

На следующее утро я отправилась в этот магазин и купила столько, сколько смогла унести. Кроме того, я купила очень красивую и теплую шубку для Далии, подарок от ее дедушки и бабушки из Израиля. Продукты стоили гораздо больше, чем я предполагала, и на остальную поездку у меня оставалось не так уж много денег. Я не могла себе представить, как Господь сможет обеспечить меня в Советском Союзе, поэтому решила, что буду себя ограничивать.

В такси, на пути к гостинице, я стала беспокоиться. В том, что я явлюсь в гостиницу с огромными пакетами, нет ничего подозрительного. Но, если вечером

я уйду нагруженная, а вернусь пустая, это уж точно вызовет подозрения у недремлющей дежурной. Да и как я потащу все это на метро и потом до их дома? Как всегда, я положилась на Господа.

Войдя в гостиницу, я взяла ключи и направилась к лифту. Двери лифта открылись, и оттуда вышла Ребекка, моя приятельница, которая приезжала ко мне в Иерусалим вместе с Коррой. Именно она и рассказала мне о всех приготовлениях к исходу! На какой-то момент я потеряла дар речи! В моем сознании не укладывалось, что мы встретились не в Иерусалиме, а в Москве, советской столице с населением более восьми миллионов человек. Ребекка не знала, что я собираюсь в Россию, и я тоже не могла себе представить, что встречу ее у лифта в одной из гостиниц Москвы.

Мы обнялись, обе сознавая, что это Господь устроил нам эту необыкновенную встречу.

"Поднимемся в мой номер", — предложила я. Закрыв за собой двери, мы опять обнялись. Потом я написала на листке бумаги: "Хотите пойти со мной сегодня вечером к Браиловским?"

Она даже расплакалась. Все это время она думала об этом — как ей связаться с семьей Браиловских и как им помочь. "Давайте сходим на Красную площадь", — сказала я громко, предназначив эту фразу для вездесущего уха КГБ. Затем мы вышли прогуляться, чтобы спокойно поговорить. Я рассказала, что мы должны отвезти Браиловским продукты для Виктора. Мы договорились встретиться у меня в номере ровно в 8 часов вечера и разделить между собой сумки, чтобы не вызвать подозрений у дежурной.

Когда мы добрались до места и рассказали Ирине о нашей встрече, она порадовалась вместе с нами. В этот вечер Ребекка опять рассказала, но уже более подробно, о всех приготовлениях, которые имеют место в Европе, для исхода евреев в Израиль. Ирина была очень тронута теми словами надежды, которой поделилась с ней Ребекка.

Ирина рассказала нам, что она и Виктор тоже чувствовали любовь Господа в своей жизни. "Мы знаем, что многие события, происшедшие с нами, могут быть объяснены только присутствием Господа. Как часто мы помогали людям покинуть эту страну, но сами уехать не могли. Может быть, Господь хотел, чтобы мы были здесь". Я уверена, что так оно и было. Мы с радостью наблюдали, как сердце Ирины открывалось навстречу любви Господа. Ни Ребекке, ни мне никогда не забыть этот вечер.

Утром Ребекка уезжала из Москвы в другой район страны. Однако Господь все продумал — мы должны были остановиться в одной и той же гостинице в Киеве и в одни и те же дни. Ребекка приехала в Советский Союз всего на шесть дней. И за эти шесть дней мы смогли встретиться по Его воле дважды!

Проводив Ребекку, я опять отправилась в магазин купить еще продуктов для Виктора. Я была благодарна Господу, что могу сделать хоть что-то для такого человека, как он.

Когда я приехала к Браиловским третий вечер подряд, Ирина дала мне письмо, в котором она изложила все свои тревоги.

"По ряду причин мы находимся в довольно тяжелом положении. Прежде всего, состояние здоровья Виктора после этого ужасного лета стало намного хуже. Там, где он находится в ссылке, лето очень жаркое. Температура поднимается до 45° С, и нет ни деревца, ни кустика, кругом

Семья Браиловских, 1982 г.: Леонид, мать Ирины, Ирина и Далия.

Я с Ириной и ее матерью.

Ирина говорит с Виктором. Он позвонил из места своей ссылки.

За столом на кухне. Записываем послание для родственников Виктора в Израиле.

пустыня. Солнце палит с утра до вечера, и воздух так раскаляется, что трудно дышать. В другие времена года еще более или менее сносно, но лето просто ужасное. Даже в начале сентября, когда мы навещали его, было все еще так жарко, что мы вынуждены были оставаться в помещении до 8 часов вечера. А Виктор находился там и в предыдущие два месяца. Он и раньше не был совсем здоровым, а после этих двух месяцев его состояние стало значительно хуже. Усугубилась болезнь печени, возникли осложнения с сердцем, а теперь еще появились проблемы со сном. Дело тут не только в климате, но и в отсутствии нормального питания, все, чем мы можем его обеспечить, это консервированные продукты.

Я очень надеялась на его досрочное освобождение. Прошло уже две трети срока его приговора, и, в соответствии с советским законом, он может быть освобожден без пересмотра дела и без учета его невиновности, на основании хорошего поведения. У него не было ни одного замечания ни от его начальников на работе, ни от милиции, ни от соседей. Он со всеми в очень хороших отношениях.

Теперь, совершенно неожиданно, несколько дней назад ему организовали выговор, чтобы его нельзя было отпустить досрочно. Виктор спросил, в чем он провинился, они были смущены и даже не знали, что ответить. Совершенно очевидно, что на этот выговор было получено указание свыше.

А я так надеялась, что это знойное лето будет последним в его пребывании там. Теперь еще целых полтора года. И я очень обеспокоена этим обстоятельством.

Еще одна проблема — в отношении нашего сына Леонида. Он подал документы на выезд из страны без нас и опять получил отказ на очень странном основании. Ему сказали, что он не может выехать, потому что его мать имела доступ к секретным документам, когда работала в Московском увиверситете. Четыре года назад администрация Московского увиверситета пересмотрела мое дело и вынесла решение, что я никогда не имела доступа к секретным документам. И теперь, когда я уже десять лет не работаю там, не мне, а моему сыну отказывают в выезде из страны, потому что его мать имела доступ к каким-то "государственным секретам".

Все это показывает, что они не прекратили преследования нашей семьи. Я не знаю, чего они хотят от нас! Они посадили моего мужа, держат нас здесь уже более десяти лет, не дают возможности работать как ученым. Теперь этот выговор, чтобы Виктор не мог быть освобожден досрочно, и отказ в выезде в Израиль моему сыну. Преследования нашей семьи продолжаются. Что они придумают еще?.. "

Прочтя это, я не знала, что делать, как помочь. Прежде всего, надо молиться. Я пообещала Ирине, что по возвращении в Израиль я обращусь к своим друзьям, и мы все будем молить Господа о помощи.

К моей великой радости, во время нашей беседы раздался телефонный звонок. Это звонил Виктор из своей ссылки, из далекого городка на берегу Каспийского моря. Я тоже поговорила с ним в тот вечер и рассказала, что тысячи людей во всем мире думают о нем, что он не забыт. Потом я записала на магнитофон его послание своим родным в Израиль.

Когда волнение от нашего разговора с ним улеглось, я записала послания всех

членов семьи, чтобы отвезти эту кассету их близким. Я пообещала, что приду к ним опять 10 октября, в мой последний день пребывания в СССР.

Я оставила Ирине свое теплое пальто, которое мне подарили в Новой Зеландии. Ведь зимы в Москве такие суровые! Я была благодарна Господу, что могу хоть чем-то помочь этим замечательным людям. Господь любит их, а все эти преследования из-за имени Его.

Утром следующего дня я уже была в Киеве. В этот же день на метро, а потом на автобусе я проверила дорогу к уже знакомой мне церкви. Вечером я отдыхала, а утром за завтраком, как мы договорились еще в Москве, встретилась с Ребеккой. Как приятно было увидеть дорогого мне человека в гостинице "Интуриста"! Мы вместе совершили экскурсию по Киеву, а потом, после обеда, отправились в церковь. Выйдя из метро, мы сели в автобус, а потом долго шли по узким улицам. Ребекка очень удивлялась, как мне удалось найти дорогу в прошлом году. И действительно, без Божьей помощи я бы этого сделать не смогла. Я не была уверена, что священник вспомнит меня, но помолиться среди столь дорогих мне братьев и сестер стоило всех наших усилий.

Вот и знакомая церковь. Мы вошли, и священник сразу узнал меня. Он очень тепло нас приветствовал, познакомился с Ребеккой и усадил поближе к себе. Как приятно было встретиться с ним опять!

Служба была очень трогательной. Ни у меня, ни у Ребекки не высыхали от слез глаза. Молитвы шли от самого сердца. Женщина рядом с нами молилась за своего двадцатитрехлетнего сына, которого посадили в тюрьму по наговору. Как и в прошлом году, хор пел прекрасно. Они понимали, о чем пели. Наши изнеженные христиане не смогли бы выжить в таких условиях. Мы на Западе должны многому учиться у них.

Священник предложил мне обратиться к прихожанам опять. Что я могла сказать им? Их вера так глубока и искренна, как будто она прошла проверку огнем.

Сначала я уверила их, что все они в моем сердце, моих мыслях и моих молитвах с того самого дня, когда я впервые попала в эту церковь. Затем я рассказала, что братья и сестры во всем мире любят их и, что самое главное, они любимы Господом. Потом я стала рассказывать им об Израиле. В заключение я сказала: "В Библии написано, что до того, как вернется Иисус, народы мира отвернуться от Израиля. И сейчас, как никогда, этой стране нужна наша любовь и наши молитвы".

Потом хор спел специально для нас "Какого друга мы имеем в Иисусе" на русском языке.

После службы многие, кто знал меня по прошлому году, хотели поговорить со мной. Через некоторое время подошла Белла, молодая женщина, которая переводила мое обращение, и сказала, что появилась милиция и чтобы мы с Ребеккой следовали за ней. Она провела нас за церковь, и там еще два молодых человека, Белла, Ребекка и я пролезли через дыру в заборе и вышли к железной дороге. Мы шли в абсолютной темноте и вскоре оказались у автобусной остановки. Я отдала Белле все крестики из оливкового дерева, которые я привезла для молодежи, и пообещала, что приду еще раз во вторник вечером. Мы с Ребеккой поблагодарили наших провожатых, а когда подошел автобус, попрощались и уехали.

Рано утром Ребекка улетала в Москву, а через день у нее был обратный рейс

Ида и Аба Таратута в своей ленинградской квартире. (Обратите внимание на карту Израиля на двери.)

Ида и Аба Таратута с еще одним "отказником", вся семья которого уже уехала из России.

домой. При расставании она дала мне 100 долларов. Мне стало стыдно за свои сомнения. Как я могла подумать, что Господь не может мне помочь деньгами в Советском Союзе? "О, маловерные..." — все еще *очень* знакомая для меня строчка!

После обеда я нашла телефон-автомат подальше от гостиницы и позвонила Наташе. Она и ее родители были единственными, кто знал о моем приезде заранее. Услышав мой голос, она воскликнула: "А мы уже ждем не дождемся вашего звонка!"

Мы договорились встретиться у фонтана на одной из центральных улиц Киева. После бурной встречи мы поехали на автобусе к ним домой. Там нас ждал грандиозный обед. И мы говорили, говорили и говорили. Они стали мне такими близкими, как родственники.

Вечером мы с Наташей поехали на день рождения ее племянника, ему исполнился год. Там было много друзей, с которыми я познакомилась два года назад на проводах у Наташиной тети. Я рассказывала им об Израиле и о том, что скоро Господь поможет евреям уехать из Советского Союза. Ответ, как всегда, был один и тот же: "Мы с нетерпением ждем этого момента. Неужели вы думаете, если двери откроются, мы не поедем?"

На следующий день я опять приехала к Натаще, и вместе с ней и ее отцом мы поехали к Бабьему Яру. Я там уже была, но, как и в первый раз, сердце мое сжалось — сколько еврейской крови было пролито на этом месте. Мы обошли вокруг памятника, а потом отец Наташи вывел меня на дорогу, по которой гнали евреев в те роковые дни. Он показал на старое здание и сказал: "Раньше это была синагога, а за ней еврейское кладбище. Поэтому нацисты и выбрали это место. Евреям сказали, что их отправят на землю обетованную, и они шли с радостью, не зная, что идут на свою гибель. Сто пятьдесят тысяч!" (Я уверена, что их, действительно, вели в Лучший Мир, потому как все они были убиты во имя Господа — Бога Израиля. А Он никогда не покидал зеницу ока Своего.)

Недалеко от памятника мы увидели пожилую пару, они молились, держа в руках старый молитвенник, и плакали. Вероятно, там погиб кто-то из их близких. Я подарила им маленькую золотую менору из Иерусалима и помолилась, чтобы Господь утешил их в их горе.

Потом мы вернулись к Наташе домой и провели вечер вместе.

Следующий день был кануном Йом Киппур, и к вечеру мы все вместе отправились в синагогу. Как и в прошлом году, вся улица перед синагогой была заполнена народом. КГБ на Украине самый жестокий, но это не помещало евреям собраться вместе в этот день. Я говорила со многими, с кем Наташа меня знакомила, и сердце мое наполнялось радостью, видя какой любовью окружал их Господь. Потом, вместе с Наташей и ее друзьями, мы пошли пешком к моей гостинице. Один пожилой мужчина поделился со мной, что он постился в этот день в первый раз в своей жизни.

- И Бог помог мне! воскликнул он. Я даже не почувствовал голода!
- Теперь вы настоящий сын Израиля, сказала я ему.
- Да, раньше я им не был, подтвердил он. Я думаю, вы правы. Теперь я действительно принадлежу этому народу. Наверное, это никогда не поздно, не правда ли?

И мы улыбнулись друг другу. Да, советские евреи стали обращаться к своим корням, к иудаизму. Надеюсь, скоро они познают и любовь Мессии, потому что Господь обещал: "Прежде, чем они спросят, Я отвечу им!"

Бабий Яр, где от рук нацистов погибло более 100000 евреев.

Пожилая пара читает поминальную молитву в лесу около Бабьего Яра.

Один из Наташиных друзей рассказал мне свою грустную историю. Семь лет он был активным сионистом и мечтал уехать в Израиль и стать там раввином. Но, как ему показалось, Господь не поддержал его, и он потерял надежду. Теперь у него жена и двое маленьких детей, и нет больше сил продолжать борьбу. Я объяснила ему, как могла, что скоро, очень скоро, Господь поможет советским евреям уехать в Израиль.

"Господь не забыл вас. Он слышит ваши молитвы, и Он любит вас. Доверьтесь Ему!" И по выражению его лица я поняла, что смогла зародить в нем искру

надежды.

Наташина мать показала мне все письма, которые они писали представителям советской власти и Брежневу с требованием отпустить их из Советского Союза. Я просто поражалась смелости этих людей!

Мы много говорили о репрессиях, которым подвергаются евреи на Украине. В газетах постоянно печатается информация против Израиля. Сионисты приравниваются к нацистам. Официальная пропаганда представляет Израиль как страну террористов и агрессоров, а евреев, которые хотят уехать из Советского Союза в Израиль, объявляет предателями. И все это, без сомнения, воздействует на повседневную жизнь этих людей. Наташина мать рассказала мне про случай, который произошел с ней буквально накануне. Больше часа она стояла в очереди за помидорами, когда же ее очередь подошла, продавщица заявила: "Ты еврейка, а все евреи — враги советской власти. Не будет тебе никаких помидоров!" Я слушала ее с ужасом.

При прощании отец Наташи вручил мне особо ценный подарок — складной

зонтик, изготовленный на фабрике, где он работал.

Вечером 28 сентября я опять поехала в церковь. Священник читал молитву, и крупные слезы текли по его лицу. "Мы должны помнить о нашем брате, который совсем недавно крестился, а теперь сидит в тюрьме. Как трудно ему было расстаться со своей семьей. Давайте помолимся, чтобы Господь дал силы его жене. За всех наших братьев и сестер, за тех, кому трудно. Господь велик. Спасибо тебе, Господи, что Ты выбрал нас, что Ты собрал нас Своим Святым Словом. Ты сказал, что сердца наши должны быть сильными, что мы должны следовать Твоим путем. Пусть они сделают с нами то же, что они сделали с народом Израиля. Мы будем сильными и будем верить в Тебя. Ты прощал всех. Ты простил Своего слугу Давида. О Господи, помоги нам воспринимать нашу веру со всей ответственностью; помоги нам идти Твоим путем. Нашим людям угрожают, особенно жене человека, который был арестован. О Господи, защити его. Есть и другие, но мы не знаем о них. Помоги ему и помоги всем, кто присутствует здесь. Благослови их и дай им новую жизнь. Открой Себя тем, кто верит и кто не верит, а особенно детям, у которых нет веры. Мы просим, чтобы все дети, родители которых верят, пришли к Тебе. Я молю за всех братьев и сестер. Дай им возможность получить все то, что получили мы. Защити тех, кто собрался сегодня здесь, они верят в Тебя. Не забудь ни о ком. Нам нужна эта церковь. Нам нужно быть вместе. Помоги нам любить Тебя и любить друг друга. О Господи, сделай это возможным. Сделай это для Своих людей. Прими нашу молитву, молитву тех, кто любит Тебя. Аминь".

Этот священник — настоящий пастырь, смиренный слуга Царя нашего. После службы он подошел ко мне: "Эстер, расскажите мне еще раз, как вы познакомились с Лизой Винц. А в Израиле действительно есть настоящие

христиане?" Я была удивлена, он помнил все, что я рассказывала в прошлом году. Потом он сказал, что будет очень рад видеть меня опять, в будущем году. Многие к нему присоединились. Но больше всех была бы этому рада я сама. Люди подходили поговорить со мной, но появилась Белла и стала показывать знаками, что пора уходить. Мы зашли за церковь, но КГБ, очевидно, нашел нашу лазейку — дыра в заборе была заколочена. Нам ничего не оставалось делать, как подождать, пока большинство разойдется, а уж потом идти к автобусной остановке. На прощание я отдала Белле свой магнитофон и микрофон, а также кассеты с христианской музыкой. Все это могло послужить хору. Никогда я не слышала такого красивого пения! Мы обещали писать друг другу. Что я могла сказать этой смелой девушке, которая уже дважды спасала меня от КГБ? Мы были сестрами в нашей вере в Него, и когда-нибудь мы будем радоваться в вечности Его любви.

30 сентября я вылетела в Минск, столицу Белоруссии. Там я надеялась отдохнуть три дня после двух напряженных недель. Праздник Симхат-Тора я должна была провести в Ленинграде. Первый день праздника был 9 октября.

Не успела я разложить свои вещи в номере гостиницы, как меня вызвали к дежурной "Интуриста". В Минск приезжают не так много туристов, поэтому я сразу же привлекла к себе внимание. Дежурная сообщила, что директор "Интуриста" хочет меня видеть в 4 часа дня. В назначенное время я явилась, и она по длинному коридору провела меня к нему в кабинет. Директор "Интуриста" приветствовал меня и сказал, что все их помыслы направлены на то, чтобы мое пребывание в этой гостинице оставило у меня хорошее впечатление. Затем он спросил, нет ли у меня каких-либо особых пожеланий. Ему было весьма интересно узнать, почему я путешествую одна, без группы. Зная, что он работник КГБ, я не очень распространялась. Я лишь объяснила ему, что не люблю организованных экскурсий, и это я могла сказать с полным на то основанием.

В заключение он заявил: "Вы, конечно, можете посещать людей, но, ради вашей же пользы, если вы захотите, предоставьте нам возможность организовать

встречи с советскими людьми". И проводил к двери.

Это было впервые, когда мне пришлось участвовать в беседе, несколько напоминающей допрос (если не считать испытаний при прохождении таможни). Минск был единственным городом, где я не должна была ни с кем встречаться и где я могла вести себя как "обычная туристка".

В один из вечеров я пошла на балет Чайковского "Лебединое озеро". Я обожаю

классический балет и получила огромное удовольствие.

На следующее утро я уже мчалась на машине по еще тихим улицам Минска в аэропорт. На этот раз я летела в Ленинград. Это была моя последняя неделя в Советском Союзе.

Ленинград очень красивый город, особенно осенью, когда листва меняет свою окраску. Целый день я провела в Эрмитаже, где была просто покорена отделом русской культуры. Потом на катере на подводных крыльях я отправилась в Петродворец. Сам дворец я посетила в один из прошлых своих приездов, на этот раз я получила огромное удовольствие от прогулки по парку. Там было так красиво, что я не могла не вознести хвалу Господу.

Вечером я поехала к Иде и Абе, мы уже стали друзьями за эти три года. Нам было о чем поговорить, сидя за столом на кухне. У них я познакомилась с молодой парой, которые только недавно поженились. Какой тяжелой оказалась

их судьба! Молодой человек недавно вышел из тюрьмы, где он провел два года за отказ от службы в Советской Армии. В выезде из страны им было отказано, поэтому найти работу он, практически, не мог. Это ставило его под угрозу нового ареста, на этот раз за "тунеядство". Кроме того, наказание за отказ от службы в армии не освобождало его от повторного призыва, очередной отказ от которого опять угрожал тюрьмой. Служба же в армии может осложнить выезд в Израиль. И вот, под таким давлением живет, по крайней мере, четверть миллиона советских евреев, которые подали документы на выезд в Израиль. Для этого нужно особое мужество и сила воли.

Аба — ученый, но не работает по своей специальности вот уже одиннадцать лет, с того времени, когда он и Ида подали документы, изъявив желание выехать в Израиль. В настоящее время он работает истопником в бане. Со свойственным ему юмором он говорит: "Теперь я, по крайней мере, не устаю на работе". Я так люблю беседовать с ними! Сколько счастливых часов мы провели вместе!

9 октября, в субботу вечером, я встретилась с ними у синагоги, которая расположена в центре города недалеко от гостиницы, где я остановилась. Они познакомили меня со многими своими друзьями. Так я впервые узнала отказников Ленинграда.

Один из них сказал мне: "Вся моя семья уехала. Жена, дети, родители — все. Я остался один. Мне не дают разрешения на выезд". Он показал фотографию своего сына. "В этом году у него будет бар мицва". Для еврейского мальчика это один из самых важных моментов в жизни — он становится взрослым. Мы стояли там на ветру, и слезы текли по нашим щекам. Что я могла ему сказать?

Как в Киеве и в Москве, перед синагогой собралась огромная толпа, люди хотели отпраздновать праздник вместе. И опять звучали израильские песни. Мне казалось, я видела улыбку Господа, наблюдающего за Своими детьми.

Это был холодный и ветреный вечер, и Ида с Абой пригласили меня продолжить празднование у своих друзей. Еще одна пара, которая тоже направлялась туда, предложила подвезти меня на своей машине. Он тоже ученый, и они в отказе уже четыре года. По дороге мы заехали к ним домой и они с гордостью показали мне свою большую пятикомнатную квартиру. "Я получил ее благодаря своему высокому положению, — сказал он, — но я с радостью оставлю ее, если мне дадут разрешение выехать из страны".

Вскоре мы уже были в доме, где все собрались на праздник. Я была тронута тем, как люди открывали мне свои сердца и двери своих домов. Мы все сидели за столом, разговаривали, шутили и смеялись. Люди делились со мной своей мечтой об Израиле. Я знаю, впереди у них много трудностей, но я уверена, что Господь поможет им осуществить задуманное. Как трудно было прощаться с ними и возвращаться в гостиницу!

В информационном справочнике "Интуриста" иностранных туристов предупреждают не пить в Ленинграде воду из-под крана, так как в ней есть микроорганизмы, называемые гардиа ламбиа, вызывающие особую форму дизентирии. Инкубационный период этой болезни длится десять дней, и лишь антибиотики определенного вида могут помочь избавиться от недуга. Такая форма дизентирии встречается только в двух местах во всем мире, и Ленинград — одно из них. Если уж советские власти признают это, значит, к этому факту необходимо относиться серьезно. Поэтому всегда, когда я бывала в Ленинграде, я избегала сырых овощей и фруктов, зубы чистила минеральной водой и пила только кипя-

ченую или минеральную воду. Однако на этот раз в ресторане при гостинице на столы ставили кувшины с яблочным соком. Я подумала, что это консервированный сок, и пила его в огромном количестве. В последний день я узнала, что это был сироп, разведенный водой из-под крана. У меня сразу возникли опасения, что неприятностей мне не избежать.

В Москву я вернулась самолетом. В зале ожидания аэропорта я сразу узнала представителя "Интуриста", который приехал встретить меня. Но, так как я была одета как окружающие меня советские люди, он не узнал во мне американку. Я подошла и стала рядом с ним, а он все искал глазами американскую туристку. Мне казалось, что он обладает чувством юмора, поэтому я и осмелилась подшутить над ним. К нему присоединился его приятель, и они уже дважды подходили к пассажиркам, которые "выглядели" американками. А я все стояла перед самым их носом. Потом они решили, что узнают меня по багажу, так как на моих чемоданах были бирки "Интуриста". Когда я стала стаскивать их с ленты транспортера, они оба рассмеялись. "Это просто невероятно!" — воскликнул один. А другой сказал: "Мы еще никогда не ошибались! Но вы выглядите совсем как советская женщина".

Мы сели в машину и поехали в гостиницу. По дороге я спросила:

- Когда погода стала такой холодной?
- Завтра утром, ответил один из них по-английски.
- Вы, вероятно, хотите сказать "вчера утром"? поправила я его, еле сдерживая смех.
 - Нет, нет, завтра утром. настаивал он.

Я уже больше не могла сдерживать себя и рассмеялась. Тут и он понял, что спутал эти слова. И мы все стали смеяться.

В гостинице дежурная хотела дать мне ключ от номера, но он застрял в своей ячейке, так что ей пришлось вытаскивать его двумя руками, что тоже вызвало у нас с ней приступ смеха. К тому же, как потом оказалось, это был ключ от особого номера — 1410, что означало дату моего дня рождения — 14 октября. Никогда бы не подумала, что буду так много смеяться в мой последний день в Москве, но пути Господни неисповедимы.

Вечером я опять поехала к Браиловским. Они все были заняты сборами, так как ночью Ирина уезжала к Виктору. Мы поужинали вместе, и я стала прощаться, не хотелось им мешать.

Утром, перед отъездом, я встретилась с тетей и дядей Наташи. Он ученый, и они тоже боролись уже много лет за выезд из Советского Союза. Они были очень добры и подарили мне подарок на день рождения — большую и яркую матрешку. Я вспомнила, что в детстве видела такую же у дедушки и бабушки. За час до отъезда я вернулась в гостиницу.

Все 25 дней моего пребывания в Советском Союзе Господь хранил меня. Я посещала людей, которые находились под постоянным наблюдением КГБ. Я открыто говорила в их домах и в синагоге, что Господь, Бог Израиля, скоро освободит их. Я открыто выступала в церкви, зная, что там находятся агенты КГБ. Все это время я была под защитой Его крыльев, которые Он распростер, чтобы защитить меня и всех тех, с кем я встречалась. А как приятно было поддержать людей и дать надежду.

В Московском аэропорту, прежде чем разрешить мне посадку на самолет, мой чемодан опять подвергли тщательному досмотру. Теперь у меня были кассеты,

много адресов и всякие передачи для друзей и родственников в Израиле. И вдруг на какое-то время Господь опустил охраняющую меня руку. Я с ужасом смотрела, как они копаются в моих вещах. Наконец, они завершили свое дело и разрешили мне закрыть чемоданы.

Это было переживание не из приятных, и я не сразу смогла от него оправиться. Вероятно, Господь хотел показать, каким кошмаром могла бы стать моя поездка

без Его помощи.

Наконец, нас пригласили на посадку, самолет летел в свободный мир. И не успели его колеса оторваться от советской почвы, как я почувствовала, что Иисус снова был со мной. Напряжение исчезло, я могла расслабиться.

Господь открыл мне двери в Советский Союз, но Он отнюдь не обещал, что они будут открыты, когда мне нужно будет выйти. Кто может знать цели Его?

Надо просто быть готовым ко всему.

Я очень обрадовалась, увидев милое лицо Марии в аэропорту Хельсинки. Ей тоже пришлось нелегко, ведь она совсем не была уверена, прилечу я или нет. Она протянула мне прекрасную розу, и я, наконец, поняла, что испытание окончено.

Я провела у Марии три дня. Мы много говорили и смеялись. Я отдыхала душой. Затем я отправилась познакомиться с христианской общиной Швеции. Должна признаться, что меня неприятно поразило там отсутствие морали и крепких семейных уз.

Утром, перед отъездом, я проснулась от резкой боли в животе. Я сразу поняла, что десятидневный инкубационный период подошел к концу и начинается

дизентерия. Это был день моего рождения.

Через несколько часов я уже была в Норвегии и могла рассказать Дженни и Вольфгангу, как поддержало меня их послание на пути в Москву. Они были рады

узнать, что оно дошло до меня благополучно.

Перед тем как отправиться спать, я сказала им, что мне необходимо повидаться с врачом. На следующий день боли усилились и я понимала, что без соответствующего лечения мое состояние будет только ухудшаться. Но и на следующий день никто не позаботился вызвать мне врача. Ночью я обратилась с мольбой к Господу: "Отец, я знаю, что это серьезно, но никто не обращает внимания на мою болезнь. Что мне делать?"

И Он ответил: "Ты сама виновата, ведь ты никому ничего толком не рассказала". Я улыбнулась — как хорошо Он меня знает. Да, Он был прав! Я всегда терплю боль и говорю о ней вскользь. Поэтому Дженни и Вольфганг не знали, насколько серьезно мое заболевание. На следующий день мне стало совсем плохо и они вызвали доктора.

В этом тихом уголке Норвегии не знали о такой болезни, врач предложил поместить меня в больницу. Но, так как у меня не было страховки, он ограничился тем, что выписал мне антибиотик и велел придерживаться жидкой диеты.

Все это время осталось в моей памяти как сплошной кошмар. Боли были жуткие, и меня мучила слабость. А люди все назначали собрания, на которых я должна была выступать, несмотря на все мои жалобы. Самым большим испытанием было выступление на юге Норвегии, куда мне пришлось добираться очень долго на поезде. Никому не было дела, как я себя чувствую. Мне кажется, миссионеры, приезжающие домой на отдых, должно быть, чувствуют то же самое. Они возвращаются усталыми и истощенными после нескольких лет напряженной работы, и, вместо того, чтобы отдохнуть, они вынуждены разъез-

жать, выступать и благодарить всех тех, кто помогал им когда-то. Это очень тяжело, как я поняла на собственном опыте.

Господь использовал это время еще и для проверки моей дружбы с Дженни и Вольфгангом. Она прошла через несколько трудных моментов, но выстояла и

стала еще крепче.

Мне пришлось отложить свое возвращение в Израиль. Когда же я, наконец, прибыла туда, то чувствовала себя окрепшей и отдохнувшей, и все это благодаря заботе и любви моих дорогих норвежских друзей. Как же хорошо было вернуться домой! Я так соскучилась по своим друзьям, соседям и по городу, который так люблю!

Весной 1982 года, еще до своей двадцатинедельной поездки, я как-то сидела и работала над книгой. И вдруг Господь подсказал мне, что хорошо бы какую-то ее часть посвятить Израилю. Подумав над этим, я поняла, что нельзя писать об Израиле и не уделить внимания Катастрофе. Как можно понять эту страну, не зная трагедии гибели шести миллионов евреев? Премьер-министр Бегин неоднократно повторял: "Если враги Израиля угрожают уничтожить нас, мы должны относиться к этому серьезно.".

На севере Израиля живет одна очень милая пара — Роза и Мотек. Я знаю и люблю их уже много лет. Оба они уцелели во время Катастрофы. Весной Господь предложил мне идею — поместить рассказ Розы о своей жизни в мою книгу. Но предупредил, чтобы я обратилась к ней осенью, после своего возвращения. Зачем волновать ее раньше времени? Я чуть было не забыла об этом, но Господь мне напомнил.

В ноябре я поехала навестить их и спросила Розу, не согласится ли она рассказать историю своей жизни для моих читателей. Я понимала, как трудно ей будет вспоминать все, что она пережила. Однако она сразу же согласилась, объяснив, что выжила, чтобы рассказать о тех, кто погиб.

Через неделю я приехала с магнитофоном и запасом кассет. Мы сели на кухне и я включила свой магнитофон. Тогда я еще не знала, что этот день изменит всю мою жизнь.

В течение двенадцати часов она рассказывала об ужасах, которые ей пришлось пережить, и мы обе плакали. Безмерность страданий, которые выпали на долю Его народа, потрясли меня. Уже потом я поняла, что в это страшное время страдал и Он.

Далее я привожу историю Розы так, как она мне ее рассказала.